

ISSN 2500-1523 (Print)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

T. 15

№ 3

2023

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2023. Т. 15. № 3

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)

Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение (Монгол судлал)» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76106 от 03.07.2019.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Издается с 2002 г.

Журнал «**Монголоведение**» — востоковедное издание историко-филологического направления. На страницах журнала освещаются вопросы истории, языка, фольклора и литературы монголоязычных народов, которые в основном проживают в Монголии, Китае и России. Публикуются материалы российских и зарубежных монголоведов: статьи, сообщения, комментированные переводы письменных памятников, устные нарративы с комментариями, рецензии, обзоры. Тематика журнала «Монголоведение» — история, этнология и антропология, источниковедение, языкознание, фольклористика, литературоведение.

Главная **цель** издания журнала — способствовать развитию академического монголоведения, имеющего более чем двухсотлетнюю историю, располагающего огромной источниковой базой и являющегося одним из важных и традиционных направлений востоковедения, а также развивать традиции, заложенные в российской монголоведной научной школе, и применять новые методы и приемы в исследовании актуальных проблем и вопросов монголоведения.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология), языки, литература и фольклор монгольских народов

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru;

Сайт: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Калмыцкий научный центр

Российской академии наук, 2023

© Коллектив авторов, 2023

MONGOLIAN STUDIES

Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 3, 2019.

Certificate of registration ПИ No. ФС77-76106.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Issued since 2002

The *Mongolian Studies* is an Orientalist journal focusing on historical and linguistic aspects. The articles published cover the questions of history, language, folklore, and literature of Mongolic peoples primarily residing in Mongolia, China, and Russia. Typologically, works authored by Russian and foreign Mongolists include as follows: scholarly articles, reports, commented translations of written monuments, commented oral narratives, reviews and surveys. The journal comprises a range of sections, such as History, Ethnology and Anthropology, Source Studies, Linguistics, Folkloristics, and Literary Studies.

The journal chiefly *aims* to facilitate further development of academic Mongolian studies as an important and traditional branch of Oriental studies in Russia that started over two centuries ago and are characterized by a widest source base. It also seeks to sustain research traditions of the Russian Mongolist school and apply new methods and techniques for the investigation of topical issues relating to Mongolian studies.

The journal publishes articles in Russian, Mongolian, Kalmyk and English.

The journal is issued four times a year.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies,
Ethnology and Anthropology);
Languages, Literature and Folklore of the Mongolian Peoples

Subscription index in Russian Catalogue: 39464

Founding Institution, Editorial office, Publisher —

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:

8, Ilishkin St., 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru;

Web-site: <https://mongoloved.kigiran.com/>

Главный редактор
канд. филол. наук **В. В. Куканова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук **Э. П. Бакаева**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук **А. Алимая**, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук **Б. В. Базаров**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

канд. филол. наук **А. Т. Баянова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **А. Бирталан**, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);

д-р филол. наук **И. В. Булгутова**, Бурятский государственный университет
им. Д. Банзарова (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **В. В. Грайворонский**, Институт востоковедения РАН
(Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Л. С. Дампилова**, Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **С. В. Джунджузов**, Оренбургский государственный
педагогический университет (Россия, г. Оренбург);

д-р ист. наук **Н. Л. Жуковская**, Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **Д. Н. Музраева**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **В. Н. Мушаев**, Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **Л. В. Курас**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **У. Б. Очиров**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **К. В. Орлова**, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **А. М. Плеханова**, Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р филол. наук **Г. Ц. Пюрбеев**, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **К. Хамфри**, Кембриджский университет
(Великобритания, г. Кембридж);

д-р ист. наук **Н. Хишигт**, Институт истории и этнологии АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р филол. наук **А. Д. Цендина**, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Р. М. Ханинова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);

канд. филол. наук **Г. М. Ярмаркина**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста).

Переводчик: С. В. Джагунов
Дизайн и верстка: Д. В. Татнинов
Ответственный секретарь: С. В. Мирзаева

Editor-in-Chief:

V. V. Kukanova, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

E. P. Bakaeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Russia, Elista)

Editorial Board:

- A. Alimaa**, Dr. Sc. (Philology), Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- B. V. Bazarov**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- A. T. Bayanova**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- A. Birtalan**, Dr. Sc. (Philology), ELTE University (Budapest, Hungary);
- I. V. Bulgutova**, Dr. Sc. (Philology), Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russia);
- L. S. Dampilova**, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- S. V. Dzhundzhuzov**, Dr. Sc. (History), Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia);
- V. V. Graivoronsky**, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- C. Humphrey**, Dr. Sc. (History), University of Cambridge (Cambridge, Britain);
- R. M. Khaninova**, Dr. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- N. Khishigt**, Dr. Sc. (History), Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- L. V. Kuras**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- V. N. Mushaev**, Dr. Sc. (Philology), Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);
- D. N. Muzraeva**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- U. B. Ochirov**, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- K. V. Orlova**, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- A. M. Plekhanova**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- G. Ts. Pyurbeev**, Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russia);
- A. D. Tsendina**, Dr. Sc. (Philology), Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- N. L. Zhukovskaya**, Dr. Sc. (History), Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia);
- G. M. Yarmarkina**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia).

Translator: S. V. Dzhagrunov

Design and page layout: D. V. Tatninov

Executive Secretary: S. V. Mirzaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Актамов И. Г., Винокурова А. В., Оролмаа М.

Австралийский вектор монгольской миграции: основные параметры и тенденции 314

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Команджаев Е. А.

Обязательства калмыков и деятельность Зарго в начале XIX в. 332

Максимов К. Н.

Духовенство калмыков-казаков Дона в XVIII – первой половине XIX в. 347

Гунаев Е. А.

Калмыцкая степь Астраханской губернии в первой половине XIX в.: этапы и основные модели административной системы управления 368

Баянова А. Т.

«Его добросовестный труд должен почитаться драгоценным подарком для восточной филологии»: о «Грамматике монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова 384

Кринко Е. Ф., Очиров У. Б.

Участие жителей Калмыкии в позднесоветских и постсоветских вооруженных конфликтах: статистический и военно-антропологический аспекты 396

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Митруев Б. Л.

О печатях калмыцкого хана Дондук-Омбо 419

Бичеев Б. А., Гэрэлмаа Г.

Ойратский текст дхарани-сутры Ганапати 430

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Миягашева С. Б.

«Секретные» болезни у монгольских народов в начале XX в.: традиционные представления и методы лечения 446

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Есенова Т. С.

Концепт «байн / богатство» в калмыцком языке (на лексикографическом и фольклорном материале) 458

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Манджиева Б. Б.

Сюжетосложение песни «Жаңһр гидг нериг олсн бөлг» («Песнь о том, как было найдено имя Джангар») ойратского джангарчи Нарса 470

Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., Эльбикова Б. В.

Устные нарративы калмыков о чудесном исцелении в полевых записях 2023 г. . . . 488

CONTENTS

GENERAL HISTORY

- Aktamov I. G., Vinokurova A. V., Orolmaa M.*
The Australian Vector of Mongolian Migration: Basic Parameters and Trends 314

NATIONAL HISTORY

- Komandzhaev E. A.*
Obligations of Kalmyks and Activity of the Zargo in the Early 19th Century 332
- Maksimov K. N.*
Clerics of Don Kalmyk Cossacks, 18th to Mid-19th Centuries 347
- Gunaev E. A.*
Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in the Early to Mid-19th Century: Stages and Key Patterns of the Administrative Governance System 368
- Bayanova A. T.*
‘His Dedicated Work Be a Precious Gift to Oriental Linguistics’: Revisiting the Grammar of Kalmyk Mongolian by Aleksey A. Bobrovnikov 384
- Krinko E. F., Ochirov U. B.*
Residents of Kalmykia in Late Soviet and Post-Soviet Armed Conflicts: Statistical and Military-Anthropological Aspects 396

SOURCES STUDIES

- Mitruev B. L.*
Seals of Kalmyk Khan Donduk-Ombo Reviewed 419
- Bicheev B. A., Gerelmaa G.*
Ganapati Dharani Sutra: Oirat Texts 430

ETHNOLOGY & ANTHROPOLOGY

- Miyagasheva S. B.*
‘Secret’ Diseases across Mongolic Communities in the Early 20th Century: Traditional Representations and Treatment Methods 446

LINGUISTICS

- Esenova T. S.*
The Concept of Wealth (*Bain*) in Kalmyk Discourse: Analyzing Lexicographical and Folklore Materials 458

FOLKLORE STUDIES

- Mandzhieva B. B.*
The Song of How the Name Jangar was Discovered: Plot Building in an Epic Narrative Recorded from Oirat Jangarchi Narsa 470
- Khabunova E. E., Dampilova L. S., Elbikova B. V.*
Miraculous Healing Narratives of Kalmyks: Analyzing Field Recordings of 2023 488

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(94:517):314.74

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-314-331

Австралийский вектор монгольской миграции: основные параметры и тенденции

*Иннокентий Галималаевич Актамов^{1, 2}, Анна Викторовна Винокурова³,
Мунхбат Оролмаа⁴*

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат педагогических наук, PhD (история науки и техники), заведующий лабораторией

² Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат педагогических наук, PhD (история науки и техники), доцент
 0000-0002-8646-1048. E-mail: [aktamov13\[at\]gmail.com](mailto:aktamov13@gmail.com)

³ Дальневосточный федеральный университет (д. 10, п. Аякс, о. Русский, 690922 Владивосток, Российская Федерация)
кандидат социологических наук, доцент
 0000-0001-6415-4680. E-mail: [vinokurova77\[at\]mail.ru](mailto:vinokurova77@mail.ru)

⁴ Монгольский государственный университет (1, ул. Университетская, 14201 Улан-Батор, Монголия)
PhD (Sociology), профессор, директор института
 0000-0002-7869-9144. E-mail: [munkhbat\[at\]num.edu.mn](mailto:munkhbat[at]num.edu.mn)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Актамов И. Г., Винокурова А. В., Оролмаа М., 2023

Аннотация. *Цель статьи* — охарактеризовать специфику миграции из Монголии в Австралию на современном этапе развития. *Материалы и методы.* Исследование выполнено на основе комплексного подхода с опорой на данные международной и национальной статистики ООН, ЮНЕСКО, Правительства Австралии и Монголии и др.; дискурс-анализ публикаций в печатных и электронных СМИ на русском, монгольском и английском языках, посвященных вопросам миграции монгольских граждан в Австралию. Используются также опросные методы (экспертный опрос, неформализованное интервью, анкетирование). Полевые работы проводились летом 2022 г. *Результаты и выводы.* В ходе исследования были выявлены наиболее характерные черты монгольской миграции в Австралию. Во-первых, монгольские мигранты в Австралии — это одна из самых быстрорастущих групп иностранных мигрантов. В настоящее время Австралия становится все более и более востребованным направлением для граждан Монголии в плане трудовой (третье место после Республики Корея и США) и образовательной (четвертое место после КНР, Республики Корея и Японии) миграции. Во-вторых, основной

движущей силой трудовой миграции из Монголии в Австралию является экономический мотив, не менее важную роль играют и нематериальные факторы — низкая плотность населения, схожий с монгольским ландшафт, высокий уровень и качество жизни, благоприятная миграционная ситуация в принимающем обществе. В-третьих, образовательная миграция из Монголии в Австралию так же, как и трудовая, имеет высокий потенциал, связана с дальнейшими перспективами трудоустройства и профессиональной самореализацией для монгольских граждан как на родине, так и в стране назначения. Стимулируют трудовую и образовательную миграцию активно действующие специальные правительственные программы в рамках двусторонних австралийско-монгольских соглашений как в промышленной, экономической (в первую очередь, в горнорудной отрасли), так и в гуманитарной сфере (различного рода стипендии, академическая мобильность). В перспективе ожидается расширение экономического и гуманитарно-образовательного сотрудничества между Монголией и Австралией, которое позволит странам реализовывать взаимовыгодные проекты.

Ключевые слова: миграционные процессы, миграционная политика, трудовая миграция, образовательная миграция, социальное благополучие, Монголия, Австралия

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (РЦНИ) и МОКНСМ в рамках проекта «Российские и монгольские трудовые мигранты в странах АТР» (№ 20-511-44003).

Для цитирования: Актамов И. Г., Винокурова А. В., Оролмаа М. Австралийский вектор монгольской миграции: основные параметры и тенденции // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 3. С. 314–331. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-314-331

The Australian Vector of Mongolian Migration: Basic Parameters and Trends

Innokentii G. Aktamov^{1, 2}, Anna V. Vinokurova³, Munkhbat Orolmaa⁴

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Pedagogy), PhD (History of Science and Technology), Head of Laboratory

² Banzarov Buryat State University (24A, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Pedagogy), PhD (History of Science and Technology), Associate Professor

 0000-0002-8646-1048. E-mail: aktamov13[at]gmail.com

³ Far Eastern Federal University (10, Ajax Bay, Russky Island, 690922 Vladivostok, Russian Federation)

Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor

 0000-0001-6415-4680. E-mail: vinokurova77[at]mail.ru

⁴ National University of Mongolia (1, Ikh Surguuli St., 14201 Ulaanbaatar, Mongolia)

PhD (Sociology), Tenured Professor, Director of Institute, Dean of Ulaanbaatar School

 0000-0002-7869-9144. E-mail: munkhbat[at]num.edu.mn

© KalmSC RAS, 2023

© Aktamov I. G., Vinokurova A. V., Orolmaa M., 2023

Abstract. *Goals.* The article aims to characterize some key aspects of present-day migration from Mongolia to Australia. *Materials and methods.* The study employs a comprehensive methodology to analyze international and national statistics data from the United Nations, UNESCO, Governments of Australia and Mongolia, etc. It also involves discourse analyses

of Russian-, Mongolian- and English-language print and online publications dealing with the migration of Mongolian citizens to Australia. Survey methods have proved as instrumental, e. g., expert surveys, informal interviews, and questionnaires. Field research was conducted in the summer of 2022. *Results.* The study reveals key characteristic features of Mongolian migration to Australia. Firstly, Mongolian migrants in Australia are a fastest growing group of foreign migrants. Currently, Australia is becoming an increasingly popular labor (third place after the Republic of Korea and the USA) and educational (fourth place after China, Korea and Japan) destination for Mongolian citizens. Secondly, the main driving force of labor migration from Mongolia to Australia is the economic motive; however, non-financial factors play an equally important role — low population density, similar to landscapes, high living standards and quality of life, favorable migration situation in the host society. Thirdly, educational migration from Mongolia to Australia, as well as labor migration, has a high potential, is associated with further employment prospects and professional self-realization for Mongolian citizens both at home and in the destination country. Labor and educational migration is stimulated by active special government programs within operating Australia-Mongolia agreements both in industrial/economic (primarily in mining) and humanitarian spheres (various scholarships, academic mobility). The countries anticipate an expansion of economic, cultural and educational cooperation, which shall make it possible to implement mutually beneficial projects.

Keywords: migration processes, migration policy, labor migration, educational migration, social well-being, Mongolia, Australia

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR and MECSS, project no. 20-511-44003 ‘Russian and Mongolian Migrant Workers in the Asia-Pacific’.

For citation: Aktamov I. G., Vinokurova A. V., Orolmaa M. The Australian Vector of Mongolian Migration: Basic Parameters and Trends. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(3): 314–331. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-314-331

1. Введение

Австралия представляет собой один из уникальных примеров миграционной политики — на начальном этапе правительства Великобритании, а впоследствии и руководства Австралийского Союза. Австралийский Союз — это единственное государство, располагающееся на островном континенте и не имеющее сухопутных границ с другими странами. Материк окружен Индийским океаном на западе и Тихим океаном на востоке, он равноудален на юго-востоке от Азии и на юго-западе от Европы. Географическое положение оказывает влияние на социально-политическое развитие страны и ее общественную жизнь. Подобно США и Канаде, она была создана мигрантами, т. е., по сути, современная государственность Австралии — это прямой результат миграционного процесса, поэтому миграция там и по сей день является основой общественной жизни (см. подробнее: [Грицай, Швец 2019: 120]).

Первые поселения на территории Австралии были предназначены для ссылки каторжников с Британских островов и датируются концом XVIII в. При этом сама нормативная база регулирования миграционных потоков имеет довольно противоречивую историю. В современных условиях Австралия привлекает мигрантов из других стран, в том числе путем реализации различных программ поддержки молодежи, создания условий для привлечения трудовых мигрантов. Высокий уровень жизни привлекает граждан государств Азии. В последнее время граждане Монголии все чаще рассматривают Австралию как один из наиболее вероятных маршрутов миграции. В рамках данной статьи предпринята попытка дать характеристику австралийского направления в миграционных стратегиях монгольских граждан. Следует отметить, что отдельных исследований,

посвященных данной проблематике, крайне мало, а в отечественной социологии практически нет публикаций по теме миграции монголов в Австралию.

2. Методология и методы исследования

Предпринятое нами исследование выполнено на основе комплексной методологии. Ключевым теоретико-методологическим подходом выступает структурный функционализм, учитывающий социально-экономические и исторические условия принимающего общества, где происходит адаптация мигрантов, а также характеристики мигрантских сообществ, в том числе место и роль этничности на индивидуальном и групповом уровнях. Эмпирическую базу исследования составили данные официальной статистики, вторичный анализ, дискурс-анализ публикаций в СМИ на русском, монгольском и английском языках. Также были использованы опросные методы (экспертный опрос, анкетирование, неформализованные интервью). Полевые работы проводились летом 2022 г.

3. Австралия и Монголия: краткий исторический обзор двусторонних отношений

Австралия установила дипломатические отношения с Монголией 15 сентября 1972 г. Двустороннее взаимодействие заметно ускорилось после демократических реформ в Монголии в начале 1990-х гг. Основное внимание в двусторонних отношениях уделяется образованию, отдельным направлениям экономического взаимодействия, горнодобывающей промышленности, сельскому хозяйству. Между Монголией и Австралией активно развивается политическое взаимодействие и гуманитарное сотрудничество (обменные программы, туризм).

В 1997 г. президент Монголии Пунсалмаагийн Очирбат стал первым руководителем страны, посетившим Австралию. Монголия открыла посольство в Канберре в 2008 г. Открытие посольства было связано с плодотворной работой дипломатических служб на высшем уровне, реализацией двусторонних встреч на уровне руководства стран. Официальные визиты в Австралию министра иностранных дел Ц. Гомбосурэна в 1993 г., президента П. Очирбата в 1997 г. и спикера парламента Ц. Нямдоржа в 2007 г. сыграли значительную роль в развитии двусторонних отношений. С. Батболд стал первым премьер-министром Монголии, посетившим Австралию в 2011 г. [Bolor 2022].

Канберра начала в 1990-е гг. направлять с визитом официальные делегации. В 1994 г. генерал-губернатор Билл Хейден посетил Монголию вместе с министром иностранных дел Гаретом Эвансом. В период 2005–2007 гг. высокопоставленные австралийские чиновники, в том числе министр иностранных дел Александр Даунер, посетили Монголию с целью развития сотрудничества в сфере туризма и природных ресурсов.

В 2011 г. в Улан-Баторе был основан центр «Austrade», который позже был преобразован в австралийский консульский центр. В декабре 2015 г. министр иностранных дел Джулия Бишоп объявила об открытии посольства Австралии в Улан-Баторе, и Джон Лэнгтри стал первым послом-резидентом. До своего назначения Лэнгтри руководил подразделением Северной Азии в Министерстве иностранных дел и торговли Австралии (DFAT) [Bolor 2022].

Австралия, еще до открытия своего посольства в Улан-Баторе, уделяла большое внимание развитию гуманитарных связей с Монголией за счет расширения доступа к программам высшего образования. Учитывая высокую долю лиц

молодого возраста (средний возраст населения Монголии составляет 28 лет), образовательное сотрудничество занимало и продолжает занимать важное место в двусторонних отношениях между государствами [Bolor 2022].

На начальном этапе большую роль сыграло монгольско-австралийское общество «Mozzies», которое стало мостом для реализации образовательных проектов, культурного обмена и гуманитарных связей в целом (см. подробнее: [The Australia Awards 2023]).

Большая работа в плане развития отношений проводится Австралией по линии программ прямой помощи. Например, с 2003 г. прямую помощь получили более чем 100 организаций Монголии, которые реализовали свыше 130 проектов, направленных на сокращение бедности, развитие здравоохранения и решение проблем молодежи. Программа прямой помощи на 2022–2023 гг. определила 13 организаций Монголии, которые получают гранты, среди победителей — Национальный центр охраны здоровья матери и ребенка, Национальный институт управления стихийными бедствиями, Национальный центр против насилия, Неправительственная организация (НПО) «Юные ученые» и др.

В 2015 г. Монголия и Австралия создали совместную инициативу, известную как Австралийско-монгольская программа добычи полезных ископаемых (АМЕР). Целью программы являлась помощь Монголии в развитии экономики, ориентированной на ресурсы. В период с 2015 по 2019 гг. совместная программа завершила свой начальный этап, который предусматривал улучшение инвестиционной среды Монголии путем создания стимулов для правительств, гражданского общества и частного сектора.

Помимо сотрудничества в гуманитарной сфере и горнодобывающей промышленности, Монголия и Австралия участвовали в миротворческих миссиях в Косово и Сьерра-Леоне. Австралия также принимает участие в ежегодных международных миротворческих учениях в Монголии «Khaan Quest» [Bolor 2022].

Следует отдельно упомянуть о развитии сотрудничества в сфере науки. В 2011 г. в Австралийском национальном университете был создан Центр монголоведения. В 2012 г. он был преобразован в Институт Монголии. Институт вносит значительный вклад в развитие монголоведения в Австралии, ежегодно организует конференции по различным аспектам монголоведческих исследований. Кроме того, в начале каждого года институт проводит краткие курсы обучения монгольскому языку. Правительство Монголии оказывает определенную финансовую поддержку монголоведческим исследованиям в Австралии [Celebrating 50 years 2022].

4. Миграция из Монголии в Австралию

Австралия на сегодняшний день является одной из крупнейших стран мира, постоянное население которой во многом сформировалось за счет мигрантов. По данным на 30 июня 2020 г. в Австралии проживало 7,6 млн мигрантов, что составляет почти треть (29,8 %) от общей численности населения страны (см. подробнее: [Migration, Australia 2021]).

На протяжении длительного периода (с момента освоения австралийского континента европейцами и вплоть до 2010-х гг.) большая часть мигрантов прибывала в Австралию из Великобритании. Выходцы из Великобритании продолжают оставаться наиболее многочисленным эмигрантским сообществом, но в последние несколько лет заметна тенденция к увеличению численности мигрантов из стран Азии (см. рис. 1).

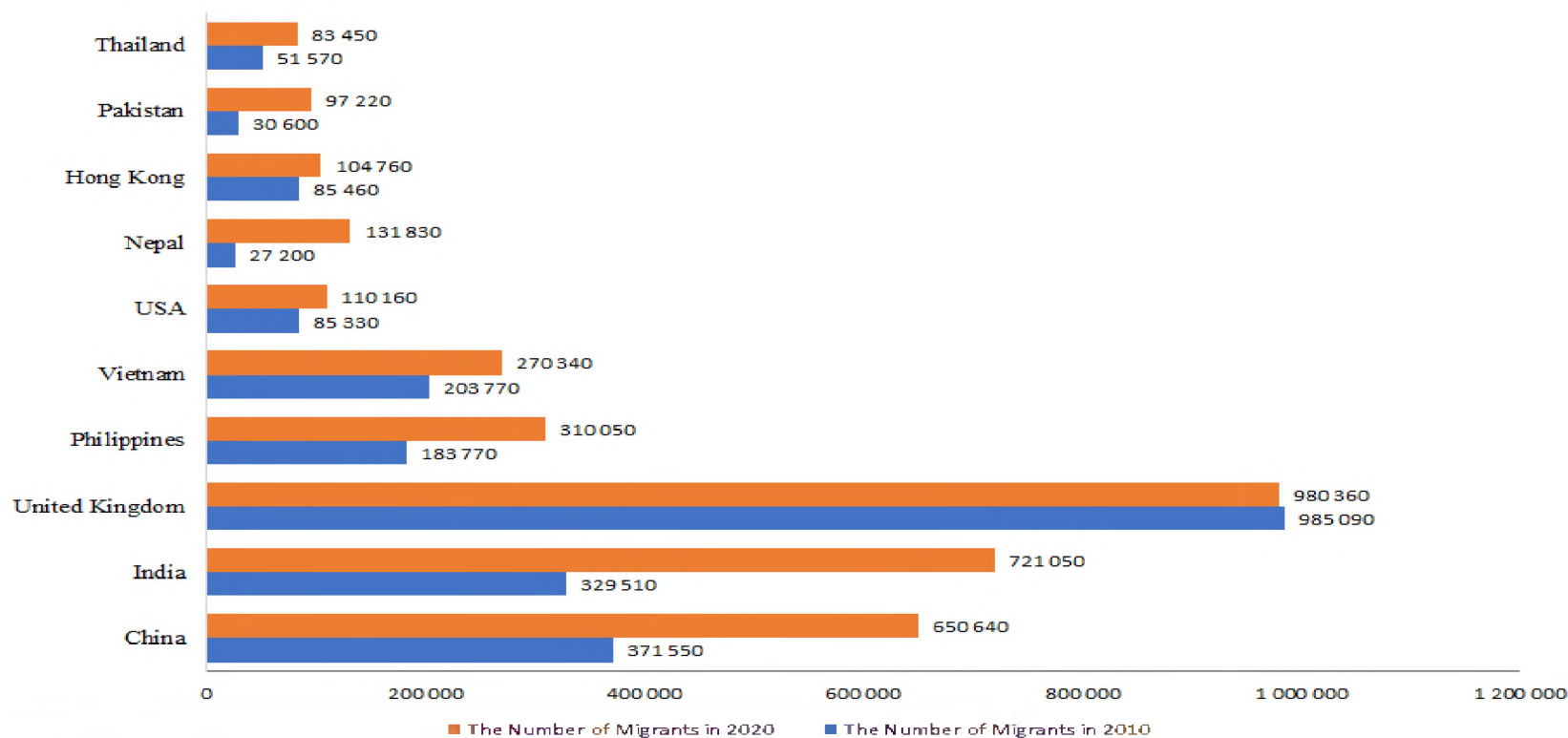

Рис. 1. ТОП-10 стран, обеспечивающих наибольший приток международных мигрантов в Австралию, чел.

Источник: составлено авторами на основе: [The top 10 countries]

[Fig. 1. TOP-10 countries of origin for outnumbering immigrants to Australia, individuals]

Как показывают данные, представленные на рис. 1, численность мигрантов из Великобритании уменьшилась за последние двадцать лет на 1,3 %. Что касается выходцев из КНР и Индии, то за этот же период их численность значительно выросла, увеличившись почти в два раза. Отмеченная тенденция характерна для мигрантов и из других стран Азии. Так, доля мигрантов из Филиппин возросла на 68,7 %, из Таиланда — на 61,8 %, из Вьетнама — на 33,7 %, из Гонконга — на 22,6 %. Количество выходцев из Непала и Пакистана увеличилось в пять и три раза соответственно.

Монгольские мигранты не обладают столь высокой численностью, как мигранты из других азиатских государств, обозначенных нами выше, но также представляют собой одну из самых быстрорастущих групп иностранных мигрантов в Австралии. По данным переписи населения 2021 г., в Австралии проживало 5 397 монголов, из которых 444 были гражданами этой страны. При этом доля женщин несколько выше, чем мужчин — 52,7 % и 47,3 % соответственно. Средний возраст мигрантов из Монголии составляет 30 лет, подавляющее большинство (70,3 %) прибыло в Австралию после 2016 г. Так, если в 2001–2010 гг. в Австралию прибыло 527 монгольских мигрантов, то в 2011–2015 гг. уже 880 чел., а в 2016–2021 гг. их насчитывалось 3 793 чел. [People in Australia 2021].

Статистические данные показывают, что за последние двадцать лет численность монгольских мигрантов увеличилась более чем в семь раз. Таким образом, монгольские граждане занимают уверенное первое место по миграционному притоку в Австралию по сравнению с представителями других стран. Возникает очевидный вопрос: каковы причины такого явления?

Судя по полученным официальным данным, основным стимулом, побуждающим граждан Монголии переезжать в Австралию, является высокий уровень межгосударственных связей, который обеспечивает благоприятные условия, в том числе и для миграции, в виде конкретных программ. Кроме того, в Австралии функционирует ряд организаций, предоставляющих бесплатную юридическую помощь. Информация об этом размещена на официальном сайте Посольства Монголии. Обновленный список был размещен 23 мая нынешнего года (см. подробнее: [Австралид үнэгүй 2023]).

Но все же существующие благоприятные объективные условия для миграции из Монголии в Австралию — это производное, а основным мотивом для самих мигрантов является стремление к материальному благосостоянию. Как показывают результаты проведенного нами анкетного опроса, главная причина, по которой граждане Монголии мигрируют в Австралию, — это желание хорошо заработать. Данное мнение разделяют около трети опрошенных (31,7 %), примерно пятая часть респондентов (19,0 %) приняла решение о миграции в связи со сложным материальным положением семьи. Также в полученных ответах отмечалось, что невозможно найти работу на родине в своем городе (селе) — 4,7 %; отсутствует работа по специальности — 7,7 %; нерегулярно выплачивается зарплата — 7,0 %. Часть опрошенных указала на то, что миграция в Австралию — это возможность попробовать себя в другом, получить новый жизненный опыт (17,3 %), были указаны и другие причины (12,7 %) [ПМА 2022]¹.

¹ Анкетный опрос проведен в рамках реализации научного проекта «Российские и монгольские трудовые мигранты в странах АТР» (грант РФФИ (РЦНИ) и МОКНСМ

Для повышения уровня своего материального благосостояния монгольские мигранты готовы преодолевать различные трудности. Судя по результатам нашего анкетного опроса монгольских мигрантов, проживающих и/или имеющих опыт проживания и ведения трудовой деятельности в Австралии, многие ради улучшения своего материального положения готовы осваивать новую для себя профессию, выполнять тяжелую, однообразную и монотонную работу, готовы работать в условиях повышенной ответственности. В гораздо меньшей степени готовы работать в опасных и вредных для здоровья условиях, жертвовать своим свободным временем, отказываться от своих принципов, терпеть грубость, унижения и оскорбления от работодателя [ПМА 2022].

Как мы уже отметили выше, получение максимальной экономической выгоды является ведущим движущим мотивом трудовой миграции из Монголии в Австралию. Соответственно, вполне укладывается в данную логику наиболее популярная среди опрошенных нами монгольских мигрантов позиция по вопросу касательно того, что для них значит работа за рубежом. Чаще всего респонденты выбирали вариант ответа «высокая зарплата» (37,1 %). Вместе с тем практически каждый четвертый опрошенный (24,4 %) рассматривает свою работу в Австралии уже в более широком контексте — как возможность добиться успеха в жизни [ПМА 2022]. Полагаем, что для монгольских мигрантов, успешно адаптирующихся в принимающем австралийском сообществе, характерна выработка и/или корректировка целей, планов, поведенческих моделей, в соответствии с новым социокультурным пространством.

В личной беседе одного из авторов данной статьи с представителем академического сообщества из Внутренней Монголии (профессор проживает в Австралии, получила гражданство этой страны) было выявлено еще одно объяснение, способствующее монгольской миграции. На вопрос о популярности миграции монголов в данную страну был получен ответ: «...возможно, это связано со схожим ландшафтом, широкими степями, которые кажутся монголам более привычным пейзажем и позволяют проще адаптироваться к новым условиям» [ПМА 2022: Инф. 1].

Дополнительным фактором привлекательности Австралии для граждан Монголии как предпочтительного направления для миграции является «сравнительно большое число успешных кейсов адаптации в принимающем обществе» (муж., доцент, 38–40 лет). Этот тезис выдвинул собеседник из Улан-Батора, который также занимается исследовательской деятельностью в области монголоведения. Принципиальное значение имеет тот факт, что вновь прибывшие мигранты не

№ 20-511-44003). Респонденты — монгольские мигранты, проживающие и/или имеющие опыт проживания и ведения трудовой деятельности в Австралии. Анкеты включали вопросы, условно разделенные на три блока: «паспортичка» (базовые социально-демографические характеристики респондентов); основные стратегии в сфере труда и профессиональной занятости; основные целевые ориентации, жизненные ценности, перспективные планы. Сбор первичных эмпирических данных был проведен летом 2022 г. Работа осуществлялась в рамках разведывательно-описательного стратегического плана. Анкета была размещена на платформе Survio, далее ссылка направлялась потенциальным респондентам. После завершения полевых работ и первичной обработки полученных данных действительных анкет по монгольской выборке оказалось 300 (n=300).

ощущают особой разницы между ними и местным населением, и на первом этапе это способствует оптимальной социализации. Данный пример является еще одним доводом в пользу привлекательности принимающего общества.

Кроме того, следует отметить, что определенные благоприятные базовые условия для миграции создает правительство Австралии в виде двусторонних соглашений и проектов, направленных на расширение гуманитарного сотрудничества между странами, которое опосредованно влияет на развитие совместных проектов в горнорудной отрасли Монголии. Австралийское правительство и частные компании весьма заинтересованы в расширении своего участия в разработке золотомедных месторождений Оюу Толгой. Активное участие иностранных компаний в добыче и реализации полезных ископаемых уже становилось предметом бурных политических дискуссий и роста недовольства граждан Монголии (см. подробнее: [Монголия предложила 2021]).

В связи с этим, вполне вероятно, что австралийское руководство пытается через гуманитарные и образовательные проекты сформировать положительный образ страны в глазах монгольского общества. Так, например, 31 марта 2023 г. в здании парламента Австралии состоялась церемония подписания Меморандума о взаимопонимании между правительствами Монголии и Австралии по введению визового режима по программе «Работа и отдых» (Ажиллах болон амрах) (см. подробнее: [Билгүүн 2022]).

Статус мигрантов из Монголии (как и мигрантов из других иностранных государств) в Австралии регламентируется нормативно-правовыми актами, регулирующими потоки долгосрочной и временной миграции. Долгосрочная миграция предполагает продолжительное пребывание в Австралии (более одного года) с перспективой получения австралийского гражданства. Отметим, что данный вид миграции ограничен квотами. Одним из главных требований к выдаче виз является профессиональная специализация заявителя. Если профессия представляет большой интерес для рынка труда Австралии, то существенно возрастают шансы на получение визы, а впоследствии и гражданства. Немаловажное значение имеет профессия супруга или супруги, что тоже может повлиять на получение одобрения со стороны правительства. На условном втором месте по важности — уровень владения английским языком. На третьем — опыт профессиональной деятельности в своей стране либо в других странах по соответствующему направлению. Эти и другие данные оцениваются по специальной шкале, и, исходя из суммы набранных баллов, заявитель оценивает свои шансы на получение долгосрочной визы [Australia's Visa 2019].

Временная миграция не квотируется, другими словами, власти Австралии не ограничивают количество выдаваемых виз. Одна из основных категорий временных виз для иностранных мигрантов — это студенческие визы. Следовательно, временная миграция в Австралию во многих случаях может быть квалифицирована как образовательная.

5. Образовательная миграция

Образовательная миграция позволяет иностранным студентам приезжать в Австралию по студенческой визе для очного обучения в колледжах и университетах, других высших и средних специальных учебных заведениях. Австралия

является одним из мировых лидеров в области образования, занимает второе место (после США) по количеству иностранных студентов, а по соотношению иностранных студентов к общему числу студентов находится на первом месте. По данным Департамента образования Правительства Австралии, контингент иностранных студентов, обучающихся по программам высшего образования, в 2019 г. составлял 521 948 чел., доля иностранных студентов — 27,1 % [[Overseas students 2019](#)].

В целом количество иностранных студентов росло на протяжении нескольких последних десятилетий, в результате чего международное образование в Австралии стало четвертой по объему из крупнейших экспортно-ориентированных отраслей. За 2019 г. Австралия заработала на международном образовании 37,5 млрд долл. Но с началом пандемии все изменилось. Доходы от экспорта иностранных студентов существенно сократились, составив в 2020 г. 31,7 млрд долл., а в 2021 — 22,5 млрд долл. [[Hare 2022](#)]. Это подтверждает и официальная статистика. Так, в 2020 г. контингент иностранных студентов составлял 489 234 чел., сократившись по сравнению с 2019 г. на 6,3 % [[Overseas students 2020](#)]. Но в настоящее время эксперты прогнозируют положительную динамику.

Около двух третей иностранных студентов в Австралии (60 %) составляют студенты из Китая, Индии, Непала, Вьетнама и Индонезии. Если говорить о студентах из Монголии, обучающихся в Австралии по программам высшего образования, то динамику их численности можно представить следующим образом (см. рис. 2).

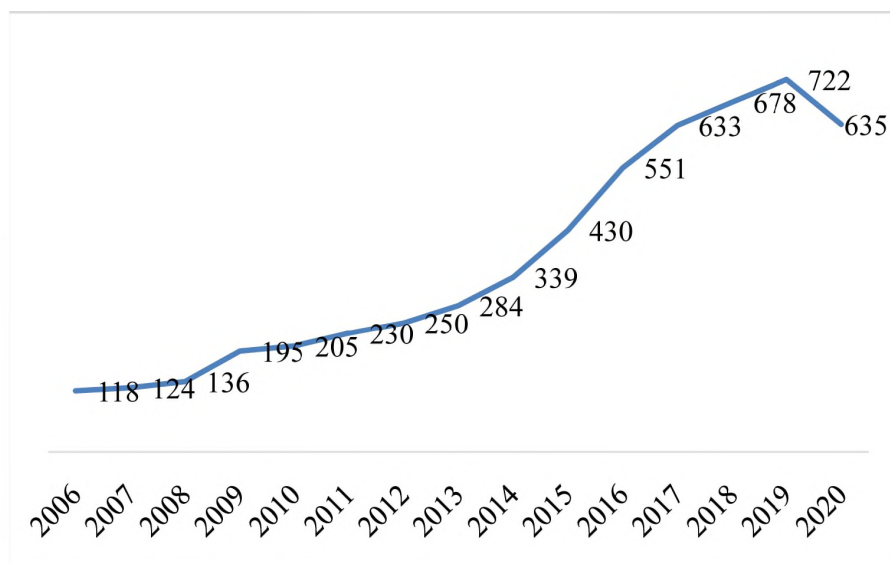

Рис. 2. Численность студентов из Монголии, обучающихся в Австралии по программам высшего образования в 2006–2020 гг., чел.

Источник: составлено авторами на основе: [[Student Data \(2006–2020\)](#)]

[Fig. 2. Number of Mongolian students in Australia, 2006–2021, individuals]

Представленные данные показывают, что численность монгольских студентов, получающих высшее образование в Австралии, неуклонно росла, увели-

чившись за период с 2006 по 2019 г. в шесть раз. Но в 2020 г. произошел откат к уровню 2017 г., снижение обусловлено введением пандемийных ограничений.

Сейчас ситуация меняется в лучшую сторону, за первое полугодие 2022 г. в Австралии зарегистрировано 2 045 студентов из Монголии, на 7 % больше, чем за аналогичный период 2021 г. [International student 2022]. Отметим, что в это число входят не только студенты вузов, но и те, кто получает среднее специальное образование, обучается в школах, на подготовительных курсах, проходит интенсивные курсы английского языка и т. п. Также эти данные учитывают и тех, кто в настоящий момент находится в Монголии, но продолжает обучение в австралийских учебных заведениях дистанционно.

Высокий спрос монгольских студентов на получение образования в Австралии определяется, в первую очередь, выделением большого количества правительственных стипендий. Кроме того, привлекает сравнительно невысокая плотность населения, которая рассматривается как благоприятный фактор, обуславливающий относительно низкую образовательную конкуренцию. Наряду с этим, вузы Австралии обладают высоким качеством образования, в мировые рейтинги включаются как минимум семь университетов. Еще одним фактором, который может привлечь студентов, по мнению рекрутинговых бюро, является то, что среди тридцати городов, наиболее благоприятных для обучения иностранных студентов, включая стоимость и качество жизни, возможности для трудоустройства, семь находятся в Австралии [Why Australia 2023].

Что же касается наиболее востребованных направлений подготовки, то согласно стипендиальной программе Правительства Австралии, в список актуальных вошли: сельское хозяйство, науки о природе, образование, инженерные специальности, горнорудная отрасль, строительство, медицина, инфокоммуникационные технологии, менеджмент, торговля и финансы, государственное управление, общественно-культурное развитие (см. подробнее: [Австралийн тэтгэлэгт 2023]).

В целом Монголия является очень перспективным образовательным рынком. Мы, как и многие другие авторы, неоднократно отмечали, что такая динамика обусловлена значительной долей молодого населения, популярностью высшего образования среди различных слоев населения (см. подробнее: [Ушаков 2015; Гармаева, Шахаева, Дашиева 2016; Галиймаа 2016; Родионов 2016; Дагбаев, Актамов 2017; Витульева 2018; Ганхуяг 2018; Ушаков 2020; Бадараев 2021; Винокурова, Оролмаа, Оюунханд 2021; Цэцэнбилэг, Пурэвханд 2022; Imideeva et al. 2022]).

Полагаем, что число монгольских студентов в зарубежных университетах будет продолжать расти. И Австралия, наряду с Китаем, Южной Кореей, Японией, больше всего выиграет от увеличения спроса на высшее образование среди монгольской молодежи (см. рис. 3).

Дополним, что при выборе обучения в Австралии монгольские студенты руководствуются такими мотивирующими факторами, как доступность и стоимость высшего образования, стремление улучшить свои знания английского языка, высокое качество жизни, комфорт и безопасность, мультикультурная среда (см. подробнее: Choi, Crossman, Hou 2021: 10; Shah, Kansal, Chugh 2021: 7–8)).

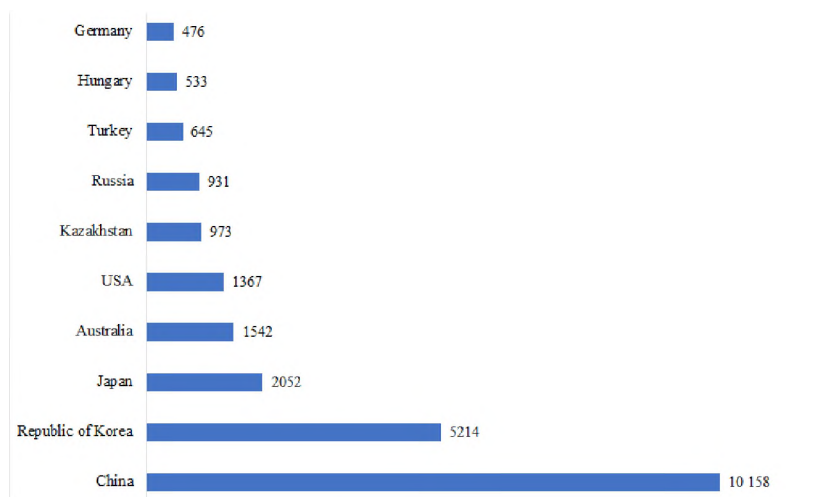

Рис. 3. ТОП-10 стран мира с наибольшей численностью студентов из Монголии, чел.
Примечание: данные по Китаю приводятся по состоянию на 2018 г.; по России — на 2019 г.; по всем остальным странам — на 2020 г.

Источник: составлено авторами на основе: [Global Flow 2020; Statistical report 2019; The Mongolian Study 2019]

Fig. 3. TOP-10 countries of the world hosting largest numbers of students from Mongolia, individuals.

Note: Data for China as of 2018, for Russia as of 2019, for the rest as of 2020]

Немаловажным является и то, что студенты из Монголии (как и другие иностранные студенты в Австралии) имеют возможность совмещать обучение в университете и работу. Наличие студенческой визы дает им право, будучи студентом очной формы обучения, работать на условиях неполного рабочего дня. Кроме того, после завершения обучения есть возможность остаться в Австралии на срок до 18 месяцев, чтобы приобрести опыт работы по полученной специальности или далее совершенствовать свой английский. Выпускники бакалавриата могут подать заявление на получение четырехлетней рабочей визы, выпускники магистратуры имеют право на получение пятилетней визы, выпускники по программам PhD могут претендовать на шестилетнюю рабочую визу [Student Visa 2023].

Образовательная миграция из Монголии в Австралию связана с дальнейшими перспективами трудоустройства, профессиональной самореализацией. Австралийское образование — это хорошие стартовые возможности. Однако это вовсе не значит, что диплом австралийского вуза автоматически дает молодым монголам какие-либо преференции. Монгольские мигранты сталкиваются с высокой конкуренцией не только со стороны австралийцев, но и выходцев из других стран, в том числе и Азии. Зачастую молодые люди, получившие образование в Австралии, возвращаются в Монголию и строят карьеру в своей родной стране.

Выше уже говорилось о том, что правительство Австралии всячески поддерживает работу ассоциации выпускников австралийских вузов. Кроме того, на сайте Посольства Австралии в Монголии размещена информация о выдающихся студентах, которые реализовали себя в профессиональной деятельности в разных странах мира, причем отдельный акцент сделан на выпускниках, ко-

торые, получив образование в Австралии, вернулись на родину и начали свою деятельность, в том числе и по развитию монголо-австралийских двусторонних отношений (см. подробнее: [Австралид төгсөгчдийн 2020]).

Безусловно, личные истории успеха монгольских выпускников австралийских вузов являются самой эффективной рекламой для абитуриентов, которые находятся в поиске своей образовательной траектории. Информация на сайте Посольства Австралии размещена на монгольском языке, что значительно расширяет охват школьников и доступность информации для родителей, не очень хорошо владеющих английским языком.

6. Выводы

Миграция монголов в Австралию обладает своими отличительными характеристиками. Во-первых, наличие специальных программ, стимулирующих образовательную и трудовую миграцию монгольских граждан. Во-вторых, Австралия рассматривается монгольскими гражданами как более привлекательное направление миграции (о чем свидетельствует рост миграционного потока за последние годы) по ряду причин, о которых мы писали выше, — это низкая плотность населения, схожий с монгольским ландшафт, качество жизни и благоприятная миграционная ситуация в принимающем обществе, наличие высокорейтинговых вузов и стипендиальные программы. Кроме того, правительство Австралии заинтересовано в инвестициях в горнодобывающую отрасль Монголии, участии в разработке рудников и приисков.

Недовольство со стороны местного населения по поводу работы иностранных компаний в Южно-Гобийском аймаке (Оюу Толгой) Монголии сказалось и на австралийских компаниях. Поэтому правительство страны решило инвестировать в том числе и в человеческий капитал, который впоследствии может способствовать развитию двусторонних отношений и в целом создать положительный образ страны в Монголии. Ярким примером является новая программы «Работа и отдых», реализуемая специально для монгольской молодежи австралийским правительством. Особое место занимает научное сотрудничество, развитие монголоведческих исследований в Австралийском национальном университете. В перспективе ожидается расширение гуманитарного и образовательного сотрудничества, которое позволит странам реализовывать взаимовыгодные проекты.

Полевые материалы авторов

ПМА 2022 — Анкетный опрос монгольских мигрантов (2022).

ПМА 2022: Инф. 1 — Информант: женщина, г. р. 1968, профессор.

Authors' Field Data

Questionnaire survey among Mongolian migrants (2022).

Informant 1: female, b. 1968, professor.

Источники

Монголия предложила 2021 — Монголия предложила Rio Tinto пересмотреть сделку по месторождению Оюу Толгой // ИА ИНТЕРФАКС. Экономика. 8 февраля 2021. URL: <https://www.interfax.ru/business/749910> (дата обращения: 20.06.2023).

Австралид төгсөгчдийн 2020 — Австралид төгсөгчдийн түүхээс // Австралийн Элчин сайдын яам Монгол Улс. Австралид төгсөгчид. URL: <https://mongolia.embassy>.

- gov.au/ulnbmongolian/AlumniMongolian.html (дата обращения: 21.06.2023).
- Австралид үнэгүй 2023 — Австралид үнэгүй эрх зүйн тусалцаа, үйлчилгээ үзүүлдэг байгууллагын мэдээлэл // Монгол Улсаас Австрали Улсад суугаа Элчин сайдын яам. 23.05.2023. URL: <https://mongolianembassy.org.au/австралид-үнэгүй-эрх-зүйн-тусалцаа-у/> (дата обращения: 16.07.2023).
- Австралийн тэтгэлэгт 2023 — Австралийн тэтгэлэгт хөтөлбөрт өргөдөл гаргах // Australia Awards. URL: <https://www.australiaawardsmongolia.org/wp-content/uploads/2023/01/Mongolia-Country-Profile-Intake-2024-MONGOLIAN.pdf> (дата обращения: 17.08.2023).
- Билгүүн 2022 — *Билгүүн В.* «Ажиллах болон амрах» визээр Монгол Улсын 18–30 насны 100 иргэн нэг жил Австралид ажиллах, аялах, суралцах эрхтэй боллоо // ICON. 31.03.2022. URL: <https://ikon.mn/n/2idl> (дата обращения: 20.06.2023).
- Australia's Visa 2019 — Australia's Visa Subclass 190 (State Nominated) – Explained! // Austral Migration Consultancy. 2019. URL: <https://australmigrate.com/subclass-190-explained/> (дата обращения: 17.08.2023).
- Bolor 2022 — *Bolor L.* Mongolia, Australia Celebrate 50 Years of Diplomatic Relations // The Dimlomat. 21.09.2022. URL: <https://thediplotmat.com/2022/09/mongolia-australia-celebrate-50-years-of-diplomatic-relations/> (дата обращения: 21.09.2023).
- Celebration 50 years 2022 — Celebration 50 years of Mongolia-Australia Diplomasy and Collaboration // MONGOLIA INSTITUTE ANU College of Asia & the Pacific. April 8, 2022. URL: <https://mongoliainstitute.anu.edu.au/news-events/news/353/celebrating-50-years-mongolia-australia-diplomacy-and-collaboration> (дата обращения: 17.08.2023).
- Hare 2022 — *Hare Ju.* Data shows crash in export income from overseas students // Financial Review. 03.02.2022. URL: <https://www.afr.com/work-and-careers/education/data-shows-crash-in-export-income-from-overseas-students-20220203-p59tk0#:~:text=Export%20income%20from%20overseas%20students%20almost%20halved%20in%20two%20years,a%20continuation%20of%20the%20slump> (дата обращения: 20.06.2023).
- Global Flow 2020 — Global Flow of Tertiary-Level Students // UNESCO. Institute for Statistics. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (дата обращения: 05.05.2023).
- Overseas students 2019 — Overseas students 2019. Higher Education Statistics. Resources // Department of Education. Australian Government. URL: <https://www.education.gov.au/higher-education-statistics/resources/2019-section-7-overseas-students> (дата обращения: 25.07.2023).
- Overseas students 2020 — Overseas students 2020. Higher Education Statistics // Department of Education. Australian Government. URL: <https://www.education.gov.au/higher-education-statistics/resources/2020-section-7-overseas-students> (дата обращения: 20.06.2023).
- Student Data (2003–2021) — Student Data (2003–2021) // Australian Government. Higher Education Statistics. URL: <https://www.education.gov.au/higher-education-statistics/student-data> (дата обращения: 15.08.2023).
- International student 2022 — International student and education statistics by nationality – 2022 // Department of Education. Australian Government. International Education Data and Research. URL: <https://www.education.gov.au/international-education-data-and-research/international-student-and-education-statistics-nationality> (дата обращения: 15.08.2023).
- Migration, Australia 2021 — Migration, Australia. Statistics on Australia's international migration, internal migration (interstate and intrastate), and the population by country of birth, 2019–2020 financial year // Australian Bureau of Statistics. 23.04.2021. URL: <https://www.abs.gov.au/statistics/people/population/migration-australia/latest-release#:~:text=In%202020%2C%20there%20were%20over,in%20Australia's%20population%20in%202020> (дата обращения: 14.04.2023).
- People in Australia 2021 — People in Australia who were born in Mongolia. 2021 Census Country of birth QuickStats // Australian Bureau of Statistics. Latest Release. URL: <https://>

www.abs.gov.au/census/find-census-data/quickstats/2021/6104_AUS (дата обращения: 25.05.2023).

Statistical report 2019 — Statistical report on international students in China for 2018 // Ministry of Education of the People's Republic of China. April 18, 2019. URL: http://en.moe.gov.cn/documents/reports/201904/t20190418_378692.html (дата обращения: 05.05.2023).

Student Visa 2023 — Student Visa Australia // Go Study Australia. July 01, 2023. URL: <https://www.gostudy.com.au/australian-visa/student-visa/> (дата обращения: 17.08.2023).

The Australia Awards 2023 — The Australia Awards – Mongolia // Australia Awards. URL: <https://www.australiaawardsmongolia.org/> (дата обращения: 24.07.2023).

The Mongolian Study 2019 — The Mongolian Study Abroad Market // Market Report Mongolia. Educationfair.nl. URL: <https://www.educationfair.nl/market-reports/asia/mongolia/> (дата обращения: 05.05.2023).

The top 10 countries 2023 — The top 10 countries providing the most permanent migrants to Australia in order of rank for 2021–22 // Australian Government: Department of Home Affairs. Country Profiles List. URL: <https://www.homeaffairs.gov.au/research-and-statistics/statistics/country-profiles/profiles> (дата обращения: 05.06.2023).

Why Australia 2023 — Why Australia is Better Than Other Countries for Study // CANAM Group. March 21, 2023. URL: <https://www.canamgroup.com/blog/why-australia-is-better-than-other-countries-for-study> (дата обращения: 17.08.2023).

Sources

100 citizens of Mongolia aged 18 to 30 can work, travel and study in Australia for one year with Work and Holiday visa. On: ICON. Posted on 31 March 2022. Available at: <https://ikon.mn/n/2idl> (accessed: 20 June 2023). (In Mong.)

Apply for Australian scholarships. On: Australia Awards. Available at: <https://www.australiaawardsmongolia.org/wp-content/uploads/2023/01/Mongolia-Country-Profile-Intake-2024-MONGOLIAN.pdf> (accessed: 17 August 2023). (In Mong.)

Australia's Visa Subclass 190 (State Nominated) – Explained! On: Austral Migration Consultancy. 2019. Available at: <https://australmigrate.com/subclass-190-explained/> (accessed: 17 August 2023). (In Eng.)

Bolor L. Mongolia, Australia celebrate 50 years of diplomatic relations. On: The Diplomat. Posted on 21 September 2022. Available at: <https://thediplomat.com/2022/09/mongolia-australia-celebrate-50-years-of-diplomatic-relations/> (accessed: 21 September 2023). (In Eng.)

Celebrating 50 years of Mongolia-Australia diplomacy and collaboration. On: MONGOLIA INSTITUTE ANU College of Asia & the Pacific. Posted on 8 April 2022. Available at: <https://mongoliainstitute.anu.edu.au/news-events/news/353/celebrating-50-years-mongolia-australia-diplomacy-and-collaboration> (accessed: 17 August 2023). (In Eng.)

Global Flow of Tertiary-Level Students. On: UNESCO. Institute for Statistics. Available at: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (accessed: 5 May 2023). (In Eng.)

Hare Ju. Data shows crash in export income from overseas students. On: Financial Review. Posted on 3 February 2022. Available at: <https://www.afr.com/work-and-careers/education/data-shows-crash-in-export-income-from-overseas-students-20220203-p59tk0#:~:text=Export%20income%20from%20overseas%20students%20almost%20halved%20in%20two%20years,a%20continuation%20of%20the%20slump> (accessed: 20 June 2023). (In Eng.)

Information about organizations that provide free legal assistance and services in Australia. On: Embassy of Mongolia in Australia (official website). Posted on 23 May 2023. Available at: <https://mongolianembassy.org.au/avstralid-ynegyy-erkh-zzyn-tusaltsaa-y/> (accessed: 16 July 2023). (In Mong.)

International student and education statistics by nationality. International Education Data and Research. On: Department of Education. Australian Government. Available at: <https://>

- www.education.gov.au/international-education-data-and-research/international-student-and-education-statistics-nationality (accessed: 15 August 2023). (In Eng.)
- Migration, Australia. Statistics on Australia's international migration, internal migration (interstate and intrastate), and the population by country of birth, 2019–2020 financial year. On: Australian Bureau of Statistics. Posted on 23 April 2021. Available at: <https://www.abs.gov.au/statistics/people/population/migration-australia/latest-release#:~:text=In%202020%2C%20there%20were%20over,in%20Australia's%20population%20in%202020> (accessed: 14 April 2023). (In Eng.)
- Mongolia offered RioTinto to reshape OyuTolgoi deal. In: Interfax. Economics. Posted on 8 February 2021. Available at: <https://www.interfax.ru/business/749910> (accessed: 20 June 2023). (In Russ.)
- Mongolia. On: Australia Awards. Available at: <https://www.australiaawardsmongolia.org/> (accessed: 24 July 2023). (In Eng.)
- Overseas students 2019. Resources. Higher Education Statistics. On: Department of Education. Australian Government. Available at: <https://www.education.gov.au/higher-education-statistics/resources/2019-section-7-overseas-students> (accessed: 25 July 2023). (In Eng.)
- Overseas students 2020. Resources. Higher Education Statistics. On: Department of Education. Australian Government. URL: <https://www.education.gov.au/higher-education-statistics/resources/2020-section-7-overseas-students> (accessed: 20 June 2023). (In Eng.)
- People in Australia who were born in Mongolia (2021 Census. Country of birth. QuickStats). On: Australian Bureau of Statistics. Available at: https://www.abs.gov.au/census/find-census-data/quickstats/2021/6104_AUS (accessed: 25 May 2023). (In Eng.)
- Some stories of [Mongolian] graduates in Australia. On: Australian Embassy in Mongolia (official website). Available at: <https://mongolia.embassy.gov.au/ulnbmongolian/AlumniMongolian.html> (accessed: 21 June 2023). (In Mong.)
- Statistical report on international students in China for 2018. On: Ministry of Education of the People's Republic of China. Posted on 18 April 2019. Available at: http://en.moe.gov.cn/documents/reports/201904/t20190418_378692.html (data obrashcheniya: 05.05.2023). (In Eng.)
- Student Data (2003–2021). Higher Education Statistics. On: Department of Education. Australian Government. Available at: <https://www.education.gov.au/higher-education-statistics/student-data> (accessed: 15 August 2023). (In Eng.)
- Student Visa. On: Go Study Australia. Available at: <https://www.gostudy.com.au/australian-visa/student-visa/> (accessed: 17 August 2023). (In Eng.)
- The Mongolian study abroad market. Market Report Mongolia. On: Education Fairs (educationfair.nl). Available at: <https://www.educationfair.nl/market-reports/asia/mongolia/> (accessed: 5 May 2023). (In Eng.)
- The top 10 countries providing the most permanent migrants to Australia in order of rank for 2021–22. Country Profiles List. On: Department of Home Affairs. Australian Government. Available at: <https://www.homeaffairs.gov.au/research-and-statistics/statistics/country-profiles/profiles> (accessed: 5 June 2023). (In Eng.)
- Why Australia is better than other countries for study? On: Canam Group. Study Abroad. Posted on 21 March 2023. Available at: <https://www.canamgroup.com/blog/why-australia-is-better-than-other-countries-for-study> (accessed: 17 August 2023). (In Eng.)

Литература

- Бадараев 2021 — Бадараев Д. Д. Демографическая динамика и модернизационные изменения в системе жизнеобеспечения монгольского общества // Власть. 2021. Т. 29. № 5. С. 278–284.
- Винокурова, Оролмаа, Оюунханд 2021 — Винокурова А. В., Мунхбат Оролмаа, Оюунханд Шагдар. Демографическое поведение и миграционные настроения населения совре-

- менной Монголии: основные тренды и динамика развития [электронный ресурс] // Социальные и экономические системы. 2021. № 3(21). С. 190–202.
- Витульева 2018 — *Витульева Т. А.* Анализ современного состояния рынка труда Монголии: региональный аспект // Экономика устойчивого развития. 2018. № 3(35). С. 28–38.
- Ганхуяг 2018 — *Ганхуяг А.* Особенности ценностных ориентаций современной молодежи Монголии // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 9(53). С. 40–42.
- Гармаева, Шахаева, Дашиева 2016 — *Гармаева Т. И., Шахаева А. А., Дашиева А. С.* Демографические императивы в модернизационных процессах образовательной политики (на примере регионов Внутренней Азии) [электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. Электронный научный журнал. 2016. № 12(68). С. 229–243.
- Грицай, Швец 2019 — *Грицай В. В., Швец А. А.* Современные проблемы миграционных отношений в странах Британского Содружества (на примере Австралийского Союза) // Общество и право. 2019. № 4(70). С. 120–123.
- Дагбаев, Актамов 2017 — *Дагбаев А. Д., Актамов И. Г.* Ценностные ориентации и установки современной молодежи Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия. 2017. № 2. С. 73–80.
- Галиймаа 2016 — *Нямаа Галиймаа.* Миграция монголов за рубеж: почему они уезжают и почему возвращаются // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры: сб. ст. / отв. ред. С. А. Панарин. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 19–34.
- Родионов 2016 — *Родионов В. А.* Монголия на рубеже XX–XXI вв.: случай постсоциалистической трансформации // Вестник Института социологии. 2016. № 3(18). С. 138–159.
- Ушаков 2015 — *Ушаков Д. В.* Комплиментарность межэтнических отношений молодежи России и Монголии в новых геополитических условиях // Философия образования. 2015. № 3(60). С. 146–153.
- Ушаков 2020 — *Ушаков Д. В.* Этнокультурные ценности учащейся молодежи Монголии // Философия образования. 2020. Т. 20. № 4. С. 48–64.
- Цэцэнбилэг, Пурэвханд 2022 — *Цэвээн Цэцэнбилэг, Жаргалсайхан Пурэвханд.* Монгол дахь албан бус хөдөлмөр эрхлэлтийн одоогийн байдал (статистикийн шинжилгээ) [электронный ресурс] // Мир Центральной Азии – V: сб. науч. ст. Новосибирск: СО РАН, 2022. С. 603–606.
- Choi, Crossman, Hou 2021 — *Choi Y., Crossman E., Hou F.* International Students as a Source of Labor Supply: Transition to Permanent Residency // Economic and Social Reports. 2021. № 1(6). Pp. 1–10.
- Imideeva et al. 2022 — *Imideeva I. V., Badaraeva R. V., Aiyzhi E. V., Likhtan V. T.* Demographic Processes in Buryatia, Tuva, and Mongolia as factors of the transformation of modernity: a comparative analysis // Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy. Cham: Springer, 2022. Pp. 525–530.
- Shah, Kansal, Chugh 2021 — *Shah M., Kansal M. and Chugh R.* Why do Mongolian students choose to study in Australia? // International Journal of Comparative Education and Development. 2021. Vol. 23. № 1. Pp. 1–13.

References

- Badaraev D. D. Demographic dynamics and modernization changes in the life support system of Mongolian society. *Vlast*. 2021. Vol. 29. No. 5. Pp. 278–284. (In Russ.)
- Choi Y., Crossman E., Hou F. International students as a source of labor supply: Transition to permanent residency. *Economic and Social Reports*. 2021. Vol. 1. No. 6. Pp. 1–10. (In Eng.)
- Dagbaev A. D. Aktamov I. G. Value orientations and attitudes of modern youth in Mongolia. *Buryat State University Bulletin. Philosophy*. 2017. No. 2. Pp. 73–80. (In Russ.)

- Galiymaa N. Foreign migration of Mongolians: Why they leave and why they return. In: Panarin S. A. (ed.) *Easterners in the East, West, and Russia: Cross-Border Migrations and Diasporas. Collected papers.* St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. Pp. 19–34. (In Russ.)
- Gankhuyag A. The characteristics of values of contemporary Mongolian youth. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics.* 2018. No. 9(53). Pp. 40–42. (In Russ.)
- Garmaeva T. I., Shakhaeva A. A., Dashieva A. S. Demographic imperatives of modernization processes in educational policy (for example regions of Inner Asia). *Modern Research of Social Problems.* 2016. No. 12(68). Pp. 229–243. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28151102> (accessed: 25 August 2023). (In Russ.)
- Gritsay V. V., Shvets A. A. Modern problems of migration relations in countries of the British Commonwealth (On the example of the Australian Union). *Society and Law.* 2019. No. 4(70). Pp. 120–123. (In Russ.)
- Imideeva I. V., Badaraeva R. V., Aiyzhi E. V., Liktan V. T. Demographic processes in Buryatia, Tuva, and Mongolia as factors of the transformation of modernity: A comparative analysis. In: Popkova E. G. (ed.) *Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy.* Cham: Springer, 2022. Pp. 525–530. (In Eng.)
- Rodionov V. A. Mongolia at the turn of XX–XXI centuries: A case of post-Socialist transformation. *Bulletin of the Institute of Sociology (Vestnik instituta sotziologii).* 2016. No. 3(18). Pp. 138–159. (In Russ.)
- Shah M., Kansal M., Chugh R. Why do Mongolian students choose to study in Australia? *International Journal of Comparative Education and Development.* 2021. Vol. 23. No. 1. Pp. 1–13. (In Eng.)
- Tsetsenbileg Ts., Purevkhand Zh. Current informal employment in Mongolia: A statistical analysis. In: Derevyanko A. P., Bazarov B. V. et al. (eds.) *The World of Central Asia – V. Collected scholarly papers.* Novosibirsk: Russian Academy of Sciences (Siberian Branch), 2022. Pp. 603–606. Available at: https://www.imbt.ru/upload/mtsa-5/Cbornik_MTsA-V.pdf (accessed: 23 July 2023). (In Mong.)
- Ushakov D. V. Complementary of the interethnic relations of the youth of Russia and Mongolia in new geopolitical conditions. *Philosophy of Education.* 2015. No. 3(60). Pp. 146–153. (In Russ.)
- Ushakov D. V. Ethno-cultural values of Mongolian student youth. *Philosophy of Education.* 2020. Vol. 20. No. 4. Pp. 48–64. (In Russ.)
- Vinokurova A. V., Munkhbat O., Oyunkhand Sh. Demographic behaviour and migratory sentiments among the population in modern Mongolia: Main trends and dynamics of development. *Social and Economic Systems.* 2021. No. 3(21). Pp. 190–202. Available at: <https://www.sesjournal.ru/upload/iblock/146/7p01o42eal5c6w33c74z7spvclzextnf/Stat'ya%20Vinokurova%20AV%20i%20dr%20Demograficheskoe%20povedenie.pdf> (accessed: 25 July 2023). (In Russ.)
- Vituleva T. A. Analysis of the contemporary state of the Mongolian market of labor: Regional aspect. *Economics of Stable Development.* 2018. No. 3(35). Pp. 28–38. (In Russ.)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(470.47).07

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-332-346

Обязательства калмыков и деятельность Зарго в начале XIX в.

Евгений Александрович Команджаев¹

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой

 0000-0002-4542-8786. E-mail: [komandzhaev\[at\]mail.ru](mailto:komandzhaev[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Команджаев Е. А., 2023

Аннотация. *Введение.* Предметом исследования является переписка гражданского губернатора С. С. Андреевского с владельцами и правителями калмыцких улусов о деятельности Зарго и общих для коренного населения Калмыцкой степи Астраханской губернии обязательствах в начале XIX в. Актуальность исследования указанной проблемы объясняется ее недостаточной изученностью и необходимостью введения в научный оборот новых архивных источников. *Цель* исследования — рассмотреть позиции разных сторон по различным вопросам исполнения обязательств калмыцкого кочевого общества и деятельности суда Зарго в начале XIX в. *Материалы и методы.* Исследование основано на анализе делопроизводственных материалов, сосредоточенных в архивном деле из фондов Государственного архива Астраханской области, впервые вводимых в научный оборот. Работа базируется на использовании комплекса общенаучных и специально-исторических методов и подходов, прежде всего принципа историзма и метода системного анализа. *Результаты.* Анализ материалов переписки гражданского губернатора с владельцами и правителями улусов показал обоюдное стремление сторон выработать план согласованных действий. Однако, если по некоторым вопросам наблюдалось согласие, по другим — обозначились проблемы. *Выводы.* Анализ конкретного материала показал, что главы калмыцких улусов ко многим вопросам и предложениям администрации отнеслись настороженно. Так, они выразили следующие замечания по ряду вопросов: на соледобыче рабочим-калмыкам платят меньше, чем русским; на кордонной службе у калмыков отсутствуют начальники-калмыки; российские чиновники в улусах допускают произвол и др. Категорические возражения владельцев и правителей улусов вызвали предложения губернатора о составлении нового свода калмыцких законов и о переводе местопребывания калмыцкого Зарго ближе к Астрахани. Это свидетельствовало о том, что калмыцкая знать без одобрения воспринимала действия российской администрации по интеграции улусов в российскую административно-политическую систему.

Ключевые слова: Астраханская губерния, калмыцкие улусы, кочевое общество, нойоны, зайсанги, улусные правители, губернатор, приставы, суд Зарго, калмыцкое законодательство

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого общества в составе дореволюционной России» (№ 23-18-20019).

Для цитирования: Команджаев Е. А. Обязательства калмыков и деятельность Зарго в начале XIX в. // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 3. С. 332–346. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-332-346

Obligations of Kalmyks and Activity of the Zargo in the Early 19th Century

*Evgeniy A. Komandzhaev*¹

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Head of Department

 0000-0002-4542-8786. E-mail: komandzhaev[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Komandzhaev E. A., 2023

Abstract. *Introduction.* The paper examines the correspondence between Civil Governor of Astrakhan S. Andreevsky and rulers, landlords of Kalmyk uluses — for an attempted analysis of the Zargo's activity and common obligations imposed on residents of Astrakhan Governorate in the early nineteenth century. The issue in question remains understudied and needs some newly discovered archival sources be introduced into scholarly circulation. *Goals.* The study aims to characterize some essential aspects pertaining to fulfillment of obligations by Kalmyk communities and activity of the Zargo court in the early nineteenth century. *Materials and methods.* The paper focuses on record-keeping material currently housed at the State Archive Astrakhan Oblast and introduced hereby. The study basically employs both general scientific and special historical methods, with particular roles be played by that of systems analysis and the principle of historicism. *Results.* Our insights into the mentioned correspondence attest to both the sides were seeking to shape some general agenda of concerted practices. However, they were able to achieve consensus only on a number of issues, while others proved somewhat problematic. *Conclusions.* Special analyses show the then rulers of Kalmyk uluses were wary enough of most questions and proposals articulated by the Russian administration. So, the former voiced disagreements on a variety of facts, namely: lower wages of ethnic Kalmyk salt workers (as compared to those of Russian ones), absence of ethnic Kalmyk officers in Kalmyk frontier squads, arbitrariness of Russian executives in Kalmyk-inhabited lands, etc. The categorical objections of Kalmyk rulers and landlords resulted in that the Governor proposed to compile new regulations for Kalmyks and relocate the Zargo's headquarters closer to Astrakhan. These are indicative of that Kalmyk elites tended to disapprove the then efforts of Russian authorities aimed at integrating Kalmyk-inhabited territories into the administrative and political system of Russia.

Keywords: Astrakhan Governorate, Kalmyk uluses, nomadic society, noyons, zaisangs, ulus rulers, Governor, inspectors, Zargo court, regulations for Kalmyks

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-18-20019 'Between East and West: Civilizational and Cultural Development of Kalmyk Society in Pre-Revolutionary Russia'.

For citation: Komandzhaev E. A. Obligations of Kalmyks and Activity of the Zargo in the Early 19th Century. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(3): 332–346. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-332-346

1. Введение

В данной статье рассматриваются ответы владельцев и правителей калмыцких улусов на вопросы губернатора, затрагивавшие обязательства калмыков по участию в кордонной службе, соледобыче, снабжению чиновников жильем и транспортом, поставкам кибиток с убранством и прислугой на Кавказские минеральные воды. Помимо этого, анализируются мнения глав улусов по вопросам деятельности Зарго.

Губернатор С. С. Андреевский в ноябре 1816 г. направил главам улусов свои предложения, в том числе по реализации обязательств калмыков и по деятельности Зарго, с целью выслушать их мнение. Состав опрошенных глав улусов был следующим: четверо являлись владельцами — нойон Санжи Убаши¹ (Торгутова рода, как он сам себя именовал, или Яндыко-Икицохуровского улуса), нойон Серебджап Тюмень (Хошеутовский улус), нойон Эрдени Цаган Кичик (Торгутовский, по его собственному признанию, или Эрдниевский улус) и нойон Эрдени-тайша Тундутов (Дербетовский улус); три правителя — зайсанги Онкор и Ирсалам (Багацохуровский улус) и зайсанг Наран Убаши (Эркетеневский улус); 13 зайсангов Яндыковского общества (отделившаяся часть от Яндыковского улуса Санжи Убаши). Следует упомянуть, что нойон Санжи Убаши вместе с зайсангами Онкором, Ирсаламом и Нараном Убаши представляли совместные предложения губернатору. По одному вопросу о местопребывании Зарго в двух улусах нойоны Э. Тундутов и Эрдени Цаган Кичик представили коллективные ответы от собрания зайсангов, представителей духовенства и отдельных простолудинов. Материалы указанной переписки содержатся в архивном деле, хранящемся в фонде «Канцелярия астраханского губернатора» в Государственном архиве Астраханской области [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340].

Специальных работ, посвященных изучению калмыцкой повседневной жизни начала XIX в., недостаточно, львиная их доля принадлежит перу дореволюционных исследователей, чьи имена мы даем по хронологии издания их работ.

Анализ судопроизводства и состояния калмыцкого законодательства на рубеже XVIII–XIX вв. имеется в работе Н. И. Страхова [Страхов 1810], некоторые административные изменения начала XIX в. отмечены в труде Н. Я. Бичурина [Бичурин 1991: 115–118].

Наиболее подробные сведения о калмыцком обществе представлены в труде Н. А. Нефедьева, явившемся результатом его пребывания в калмыцких улусах в 1832–1833 гг. [Нефедьев 1834]. В работе П. И. Небольсина представлены очень подробные наблюдения автора о быте и повседневной жизни калмыков Хошеутовского улуса в середине XIX в. [Небольсин 1852].

Отдельные сведения о процессе формирования новой улусной структуры в начале XIX в. имеются в труде К. И. Костенкова [Костенков 1870]. В историческом разделе работы Я. П. Дубровы, переизданной в 1998 г., характеризуются обстоятельства выделения Большедербетовского улуса из состава Дербетовского [Дуброва 1998: 19–21].

Более подробно процесс отделения и развития Большедербетовского улуса изложен в книге Н. В. Львовского (Мефодия), переизданной в 2022 г. [Львовский

¹ В тексте сохранено собственноручное написание имен владельцев и названий некоторых улусов в том виде, в каком они значатся в их ответах губернатору.

2022: 18–20]. Труды перечисленных авторов, безусловно, имеют также историческую ценность, поскольку содержат наблюдения и заметки современников изучаемого нами периода.

Продолжателем традиций дореволюционной исследовательской школы в первые советские десятилетия являлся Н. Н. Пальмов, затронувший вопросы раскола Дербетовского улуса и деятельности калмыцкого суда Зарго [Пальмов 1992: 124–128].

В советские годы была защищена докторская диссертация А. И. Карагодина, посвященная характеристике социально-экономической эволюции калмыцкого общества в первой половине XIX в. [Карагодин 1988], опубликована статья И. В. Борисенко о численности калмыцкого населения в изучаемый период [Борисенко 1982] и изданы обобщающие «Очерки истории Калмыцкой АССР», в первом томе которых имеются некоторые сведения о хозяйстве и социальной структуре общества и об отдельных владельцах [Очерки 1967: 236–237, 242–243].

На современном этапе опубликованы монография В. И. Колесника [Колесник 1997] и статья Л. В. Бадняевой [Бадняева 2002] о численности калмыцкого населения в изучаемый период, монография М. С. Горяева [Горяев 2013] и статья С. Ю. Деева [Деев 2002] об изменениях в системе управления калмыцкими улусами.

Этнограф А. Г. Митиров в книге «Истоки» представил очень ценные материалы по истории калмыцких улусов и об их владельцах, а также сведения о представителях калмыцкой знати [Митиров 2002]. О хозяйственном и демографическом развитии переселенческих крестьянских поселений опубликованы работы С. С. Белоусова [Белоусов 1999]. В трехтомной «Истории Калмыкии» (том I) глава о преобразованиях в Калмыкии в первой половине XIX в. написана также С. С. Белоусовым [История 2009: 464–480].

В целом, несмотря на широкий круг вопросов по истории калмыцкого кочевого общества первой половины XIX в., затронутый исследователями, указанные нами материалы переписки в 1816 г. астраханского губернатора с владельцами и правителями калмыцких улусов не являлись предметом их внимания. В связи с этим целью нашего исследования является рассмотрение позиций разных сторон по вопросам деятельности Зарго и обязательств калмыков по соледобыче, кордонной службе и др., стоявших перед губернской администрацией и калмыцкой знатью во втором десятилетии XIX в. Работа основана на использовании архивных делопроизводственных материалов, впервые вводимых нами в научный оборот. Актуальность изучения поставленной проблемы, объясняемая не только ее недостаточной изученностью, многократно усиливается необходимостью воссоздания повседневной жизни калмыцкого общества на разных этапах истории, что может служить основой определения его цивилизационно-культурных черт.

2. Материалы и методы

В статье использованы архивные материалы из фондов Государственного архива Астраханской области, впервые вводимые в научный оборот. Используются делопроизводственные материалы одного дела, впервые вводимые в научный оборот.

Методологической основой исследования стал комплекс научных методов и подходов, которые позволили автору всесторонне проанализировать предмет исследования и сделать соответствующие выводы. Исходными методологическими основаниями исследования являются диалектический и цивилизационно-культурный подходы. В исследовании также применяется социологический позитивизм как научный подход, который позволяет провести анализ и определить социальные истоки властных институтов. К числу важнейших принципов методологического инструментария исследования относятся объективность, историзм, всесторонность. В рамках методологии сравнительно-правовых исследований также использовались различные способы сравнения: нормативное, текстуальное и др.

3. Обязательства калмыков Калмыцкой степи Астраханской губернии

Первым в записке гражданского губернатора был поставлен вопрос о работе калмыков на соляных промыслах, поднятый владельцем Торгутова рода Санжи Убаши, багацохуровскими правителями Онкором и Ирсаламом и эркетеневским правителем Нараном Убаши. Как явствует из записки С. С. Андреевского, последние подали Главному калмыцкому приставу Я. К. Ваценко прошение о том, что ранее «они отправляли калмыков на работу в ломку соли сами, а потому и окончание работ сих исполнялось ими исправно. Ныне же нанимаются калмыки развратного поведения сами собой через посредничество бодокчеев¹, то они в случае неотыскания беглецов ответственность не могут». В связи с этим правители просили главного пристава, чтобы впредь без их разрешения «калмыков в работу сию не нанимать» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 4].

По данному вопросу владелец Санжи Убаши с «единоверцами его», подтверждая свою просьбу, в ответе от 10 декабря 1816 г. объяснил губернатору, что не более 20 лет назад калмыки стали сами наниматься на работу для ломки соли. Из этого числа некоторые «распутного поведения люди» нарушают условия найма и не приступают к работе «по оплошности бодокчеев». Далее в ответе пояснялось, что отдельные из таких людей, нанимаясь под разными именами одновременно к нескольким людям, берут задатки. В таких случаях владельцам затруднительно осуществлять поиск виновных [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 37–37об.].

В качестве меры для исправления подобной ситуации Санжи Убаши предложил, «чтобы за каждого нанимающегося в работу калмыка отвечал кто-нибудь хорошего поведения из живущих вместе с ним и чтобы бодокчеи за всякую неисполненность взыскивали с них» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 37об.]. Владелец и правители родов обязались дать указания бодокчеем, чтобы они «наказывали телесно» виновных. Вместе с тем они обратили внимание на то, что «для калмыков, нанимающихся к ломке соли, служит обидою то, что плата им дается меньше, нежели русским» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 37об.].

Дербетовский владелец капитан Эрдени-тайша Тундутов 16 декабря 1816 г. по этому вопросу сообщил: «Подвластные мои калмыки к соляной ломке и к рыбным промышленникам здесь в Астрахани никогда не нанимаются. Поэтому бодокчея с части моей на Калмыцком Базаре не бывает» [ГА АО. Ф. 1.

¹ Бодокчи, бодокчей (калм. *бодгч*) — посредник при продаже скота, доверенное лицо калмыков в торговых делах и т. д.

Оп. 4. Д. 2340. Л. 49]. Эрдени-тайша также дополнил, что калмыки его улуса, желающие наниматься на любую работу, получают у него свидетельства, по которым бодокчеи допускают их к работе с поручительством за них. Что же касается нанятых в калмыцких улусах на соляные промыслы, но не приступивших к работе калмыков, по мнению Эрдени-тайши, следует принять по отношению к ним самые строгие меры, учитывая интересы казны в соледобыче. Дербетовский владделец указал также в своем ответе на важную роль бодокчеев в любых действиях, связанных с взаимоотношениями калмыцкого и некалмыцкого населения, в том числе в торговле скотом: «Приезжающие в улус мой закупщики скота ездят по улусу с бодокчеем, который ручается за каждую покупаемую ими скотину, что она действительно собственность хозяина, а не ворованная» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 49об.].

Торгутовский (имеется в виду владделец Эрдниевского улуса) владделец Эрдени Цаган Кичик по данному вопросу 14 декабря 1816 г. пояснил, что наем рабочих из его улуса на соляные промыслы осуществляется по поручительству бодокчеев. Бежавших с работы калмыков бодокчей разыскивает с помощью владельца улуса. В случае болезни нанятому рабочему предоставляется три дня на выздоровление, после чего он приступает к работе. Если больной не выздоровел, то его передают на усмотрение бодокчей, который решает продолжать ли лечение или следует возратить нанимателю полученный задаток. В том случае, когда у приступившего к работе на соляных промыслах наступала «походная очередь», т. е. кордонная служба в составе 500 конных калмыков на границе с киргиз-кайсаками (казахами), его отправляли на службу, по истечении которой он обязан был вернуться на «ломку соли» для отработки взятого задатка [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 63–63об.]. В заключение владделец Эрдени Цаган Кичик сообщил: «Прежде, как и ныне, подвластный мне бодокчей Хара-Манджи с кибиткою его, по приказу моему, кочует близ г. Астрахани, где он, оставляя свое семейство, сам находится в городе. О своих обязанностях он знает. В случае чего я дам ему свое приказание» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 63–63об.].

Таким же по содержанию был ответ 13 зайсангов Яндыковского общества, вышедших из подчинения владельца улуса Санжи Убаши, на запрос С. С. Андреевского 11 декабря 1816 г. о работах калмыков на соляных промыслах. Их поручителем в пос. Калмыцкий Базар являлся даже вышеупомянутый бодокчей Хара-Манджи, которому, как они выразились, «мы обязаны давать всякие пособия» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 71–71об.].

Владделец Хошеутовского улуса Серебджап Тюмень в своем пояснении по данному вопросу 20 декабря 1816 г. сообщил гражданскому губернатору: «Желающие из подвластного мне Хошеутовского улуса калмыки наняться в какую-либо работу объявляют о том своим зайсангам, чрез посредство коих получают от меня позволение на то письмо, с которым являются к определенному от улуса бодокчею. Бодокчей удостоверяет на свидетельстве, допускает их наниматься в работу с поручительством, что ежели кто из них сделает побег, таковых должен отыскивать» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 81]. В этом ответе С. Тюменя подтверждались те же общие правила, касавшиеся заболелания рабочих или необходимости кордонной службы. В его сообщении указа-

но, что в его улусе «никто побегов не делает», поскольку «таковых бодокчей не допускает в работу, как утративших доверие» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 81об.]. Работа калмыков на соляных промыслах, по мнению владельца Хошеутовского улуса, «относится до казенного интереса, соответственно в таком случае сам владелец должен иметь особенное попечение за тем, дабы нанятые от казны люди выполняли в точности свои условия» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 81об.].

Вторым вопросом, поставленным губернатором С. С. Андреевским перед калмыцкими владельцами, был вопрос об исполняемой калмыками кордонной службе на границе с киргиз-кайсаками (казахами) в составе команды из 500 всадников. Губернатор поднял вопрос о «худом положении» всадников, поскольку калмыки не имели при себе исправного вооружения, обуви, одежды и хороших коней. При этом С. С. Андреевский возразил мнению Главного пристава калмыцкого народа Я. К. Ваценко, который предложил использовать калмыков на «ломке соли» взамен кордонной службы: «Это невозможно привести в исполнение, ибо калмыцкий народ почитался всегда народом военным, и что ломку соли производят бедные и неимущие, каковыми заработками питают они себя и семьи свои со времен существования их в России» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 11].

Владелец Торгутова рода Санжи Убаши с правителями багацохуровских и эркетеневских родов ответили губернатору, что они калмыков на кордонную службу «тщательно старались посылать исправными, разумея в том службу Государя Императора» и сдавали их улусным приставам [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 37об.]. В качестве подтверждения этих слов Санжи Убаши с правителями привели пример предыдущего года, когда войсковой старшина Аляев благодарил их за полностью снаряженных всадников. В связи с этим они выразили удивление по поводу донесения Главного пристава губернатору о «повсеместной неисправности кордонных калмыков». Предложение Главного пристава Я. К. Ваценко возложить на калмыков работу солеломщиков без оплаты взамен кордонной службы Санжи Убаши с правителями сочли «обидою и унижением военного звания калмыцкого народа» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 38].

Ответ дербетовского владельца Эрдени-тайши Тундута был достаточно кратким: «снаряжаемых в кордонную против киргиз-кайсаков стражу калмыков стараюсь, чтобы они были исправны, считая службу сию немаловажною. Ежели случится у кого-либо из них недостаток в оружии, таковые в пополнение покупаются и во всей исправности отдаются приемщику» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 49об.]. Что касается замечания о плохой оснащенности кордонных всадников, Эрдени-тайша заметил, что это происходит от того, что «по неимению над собой национального начальника они остаются в небрежении, и через то нередко лишаются имеющегося у них оружия и лошадей» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 50]. Предложение Главного пристава Я. К. Ваценко об использовании кордонных стражников на «ломке соли», по мнению владельца, «служит к посрамлению военного звания калмыков» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 50].

Еще более кратким был ответ торгутовского владельца Эрдени Цаган Кичика: «На кордонную службу я ежегодно командирую людей по числу кибиток по получении предписания. Сдаю оных во всей исправности улусному частному приставу, а тех, кои кочуют на Волге и по Мочагам, командируют старосты и также сдают частному приставу» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 64].

Также лаконично ответили на этот вопрос зайсанги Яндыковского общества: «Командируемых ежегодно на кордонную службу мы сдаем частному улусному приставу, который строго наблюдает за их исправностью» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 71об.].

Ответ владельца Хошеутовского улуса Серебджапа Тюменя был более пространным и во многом сходным с ответом дербетовского владельца. С. Тюмень сообщил, что «калмыки моего владения, командируемые на службу его Императорского Величества с начала прихода калмыцкого народа под протекцию России и поныне наряжаются во всей исправности в оружии, лошадях, платье и обуви» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 81об.]. Причину «неисправности» кордонных калмыков хошеутовский владелец, как и Э. Тундутов, видел в отсутствии над ними «попечительного начальника из собственной нации», из-за чего они «лишаются и последнего имеющегося при них оружия и лошадей» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 82]. Предложение Главного пристава Я. К. Ваценко использовать их взамен кордонной службы на соляных промыслах С. Тюмень назвал «унижением всего калмыцкого народа, ибо калмыки ... и донныне службу царскую отправляют не соляными ломщиками, а военными служителями с усердием и ревностью» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 82].

Следующим в краткой записке гражданского губернатора был поставлен вопрос о необходимости отмены ежегодных поставок (с оплатой по 30–40 руб. в месяц в течение 4-месячного сезона) калмыцких кибиток из всех улусов с 1811 г. по предписанию Главноуправляющего Кавказом для посетителей Кавказских минеральных вод [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 18].

В ответе на данный вопрос все владельцы и правители улусов были единодушны: из-за убыточности ежегодные поставки калмыцких кибиток на Кавказские минеральные воды и обеспечение их прислужой необходимо отменить [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 39, 51, 65об., 72об., 84].

Очередной вопрос губернатор обозначил просто: «Надо узнать у владельцев, снабжаются ли пристойными квартирами определенные к ним чиновники?». При этом он оговорил, что чиновники должны снабжаться подводами «ради экстренных случаев» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 19].

Владелец Санжи Убаши, багацохуровские и эркетеневский правители ответили, что присланные к ним чиновники квартирами снабжаются. При этом пояснили, что предоставление им подвод «по казенным надобностям» было частым явлением при бывшем главном приставе С. Л. Халчинском, и чиновники делали «разные законопротивные поступки» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 39–39об.]. В связи с этим все документы они стали отправлять сами. Таким образом, по мнению владельца и правителей, калмыки избавились от притеснений чиновников.

Владелец Э. Тундутов ответил, что чиновники, посланные в Дербетовский улус, снабжаются квартирами и подводами. Вместе с тем он пожаловался, что

сами улусные приставы нарушают порядок: «по собственной надобности ездили на подводах, брали лошадей сколько угодно, при том самых лучших, мучали их. ... Всякий посланный чиновник делал калмыкам большие притеснения» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 51–51об.]. Эрдени-тайша сообщил, что в предоставлении подвод чиновникам он установил порядок. Он также обратил внимание на то, что, по калмыцким обычаям, поездки чиновников или самого частного пристава по частным претензиям должны обеспечиваться подводами заинтересованными лицами. По его мнению, приоритетным должно быть обеспечение транспортом людей, посылаемых «для прививания коровьей оспы калмыкам» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 52].

Владелец Эрдени Цаган Кичик ответил, что квартирами и подводами частный улусный пристав снабжается постоянно [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 65об.]. Зайсанги Яндыковского улуса сообщили, что чиновников они снабжают квартирами и подводами всегда, за исключением их поездок «по собственному произволу» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 72об.]. Владелец С. Тюмень, сообщив, что квартирами и подводами чиновники, а также казаки для поездок по служебным делам в Хошеутовском улусе регулярно снабжаются, пояснил, что поездки по частным делам или для следственных действий, по калмыцким обыкновениям, должны обеспечиваться заинтересованным лицом [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 84об.].

4. Предложения губернатора и ответы калмыцких владельцев и правителей о деятельности Зарго

Первым в этом ряду вопрос гражданского губернатора, заданный калмыцким владельцам, касался сообщения главного пристава калмыцкого народа Я. К. Ваценко в Коллегию иностранных дел в 1815 г. с жалобой на частые замены членов калмыцкого суда Зарго. По мнению главного пристава, это «происходит от лености и необузданности калмыков к исполнению обязанностей» судей, в связи с чем он просил Коллегию установить обязательный трехлетний срок службы судей [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 27].

Санжи Убаши с правителями возразил мнению главного пристава, полагая, что замена судьи происходит, как правило, по причине его болезни, а не от лености. Они также сочли излишним устанавливать обязательный трехлетний срок судейской службы, считая, что для хорошего и способного судьи Зарго возможен и более продолжительный период службы [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 40об.].

Таким же был ответ Э. Тундутова с дополнением, что «леность и необузданность никогда не были свойствами калмыков и не служили им преградой в исполнении обязанностей по службе» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 53].

Эрдени Цаган Кичик ответил, что замены судей Зарго происходят по их болезни или в связи с истечением срока службы. Изредка, по его мнению, судьи просят владельца и главного пристава об освобождении их от судейских обязанностей, предпочитая таковым занятие собственным скотоводческим хозяйством [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 66об.]. Зайсанги Яндыковского общества ответили кратко: если член суда Зарго не совершит «законопротивного поступка», то может служить в этой должности и более трех лет [ГА АО.

Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 73]. С. Тюмень возразил мнению Я. К. Ващенко о лени и необузданности калмыков и предложил не устанавливать обязательный трехлетний срок службы судей [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 87].

Второй вопрос губернатора к владельцам касался переноса местопребывания Зарго из ставки владельца Дербетовского улуса в более удобное для всех калмыцких кочевий место. Необходимость переноса С. С. Андреевский мотивировал тем, что торгутовские и хошеутовские калмыки, особенно проживавшие в Мочагах и на р. Волге, из-за отдаленности суда Зарго несут большие расходы на дорогу. Поэтому он признал необходимым перенести суд Зарго, «сблизив оный со всеми кочевьями, дабы из них бедные и неимущие могли туда приходить по своим тяжбам пешком, а другие — приезжать в лодках водою, а богатым жителям нетрудно приехать верхом» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 28].

Санжи Убаши с багацохуровскими и эркетеневским правителями предложили перевести суд Зарго в пос. Калмыцкий Базар близ Астрахани [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 41]. Э. Тундутов, поскольку речь шла о суде Зарго, местопребыванием которого со времен наместника ханства Ч. Тундутова являлась ставка владельца Дербетовского улуса, ответил, что он вначале «спросит о сем весь мой улус», а затем сообщит результаты общего решения. Если все опрошенные будут согласны перевести суд Зарго в другое место вблизи Астрахани, то и он не будет возражать [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 53об.].

Эрдени Цаган Кичик согласился с тем, что надо перевести суд Зарго в более удобное место, но не конкретизировал, куда именно [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 68]. Зайсанги Яндыковского общества также согласились «сблизить» суд Зарго с их улусом без указания нового местопребывания [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 73об.]. С. Тюмень также в своем ответе пожелал «суд Зарго сблизить к г. Астрахани» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 87об.].

Однако дело не ограничилось опросом владельцев по этому вопросу. Торгутовский владелец Эрдени Цаган Кичик дополнительно сообщил о том, что его подвластные зайсанги имеют другое мнение, «каковое отвергнуть не могу» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 107]. Следом в деле имеется прошение на имя губернатора от 10 марта 1817 г. зайсангов, представителей духовенства и отдельных лиц, подвластных владельцу Торгутовского улуса, которые заявили о своем несогласии с мнением Хошеутовского и своего владельцев о переносе суда Зарго в пос. Калмыцкий Базар. Данный поселок зайсанги и духовенство сочли «более посрамительным, нежели приличным, ибо живущие тут калмыки есть самые беднейшие и пекутся о дневном только пропитании» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 108об.]. В связи с этим они предложили оставить суд Зарго на территории Дербетовского улуса как месте, избранном императорами Павлом I и Александром I и являвшимся «средоточием» успешного калмыцкого скотоводческого уклада жизни. По их мнению, «в калмыцком народе несравненно больше таких людей, которые имеют скотоводство и кочуют по степям, нежели бедных, проживающих для единственного пропитания по р. Волга и в чернях Каспийского моря» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 108].

9 марта 1817 г. Эрдени-тайша Тундутов через своего брата Джамбо-тайшу направил губернатору коллективное решение зайсангов и представителей ду-

ховенства Дербетовского улуса с просьбой оставить калмыцкий суд Зарго в их улусе, как и прежде, где проживает треть всего калмыцкого населения Астраханской губернии [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 116–117].

Следующим губернатор поставил вопрос о статусе отошедшей от владельца Санжи Убаши части Яндыковского улуса во главе с зайсангами в связи с деятельностью суда Зарго. Ранее, до отделения этой части, в суде Зарго заседал представитель единого Яндыковского улуса, который в 1816 г. после его распада представлял лишь улус Санжи Убаши. Отделившуюся часть улуса Коллегия иностранных дел предписала считать Яндыковским обществом, а не отдельным улусом. В связи с этим губернатор решил выслушать мнение калмыцких владельцев о необходимости избрать члена суда Зарго от Яндыковского общества [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 33].

Владелец Санжи Убаши, багацохуровские и эркетеневский правители по данному вопросу ответили, что они признают Яндыковский улус владением Санжи Убаши и дело о статусе отделившейся части еще не решено «верховой властью». В связи с этим «определить в суд Зарго присутствующего от Яндыковского улуса зависит от распоряжения владельца Санжи Убаши» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 41об.].

Дербетовский владелец Эрдени-тайша, признав, что, согласно пожалованной калмыцкому народу грамоте российского императора, представлено в суде Зарго от торгутов и хошутов 5 заседателей, от дербетов — 3, сообщил, что в пределах этой нормы от Яндыковского улуса уже назначен представитель. Однако, хотя отделившееся общество «имеет тяжбу со своим владельцем Санжи Убаши», Э. Тундутов предложил предоставить Яндыковскому обществу право назначать своего представителя в Зарго «по значительному количеству кибиток оного» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 54].

В связи с «расстроенностью» дел в Зарго, касающихся данного улуса из-за его разделения, торгутовский владелец Эрдени Цаган Кичик также предложил предоставить отделившемуся обществу представительство в суде [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 68об.].

Зайсанги Яндыковского общества ответили: «Во время управления нашим улусом владельца Санжи Убаши в суде Зарго был с нашей части присутствующий член, а теперь уже шестой год мы не пользуемся этим выбором, а наш улус составляет более 1 000 кибиток, поэтому мы просим предоставить это» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 74].

Владелец С. Тюмень также признал, что Яндыковскому обществу необходим «присутствующий член суда Зарго», поскольку в нем «число кибиток не менее прочих улусов» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 88об.].

В последнем вопросе губернатор обратил внимание на несовершенство калмыцкого национального законодательства, которое, по его мнению, «собрано из одних только частных сведений и словесных преданий» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 30]. В связи с этим он обратился к мнению калмыцких владельцев о необходимости составления нового полного и основательного уложения, основанного на калмыцком праве, с введением, помимо уплаты штрафов скотом, различных мер наказания за преступления, в том числе и более строгих [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 30].

Санжи Убаши с правителями ответил, что у калмыков имеется Уложение 1640 г. и, в случае необходимости, можно его дополнить статьями из «Уложения» Дондук-Даши (речь идет о законах хана Дондук-Даши) [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 41]. Э. Тундутов ответил, что он руководствуется «в разбирательстве разных претензий» статьями старого и нового Уложений, которые являются вполне достаточными и для деятельности суда Зарго [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 53об.–54]. Это же пожелание было выражено владельцем Торгутовского улуса: калмыцкие владельцы и суд Зарго должны руководствоваться Уложениями, «изданными прежними ханами» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 68]. Таким же был ответ зайсангов Яндыковского общества: суд Зарго должен опираться в своей деятельности на «древние калмыцкие Уложения» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 108об.]. Ответ С. Тюменя был аналогичен по содержанию: «Со времен калмыцких ханов и поныне в калмыцком народе уложений существуют два, старое и новое, которыми я во владении своем в разбирательстве разных претензий руководствуюсь, каковое должно соблюдаться и в суде Зарго» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2340. Л. 87об.–88].

5. Заключение

Изучение материалов переписки астраханского гражданского губернатора с владельцами и правителями калмыцких улусов по вопросам, касающимся обязательств калмыцкого населения, показало, что лишь по одному вопросу было достигнуто единодушие: о необходимости отмены вследствие убыточности ежегодных поставок от всех улусов кибиток с убранством и прислужой на Кавказские минеральные воды.

По ряду вопросов была достигнута согласованность, но на определенных условиях. Владельцы и правители выразили понимание необходимости участия калмыков в соледобыче и кордонной службе, для реализации которого они ввели строгий порядок контроля с ответственностью бодокчеев. Вместе с тем владельцы и правители обратили внимание на национальный аспект этих проблем. В частности обращает на себя внимание высказанное Санжи Убаши с багацохуровскими и эркетеневскими правителями, с улусов которых на соляные промыслы нанималось наибольшее количество калмыков, недовольство тем, что плата за их труд является меньшей, нежели таковая у русских рабочих.

Также отмечавшуюся нехватку в вооружении, обмундировании и лошадях, возникавшую по ходу кордонной службы у калмыков, владельцы Дербетовского и Хошеутовского улусов объяснили отсутствием у них командиров калмыцкой национальности. По нашему мнению, они справедливо полагали, что калмыцкий командир, знающий язык, национальные обычаи и традиции, живущий вместе с ними, будет лучше контролировать порядок и дисциплину у кордонных стражников. Что касается предложения главного пристава Я. К. Ваценко о возможности замены кордонной службы у калмыков работой на соледобыче, все владельцы посчитали это унижительным для народа со славным военным прошлым, тем более, что у них была еще свежа память об участии их в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах.

Все главы улусов также признали необходимость обеспечения квартирами и транспортом направляемых к ним чиновников, но Санжи Убаши с пра-

вителями и Э. Тундутов указали на чинимые ими произвол и «притеснения» калмыков.

Голоса глав улусов разделились по двум вопросам губернатора. В вопросе о смене местопребывания калмыцкого Зарго Торгутровский и Дербетовский улусы в лице местных собраний знати и духовенства высказались за то, чтобы оставить его на прежнем месте (ставка Дербетовского улуса). С. Тюмень и зайсанги Яндыковского общества пожелали перевести Зарго в более удобное место, т. е. ближе к их улусам. Санжи Убаши с багацохуровскими и эркетеневскими правителями высказались за перенос местопребывания Зарго в пос. Калмыцкий Базар, расположенный рядом с Астраханью. Эти разногласия послужили причиной сохранения прежнего местопребывания калмыцкого суда в ставке Дербетовского улуса. Н. Н. Пальмов имел в виду именно это обстоятельство, говоря о том, что «в 1816 г. группа калмыцких владельцев стала хлопотать о переводе Зарго в Астрахань, но хлопоты не имели успеха» [Пальмов 1992: 128].

Все главы улусов высказались за предоставление членства в калмыцком Зарго Яндыковскому обществу. Высказались против этого Санжи Убаши, багацохуровские и эркетеневский правители, что свидетельствовало о незаконности процесса разделения Яндыковского улуса.

Категорические возражения владельцев и правителей калмыцких улусов встретили два предложения губернатора. Главы улусов возразили предложению губернатора о введении обязательного трехлетнего срока службы для заседателей Зарго и необходимости составления нового свода калмыцких законов. На наш взгляд, отрицательные ответы владельцев и правителей улусов на эти вопросы наглядно свидетельствуют об их приверженности традиционному укладу калмыцкой жизни и нежелании допускать вмешательство чиновников российской администрации в сложившийся порядок.

Источники

ГА АО — Государственный архив Астраханской области.

Sources

State Archive of Astrakhan Oblast.

Литература

- Бадняева 2002 — Бадняева Л. В. К вопросу о численности населения калмыцких улусов после 1771 г. // Калмыки и их соседи в составе Российского государства: материалы Междунар. науч. конф. Элиста: Джангар, 2002. С. 55–62.
- Бакунин 1995 — Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Изд. 2-е. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Белоусов 1999 — Белоусов С. С. Основано таврическими переселенцами (с. Садовое. 1849–1917 гг.) Волгоград: Станица-2, 1999. 88 с.
- Бичурин 1991 — Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
- Борисенко 1982 — Борисенко И. В. Численный состав калмыков в основных ареалах их расселения (XVIII – начало XX в.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1982. С. 42–80.

- Горяев 2013 — *Горяев М. С.* Вовлечение Калмыкии в общественно-экономическую систему Российской империи (последняя треть XVIII – конец XIX века). Элиста: Джангар, 2013. 224 с.
- Деев 2002 — *Деев С. Ю.* Организация управления калмыцким народом после упразднения Калмыцкого ханства (1771–1825 гг.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Вып. № 17. Элиста: Джангар, 2002. С. 93–104.
- Дуброва 1998 — *Дуброва Я. П.* Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.
- История 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- Карагодин 1988 — *Карагодин А. И.* Хозяйство и общественно-политический строй приволжских калмыков в последней четверти XVIII и первой половине XIX вв.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1988. 47 с.
- Колесник 1997 — *Колесник В. И.* Демографическая история калмыков в XII–XIX вв. Элиста: КГУ, 1997. 135 с.
- Костенков 1870 — *Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Тип. С. Нусвальта, 1870. 170 с.
- Львовский 2022 — *Львовский Н. В. (Методий).* Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. 2-е изд. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 156 с.
- Митиров 2002 — *Митиров А. Г.* Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 272 с.
- Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 190 с.
- Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 277 с.
- Очерки 1967 — Очерки истории Калмыцкой АССР: дооктябрьский период / ред. кол.: Н. В. Устюгов (гл. ред.), И. Я. Златкин, Е. Н. Кущева и др. М.: Наука, 1967. 479 с.
- Пальмов 1992 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 160 с.
- Страхов 1810 — *Страхов Н. И.* Нынешнее состояние калмыцкого народа с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни Савардин. СПб.: Тип. Шнора, 1810. 95 с.

References

- Badnyaeva L. Kalmyk uluses after the year 1771: Population numbers revisited. In: Kalmyks and Their Neighbors within Russia's Borders. Conference proceedings. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 55–62. (In Russ.)
- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords. Second edition. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Belousov S. S. Founded by Settlers from Taurica: Sadovoye, 1849–1917. Volgograd: Stanitsa-2, 1999. 88 p. (In Russ.)
- Bichurin N. Ya. (Hyacinth) A Historical Review of Oirats or Kalmyks: From the Fifteenth Century to the Present. Second edition. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 128 p. (In Russ.)
- Borisenko I. V. Kalmyks and Kalmyk-inhabited areas in the eighteenth to early twentieth centuries: Population numbers. In: Issues of Kalmykia's Agricultural History before the October of 1917. Elista: Kalmyk Institute of Language, Literature and History, 1982. Pp. 42–80. (In Russ.)
- Deev S. Yu. Administrative control over ethnic Kalmyks after the abolition of Kalmyk Khanate, 1771–1825. In: Bulletin of Kalmyk Humanities Research Institute RAS. Vol. 17. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 93–104. (In Russ.)

- Dubrova Ya. P. Kalmyks of Stavropol Governorate and Their Daily Routine. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 181 p. (In Russ.)
- Goryaev M. S. Introducing Kalmykia into the Socioeconomic System of Imperial Russia, 1770s–1890s. Elista: Dzhangar, 2013. 224 p. (In Russ.)
- Karagodin A. I. The Volga Kalmyks, 1770s–1850s: Economy and Sociopolitical Structure. Dr. Sc. (history) thesis abstract. Rostov-on-Don, 1988. 47 p. (In Russ.)
- Kolesnik V. I. Demographic History of Kalmyks, Twelfth to Nineteenth Centuries CE. Elista: Kalmyk State University, 1997. 135 p. (In Russ.)
- Kostenkov K. I. Kalmyk Nomads of Astrakhan Governorate: Historical and Statistical Accounts. St. Petersburg: S. Nusswald, 1870. 170 p. (In Russ.)
- Lvovsky N. V. (Methodius) Kalmyks of Bolshederbetovsky Ulus, Stavropol Governorate. Second edition. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2022. 156 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia from Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. 848 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. The Origins and Beginnings. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 272 p. (In Russ.)
- Nebolsin P. I. Kalmyks of Khoshoutovsky Ulus: Essays on Everyday Life. St. Petersburg: K. Kray, 1852. 190 p. (In Russ.)
- Nefedyev N. A. Detailed Eyewitness Accounts of the Volga Kalmyks. St. Petersburg: K. Kray, 1834. 277 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. Kalmyks within Russian Borders: A Historical Essay. Second edition. Elista: Kalmykia Book Publ., 1992. 160 p. (In Russ.)
- Strakhov N. I. Accounts of Present-Day Kalmyks, Supplemented with Kalmyk Laws and Procedures, the Ten Precepts of Their Faith, Prayers, a Didactic Novel, a Folktale, Proverbs, and Savardin Song. St. Petersburg: J. Schnor, 1810. 95 p. (In Russ.)
- Ustyugov N. V., Zlatkin I. Ya., Kushcheva E. N. et al. (eds.) Kalmykia before the October of 1917: Historical Essays. Moscow: Nauka, 1967. 479 p. (In Russ.)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-347-367

Духовенство калмыков-казаков Дона в XVIII – первой половине XIX в.

Константин Николаевич Максимов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

 0000-0002-9475-6137. E-mail: tsagadam[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Максимов К. Н., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье исследуется один из важных пробелов в истории калмыков-казаков Дона. Освещается история становления и развития службы буддийского духовенства у диаспоры донских калмыков в связи с религиозной политикой администрации Войска Донского. Временные рамки охватывают период от введения калмыков в казачье военное сословие и до 1840-х гг., когда была проведена одна из крупных реформ системы богослужбных буддийских учреждений (хурулов) и иерархии духовных служителей. *Цель* статьи — исследовать процессы адаптации калмыков, обладавших своей культурой и религией, в полиэтническом ареале, а также развития и инкорпорирования системы службы буддийского духовенства в донскую казачью административную и социальную структуру. *Результаты.* Главными чертами религиозной политики администрации Войска Донского являлись веротерпимость, обеспечение свободы вероисповедания, модернизация системы духовной службы путем оптимизации сети хурулов и их штатов, подготовки кадров духовенства, введения духовенства в систему административной службы, особое привилегированное сословие. Особенностью проводившейся донской властью религиозной политики среди калмыков-казаков являлось активное ее использование в развитии их культуры, образования, переводе на оседлость, стационарное хозяйствование.

Ключевые слова: Российское государство, император, Земля Войска Донского, Войсковой наказный атаман, Военное министерство, Главное управление иррегулярных войск, Калмыцкое правление, улус, сотня, буддийское духовенство, бакша донских калмыков, хурул, гелонг, гецул, манджик

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6). Автор выражает благодарность директору Государственного архива Ростовской области Н. А. Трапшу за содействие в выявлении, широком сборе архивных материалов о донских калмыках и их переводе в электронный формат, а также научным сотрудникам КалмНЦ РАН М. Д. Каруевой и В. Н. Воробьевой, осуществившим оцифровку выявленных материалов.

Для цитирования: Максимов К. Н. Духовенство калмыков-казаков Дона в XVIII – первой половине XIX в. // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 3. С. 347–367. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-347-367

Clerics of Don Kalmyk Cossacks, 18th to Mid-19th Centuries

*Konstantin N. Maksimov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate

 0000-0002-9475-6137. E-mail: tsagadam[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Maksimov K. N., 2023

Abstract. *Introduction.* The article discusses one understudied — though essential — issue from the history of Don Kalmyk Cossacks. It focuses on the shaping and development of the Buddhist clergy among Don Kalmyks in relation to the then official religious agenda of the Don Host. The examined period covers the earliest conversion of Kalmyks to Cossackhood and onwards throughout the 1840s, the latter years having witnessed a largest reform of Buddhist institutions and clerical hierarchies. *Goals.* The paper attempts an insight into adaptation practices once exercised by Kalmyks as a group with specific cultural and religious backgrounds in polyethnic environments, special attention be paid to how the Buddhist clergy developed and were subsequently incorporated into administrative and social structures of Don Cossacks. *Results.* The official religious policy within the Don Host was largely tolerant and sought to secure freedom of faith, modernize spiritual services by way of optimizing networks of *khuruls* and their staff, encouraging some professional training of the latter, introducing clerics into administrative structures and services as a special privileged community. The religious policy of Don authorities among Kalmyk Cossacks was distinguished by that the former tended to actively use a tool of faith in the latter's further acculturation, education, sedentarization, and conversion to stationary economic practices.

Keywords: Russia, Emperor, Don Host, Nakazny Ataman of the Host, Ministry of War, Chief Directorate of Irregular Forces, Kalmyk Directorate, ulus, *sotnia*, Buddhist clergy, Baksha of Don Kalmyks, *khurul*, gelong, getsul, manji

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’. The author extends gratitude to N. Trapsh, Director of the State Archive of Rostov Oblast, for his heartiest assistance in identifying, compiling, and digitizing archival materials dealing with Don Kalmyks. Special thanks are expressed to M. Karueva and V. Vorobyova, research associates of KalmSC RAS, for their months-long digitization efforts.

For citation: Maksimov K. N. Clerics of Don Kalmyk Cossacks, 18th to Mid-19th Centuries. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(3): 347–367. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-347-367

1. Введение

Локальные группы населения Калмыцкого ханства, мигрировав во второй половине XVII в. на Дон, в XVIII в. сформировались в крупную этническую диаспору, инкорпорировались в состав донского казачества. Калмыки, оказавшись в новом ареале обитания, иноэтнической атмосфере, другой социально-об-

публичной обстановке, начали втягиваться в межэтнические, хозяйственные, торговые, культурные, бытовые взаимоотношения с местным населением Дона. Обитавшая здесь локальная группа калмыков, несмотря на интенсивную аккультурацию, изменение общественного уклада, во многом благодаря диверсификационной этнической политике властей Дона смогла сохранить свою национальную и конфессиональную идентичность. Цель статьи — исследовать процессы адаптации калмыков, обладавших своей культурой и религией, в полиэтническом ареале, а также развития и инкорпорирования системы службы буддийского духовенства в донскую казачью административную и социальную структуру.

2. Материалы исследования

Статья написана на основе впервые вводимых в научный оборот документальных материалов, содержащихся в фонде Калмыцкого правления Государственного архива Ростовской области (далее — ГА РО) [ГА РО. Ф. 309]. В работе использованы годовые отчеты, доклады, справки, протоколы заседаний Калмыцкого правления, предписания, переписка администрации Войска Донского. В них содержатся сведения о проводившейся религиозной политике, состоянии духовной службы, сети и штате хурулов, главных священнослужителях — бакши донских калмыков.

Историография изучаемой тематики, можно сказать, не богата. В отдельных трудах историков [Бронеvский 1834; Маслаковец 1874; Богачев 1919; Сватиков 1924; Пальмов 2007; Шовунов 1992; Дорджиева 2009; Максимов 2016; и др.] вопросы службы буддийского духовенства, сети и штатов хурулов, службы бакши донских калмыков освещены лишь обзорно и фрагментарно. Многие сведения о главных ламах донских калмыков до конца XIX в., приведенные А. Э. Борманджиновым в его брошюре [Борманджинов 1997], не совсем точны: им не были использованы архивные документы, что исказило ту или иную информацию.

При освещении данной тематики, руководствуясь принципом историзма с дополнением принципа герменевтики, сделана попытка получить объективную картину идеологической деятельности власти Войска Донского по развитию и укреплению взаимосвязей донских этносов, межнациональных отношений в рассматриваемый исторический период на Дону.

3. Миграция локальных групп калмыков на Дон

Ойраты (калмыки) прибыли из Центральной Азии и вошли в состав Российского государства со своей многовековой культурой, традициями, обычаями и религией — одной из мировых конфессий — буддизмом. Велико значение официальной религии калмыков как идеологической основы в консолидации этноса, создании этнополитического образования в форме кочевого государства — Калмыцкого ханства. Гибкая этническая политика России по укреплению единства многонационального народа, межнациональных отношений, развитию взаимосвязей, интеграции способствовала миграционному процессу в общем территориальном пространстве страны.

С установлением в начале 1640-х гг. калмыками контактов с донскими казаками происходит постепенная миграция отдельных их групп на Дон.

В результате эффективных совместных действий донских казаков и калмыков против врагов на юге России, а также с прибытием в 1669–1670 гг. на Дон тайшей Дугара и Бока со своими улусами власти донского казачества определились во взаимоотношениях с ханством и его народом, записав в очередном договоре: «А которые их калмыцкие люди, прикочевав, похотят у них жить на Дону, и им за тех людей не стоять и у них, казаков, назад не просить» [Максимов 2016: 40].

Однако хан Аюка силой возвратил Дугара в ханство. Бок остался на Дону и стал основателем донского казачьего поселения диаспоры калмыков.

В 1686 г. на Дон прикочевали с Волги еще до 200 калмыцких кибиток [Гурый 1915: 606; Сватиков 1924: 23], в следующем году — из Джунгарии улус Цаган-Батыра, в 1690 г. — улусы Четера и Батыра-Черкеса с 800 взрослыми мужчинами [Максимов 2016: 45].

4. Интеграция калмыков в состав донского казачества

В 1693 г. в Войске Донском в статусе казаков в строевых полках служило до 600 калмыков. С 1694 г. прикочевавших на Дон калмыков начали постепенно интегрировать в состав донского казачества, наделяя государственным денежным содержанием наравне с казаками. Помимо этого, в том же году 4 калмыка, как равноправные с казаками, были включены в состав донской делегации на прием к царю.

В связи со значительным притоком калмыков и активным их участием совместно с казаками в походах на Кубань и Крым последовал в 1694 г. официальный акт Круга войска Донского по инкорпорации донских калмыков в состав казачества. Калмыки были причислены к казачьему сословию с установлением обязанности несения военной службы. Этот процесс стал более интенсивным с отводом и закреплением земель для кочевий между Доном и Северским Донцом, а также с назначением им наравне с казаками государственного жалованья. Донские казаки охотно принимали к себе откочевавших калмыков, которые, прельщаясь вольной казачьей жизнью, изобилием и привольными лугами, избегая наказания за неповиновение тайшам, уходили на Дон от своих владельцев семьями (с женами, детьми) и со всем имуществом. Несмотря на запреты, значительное приращение количества калмыков на Дону началось с 1699 г. [Броневский 1834: 68–69; Маслаковец 1874: 13–14].

С этого времени, по утверждению С. Г. Сватикова [Сватиков 1924: 23] и Н. Н. Пальмова [Пальмов 2007: 228, 229], на Дону образовалось донское поселение базовых, юртовых калмыков со смешанным этногенетическим составом (представители торгутов, дербетов, хошутов, небольшой группы хойтов и др.). В 1699 г. состав донских калмыков значительно пополнился джунгарскими улусами братьев Цаган-Батыра — Баахан-тайши, Цюрюм-Батыра, Даши-Батыра (Батур-тайджи недолго находился в Калмыцком ханстве), прибывшими из Джунгарии [Сватиков 1924: 23; Дарбакова 1973: 68–75; Пальмов 2007: 228, 229].

5. Организация административного управления и духовных учреждений

Система местного административного управления у донских калмыков на данном этапе, по сложившейся исторической традиции, обычаю, сохранялась

прежняя: улусами управляли нойоны (владельцы князья), аймаками — зайсанги (правители, малые господа). Нойоны улусов непосредственно подчинялись войсковой администрации Области Войска Донского и выполняли все ее указания и распоряжения. Донские калмыки — носители буддийского вероучения, благодаря свободе вероисповедания, проводимой властью Дона политике веротерпимости получили возможность не только исповедовать свою религию, но и сохранить конфессиональную идентичность, создать передвижные, стационарные хурулы (храмы). Один из первых официальных хурулов на Дону, по письменному свидетельству жителей 2-й сотни Верхнего улуса, представленному 19 июня 1846 г. 2-му судье Калмыцкого правления Маркову, был устроен в этой сотне гелюном Габуном Дулановым в 1715 г. По его ходатайству на учреждение этого хурула им была получена дозвоительная грамота с печатью Далай-ламы, которая хранилась еще в середине XIX в. в этом же хуруле. Главного гелюнга первого официального хурула Габуна Дуланова по праву можно считать старшим гелюном донского духовенства — бакшой (ламой) [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1631. Л. 7–7об.].

А. Э. Борманджинов первое упоминание о таком бакше донских калмыков относит с оговоркой к 1806 г. [Борманджинов 1997: 9]. Возможно, Габун Дуланов не был избран, но по общему признанию гелюнов донских сотен являлся старшим ламой — бакшой. По сложившейся традиции до 1825 г. ламу калмыцкого народа избирали старшие гелюнги хурулов из своей среды. Таким избранным после 1806 г. бакшой донских калмыков можно считать Джембо¹ Азугинова, гелюнга 1-й сотни Верхнего улуса [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 794. Л. 180, 181об.].

К концу XVIII в. в калмыцких улусах на Дону фактически выстроилась определенная иерархия священнослужителей: главный бакша донских калмыков, лама хурула, гелюнг, гецуль и манджик. Сложилась и система религиозной службы. Поэтому 20 августа 1819 г. на первом заседании Комитета по устройству Войска Донского, видимо, с учетом сложившейся системы было решено упорядочить и установить определенное количество калмыцких священнослужителей во главе с бакшой донских калмыков: на один хурул — 12 духовных лиц (4 гелюнга, 4 гецуля и 4 манджика). Это решение, вероятнее всего, было принято по настоянию бакши донских калмыков Джомсха Хуцыкова. Вопросы относительно количества хурулов, выбора (назначения) бакши не обсуждались. При этом Комитет решил «освободить их от военной и внутренней службы, дабы сим самым поселить в калмыцком народе более уважения к сим званиям» [РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 241. Л. 15, 16, 39–40; Записки 1999: 187].

Согласно свидетельствам жителей 1-й сотни Верхнего улуса, изложенным в рапортах от 27 февраля 1843 г. и 20 июля 1846 г. на имя судьи Калмыцкого правления для представления Войсковому наказному атаману Войска Донского, можно сделать вывод, что их хурулу — 80 лет и в нем длительное время прослужил первый главный бакша донского калмыцкого народа Джембо Азугинов [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 794. Л. 180, 181об.].

¹ Так имя бакши упоминается в документе. Вместе с тем возможно написание этого калмыцкого имени как Джимбья (калм. *Жимбэ*), Джембья, в таком случае оно склоняется, что и встречается в других архивных документах ГА РО.

Но хурул к 1837 г. фактически прекратил действовать. В связи с сокращением в 1846 г. количества священнослужителей и хурулов сотенное общество ходатайствовало сохранить их хурул, выделив ему штат священнослужителей, в память первого главного бакши Джемби Азугинова. Добавлялось, что этот хурул был построен им на свои средства (лошадей, овец и прочее) в 1766 г. [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 794. Л. 180, 181об.].

Все это подтверждалось в письменном свидетельстве от 27 февраля 1843 г. бакши донских калмыков Джембо Ганджиновым, написанном, по его выражению, «своеручно» и лично подписанном с указанием имени и фамилии. Он писал: «Дано сие удостоверение Верхнего улуса 1-й сотне в том, что известно мне, что покойным бакшой донских калмыков Джембою Азугиновым действительно в 1766 г. устроен в этой сотне хурул, который, существуя более 70 лет, лишился в течение этого времени по разным причинам всех своих служителей» [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 794. Л. 182].

Калмыцкое правление решением от 27 февраля 1843 г. подтвердило сведения о построении хурула в 1-й сотне Верхнего улуса в 1766 г. Джембой Азугиновым, бакшой донских калмыков [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1631. Л. 7–7об.]. Таким образом, официально избранным первым бакшой донских калмыков являлся Джембо Азугинов, который вступил в эту должность в конце 1760-х гг., а умер, как можно предположить, соглашаясь со сведением А. Борманджинова о смерти «ламы бакши», в 1806 г. [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1631. Л. 9–10; Борманджинов 1997: 9].

6. Первые главные духовные служители донских калмыков

В период подготовки реформы по устройству Войска Донского в Калмыцком кочевье произошло важное общественное событие. Религиозную службу, духовенство возглавил четвертый бакша донских калмыков — Джомсх Хуцыков, гелюнг хурула 4-й сотни Нижнего улуса (Ики-Бурул), сменивший бакшу Ише Целенова, служившего предположительно в 1806–1815(1816) гг. Кстати, А. Э. Борманджинов назвал только имя бакши — «Йише», но без фамилии и даты [Борманджинов 1997: 10]. Хотя неизвестны даты принятия Хуцыковым сана бакши и прекращения им службы в этой должности, имеются точные годы (1819, 1824 гг.) и сведения, подтверждающие то, что он действительно являлся главным бакшой донских калмыков. Бакша Д. Ганджинов в своем рапорте от 8 июля 1846 г. судье Калмыцкого правления отмечал, что религиозная служба калмыков «существовала и была терпима правительством до 1824 г. В этом году Войсковое начальство распорядилось уменьшить, не уничтожая однакож существующих хурулов, число духовных лиц, а ограничило их тем только количеством, которое совершенно будет необходимо для исполнения религиозных обрядов в хуруле. Посему исполняя волю начальства бывший в то время главным бакшой калмыцкого народа Джомсх Хуцыков, соображаясь с наставлением Далай-ламайского вероучения, признал как самое меньшее и нужное число оставить в хуруле двенадцать человек служителей — по числу инструментов, необходимых употреблению при проведении религиозной нашей службы в следующем порядке: из четырех гелюнов один должен держать хонхо (колокольчик), другой — цанг (блюдо), два снабжены бишкюрами (трубами); четыре гецули, из которых двое имеют бирб (большие трубы),

а двое — гандаша (небольшие трубы). Затем четыре манжика¹ отправляют свое назначение в хуруле на инструментах, называемых кенгерче (барабан). Это число духовных лиц в каждом хуруле, как необходимое для полноты духовно-служебного совершения, было утверждено и высшим правительством» [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д.1631. Л. 13–14].

А. Э. Борманджинов, ссылаясь на рукопись Зодбы Бурульдинова, называл имя неизвестного ему бакши донских калмыков как *Джолен* [Борманджинов 1997: 10], при этом почему-то он находил это имя смешным [Борманджинов 1997: 30]. Видимо, «Джолен» и «Джомсх» — имя одного человека, возможно, в рукописи была допущена ошибка. В вышеуказанном рапорте, собственноручно составленном бакшой Ганджиновым, четко выведено «Джомсх» [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д.1631. Л. 13–14].

В последующие три-четыре года численность населения в Калмыцком кочевье оставалась почти стабильной, но произошли изменения в его составе. В 1834 г. в 13 сотнях насчитывалось 4 434 кибитки, численность населения составляла 16 503 человека (7 838 мужчин и 8 665 женщин), в том числе 1 374 служилых калмыков-казаков, отставных — 1 833, а число «малолеток» от 1 года до 19 лет увеличилось до 4 414. В 17 хурулах службу несли 204 священнослужителя во главе с бакшой (68 гелюнггов, 68 гецулей и 68 манджиков). Хурул главного бакши донских калмыков Дамбы Чулунова, по имеющимся на 1834 г. сведениям, находился в 1-й сотне Среднего улуса, хурул его предшественника Джомсх Хуцыкова располагался в 4-й сотне Нижнего улуса. При хурулах 2-й сотни Среднего улуса и 2-й сотни Нижнего улуса имелись, как сказано в документе, «писатели бурханов» (видимо, художники-иконописцы) [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 83. Л. 3].

7. Реформа в Калмыцком кочевье

Начатая реформа по введению калмыков, кочевавших на донских войсковых землях, в казачье сословие, со всеми его правами и обязанностями, и в систему его управления полностью завершилась в январе 1836 г. в соответствии с «Положением об управлении Донского войска» от 26 мая 1835 г., изменившим порядок управления в Войске Донском в военной и гражданской сферах [Краснов 2007: 303–305].

Положение унифицировало управление в калмыцких улусах с общей системой централизованной власти Войска Донского. Калмыки-казаки полностью влились в военно-служилое сословие, что сопровождалось наделением земельного пая, вменением обязанности несения военной службы в донских казачьих полках, командах, артиллерийских батареях [Приложения 1835: 269–279].

Что касается духовенства, в Положении от 26 мая 1835 г. количество хурулов и служителей в них не ограничивалось. В параграфе 3 первой главы приложения к Положению, включавшем «отдел XIII „Об управлении калмыками донского войска“», говорилось: «Свобода вероисповедания Калмыцкого народа и все относящиеся к оному обряды остаются неприкосновенными» [Приложения 1835: 269–279].

Порядок назначения штатных должностей гелюнггов, гецулей и манджиков, бакши донских калмыков сохранялся прежний. Три кандидата на должность

¹ Здесь и далее так в источнике.

бакши донских калмыков избирались сотенными обществами, которые судьей Калмыцкого правления, с обоснованием его мнения по всем кандидатам, представлялись войсковому наказному атаману Войска Донского. Одного из трех кандидатов наказный атаман назначал по согласованию с военным министром, главным бакшой донских калмыков. Гелюнга, гецули и манджики назначались наказным атаманом по представлению кандидатур, одобренных сотенными обществами и рекомендованных бакшой донских калмыков, судьей Калмыцкого правления [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 199].

Штаты в хурулах сохранялись прежние, установленные распоряжением от 23 июня 1821 г. Военной экспедицией Войска Донского: 52 гелюнга на 13 сотен (по 4 гелюнга на каждую сотню), которые «должны быть изъяты вовсе от военной и внутренней службы» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 198].

Но в нем ничего не было сказано о гецулях и манджиках. В декабре 1826 г. главному бакше донских калмыков Джомсх Хуцыкову при поддержке пристава подполковника Шульгина удалось получить разрешение Главного управления иррегулярных войск установить особый штат бакшинского хурула — 16 гелюнгов, 4 гецуля и 4 манджика. Постепенно, поскольку отсутствовала регламентация, в штатах всех хурулов число гелюнгов увеличилось до 8 [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 198].

Наказный атаман Максим Григорьевич Власов 19 сентября 1829 г. предписал приставу выяснить правомерность и обосновать необходимость такого штата в хурулах. Указывалось, что при проведении службы в хурулах, кроме чтения и пения молитвы, употребляются инструменты: 8 барабанов, 4 больших труб, 4 малых труб, 2 рожковые трубы, две пары тарелок, две раковины. Этими инструментами должны заниматься гелюнга, а в случае их недостатка могут заменить гецули и манджики. Количество духовных лиц, несмотря на попытки строгой регламентации государственной властью, к принятию и введению Положения 1835 г. заметно увеличилось: за последние 3–4 года со 165 (54 гелюнга, 55 гецулей, 56 манджиков), как указано выше, до 205 человек (1 бакша, 68 гелюнгов, 68 гецулей и 68 манджиков) [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 67. Л. 18–22].

Завершая реформирование на Дону, М. Г. Власов принял решение выразить чувства благодарности и признательности императору Николаю I от донских казаков за новое Положение о Войске Донском. По поручению наказного атамана начальник штаба Войска Донского 5 мая 1836 г. предписал Калмыцкому правлению представить кандидатуры в состав предстоящей депутации от Войска Донского в Санкт-Петербург для принесения всеподданнейшей Государю императору благодарности за дарование Войску Донскому «Положения об управлении Донского Войска» [Положение 1835]. Предлагалось рекомендовать двух человек — от духовенства и от граждан [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 96. Л. 1].

В книге А. Э. Борманджинова «Ламы калмыцкого народа: ламы донских калмыков» по этому событию дана совершенно неверная информация. Им написано, что «в начале 1836 г. представительная депутация донских калмыков прибыла в Санкт-Петербург. Ее основной целью было выразить царю Николаю I благодарность от донских калмыков... Один из членов этой депутации был безымянный калмыцкий «бакша-гелюн» [Борманджинов 1997: 10]. Во втором абзаце допущены неточности в цитировании документальных источников [Бор-

манджинов 1997: 10]. В действительности, как свидетельствуют документальные источники, это событие происходило в следующем порядке.

Калмыцкое правление, получив предписание от начальника штаба, 10 мая письменно рекомендовало от калмыков в состав донской депутации гелюна 2-й сотни Среднего улуса Джембо Ганджинова и казака 4-й сотни Верхнего улуса Мусгана Нохина. 22 мая наказный атаман окончательно утвердил состав донской депутации, в том числе и рекомендованных от калмыков указанных лиц, отбывающей в Санкт-Петербург «для принесения его императорскому величеству верноподданических чувств и признательности за всемилостившее дарование Войску Донскому новое Положение» [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 96. Л. 1, 2, 4, 6, 9, 11, 15]. Но М. Нохин внезапно тяжело заболел, и вместо него в сентябре сотенным обществом был рекомендован казак 2-й сотни Среднего улуса Баджа Санджинов [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 96. Л. 2, 4, 6, 9, 11, 15].

Военный министр А. И. Чернышев 31 мая уведомил наказного атамана Войска Донского М. Г. Власова о том, что император пожелал принять донскую депутацию в октябре 1836 г. Император, видимо, остался доволен общением с донскими казаками и удостоил их наградой. Наказный атаман М. Г. Власов 5 января 1837 г. сообщил Калмыцкому правлению о том, что император Николай I соизволил пожаловать членов депутации Войска Донского, в том числе и гелюна Джембо Ганджинова и казака Баджа Санджинова, золотой медалью с надписью «За усердие» на зеленой ленте для ношения на шее. Наказный атаман предлагал Калмыцкому правлению опубликовать это известие о монаршей милости во всех улусах [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 361. Л. 1, 3].

8. Бакши донских калмыков Дамба Чулунов и Джембо Ганджинов

Однако в вопросе о включении от Калмыцкого округа в состав донской депутации гелюнга сотни Джембо Ганджинова при действующем главном бакши донских калмыков Дамбы Чулунова (его хурул находился в 1-й сотне Среднего улуса) не имеется ясности. Возможно, одна из причин — старость или болезнь, хотя об этом нигде не сказано. О том, что Дамба Чулунов в 1834 г. занимал должность главного бакши, свидетельствуют отчет Калмыцкого правления за этот год, подписанные им рапорты, а также рапорты судьи Калмыцкого правления наказному атаману Войска Донского.

Представление Калмыцкому правлению с обоснованием кандидатур на должности в хурул являлось исключительной прерогативой главного бакши [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 80. Л. 44; Д. 794. Л. 21].

Калмыцкое правление, рассмотрев рекомендованные бакшой кандидатуры, принимало решение, как правило, без отклонения, направить на утверждение наказному атаману Войска Донского. Приводим пример, подтверждающий то, что пятым бакшой донских калмыков в 1830-х – начале 1840-х гг. служил Дамба Чулунов.

«В Калмыцкое правление Войска Донского.

Донских калмык Главного бакши Дамбы Чулунова.

Служащий манжиком в хуруле Нижнего улуса третьей сотни калмык Андрей Абушинов ослеп обоими глазами, а потому исключая его из должности этой, покорнейше прошу Калмыцкое правление определить на место его калмыка

Балдана Шарапова, от роду 19 лет, который мною найден способным. Бакша Чулунов».

Подпись переводчика (*неразборчива*). 5 июля 1840 г. [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 794. Л. 3].

Аналогичного содержания последующие рапорты и свидетельства об аттестации кандидатур им датированы и в 1841 г., начиная от 2 января, и одно из обнаруженных последних свидетельств — от 22 октября 1841 г. В рапорте № 41 от 10 января 1842 г. судьи Калмыцкого правления Маркова на имя наказного атамана Войска Донского генерал-лейтенанта М. Г. Власова главный бакша донских калмыков Дамба Чулунов значился умершим [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 794. Л. 21]. Выходит, что бакша Чулунов умер в конце ноября или в начале декабря 1841 г. Вскоре его преемником стал гелюнг хурула 2-й сотни Среднего улуса Джембо Ганджинов.

Об этом свидетельствуют следующие документы. Начальник штаба Войска Донского генерал-лейтенант М. Г. Хомутов уведомил письменно 28 апреля 1842 г. Калмыцкое правление о том, что «г. Войсковой наказный атаман в последних числах мая месяца предполагает сделать смотр калмыкам, о чем извещаю Калмыцкое правление для предварительного распоряжения» [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1163. Л. 6–6об.].

Затем, 27 мая того же года, последовало предписание Калмыцкому правлению самого атамана, «чтобы служилые и отставные калмыки-казаки для моего смотра собраны были непременно к 9 числу июня месяца в слободе Орловке. При чем предписываю, чтобы туда в слободу явились также ко мне все вообще гелюны, гецули и манжики, незанятые службою, и почетные старики, а наиболее из тех сотен, кои подали ко мне прошение насчет назначения вновь Бакши-Гелюна. При чем вызвать туда же самого Бакшу Ганджинова и гелюна Харькова» [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1163. Л. 6–6об.]. Следовательно, к этому времени Джембо Ганджинов обществами сотен был избран бакшой донских калмыков, но еще не назначен Войсковым наказным атаманом. Назначение его бакшой состоялось в июне 1842 г., а не в 1843 г., как утверждал А. Э. Борманджинов [Борманджинов 1997: 11].

Однако, говоря о предшественнике Джембо Ганджинова, А. Э. Борманджинов писал, что «лама Джангар Габунов покинул этот мир где-то в 1843 г. ... В том же году атаман Войска Донского генерал Максим Г. Власов утвердил „бакши гелюнга“ Ганджинова как нового ламу донских калмыков» [Борманджинов 1997: 11].

Как установлено по документальным источникам, предшественником Ганджинова был бакша Дамба Чулунов, умерший в конце 1841 г. Запрос от декабря 1841 г. за № 9448 Войскового наказного атамана М. Г. Власова о доставлении ему «сведений о числе обитающих в кочевьях магометан, ламаитов и идолопоклонников» [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1152. Л. 1], который 2 января 1842 г. рассматривался на заседании Калмыцкого правления, возможно, был связан с необходимостью подбора кандидатуры на должность бакши.

В протоколе заседания правления отмечалось, что в Калмыцком кочевье числятся 18 400 ламаитов и 258 духовных лиц, действующих хурулов — 21. Представителей других вероисповеданий не имеется [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1152. Л. 1].

Бакша Ганджинов получил в наследство 23 хурула с 262 священнослужителями. В Верхнем улусе имелись 8 хурулов и 58 служителей, Среднем улусе — 4 хурула и 62 служителя, при 2-й сотне этого улуса находился хурул самого бакши, Нижнем улусе — 6 хурулов и 94 служителя, 5-й Беляевской сотне — 2 хурула и 24 служителя, Верхне-Таранниковской сотне — 2 хурула и 12 служителей, Нижне-Таранниковской сотне — 1 хурул и 12 служителей [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1274. Л. 10, 16].

9. Реформирование сети хурулов и их штатов

В связи с перераспределением территории по рекам Сал и Манычу и изменением территориального размещения населения Калмыцкого кочевья администрация Войска Донского в эти же годы приступила к упорядочению сети хурулов в улусах и сокращению в них служителей, что вызывало беспокойство у населения о сохранении старейших хурулов, положивших начало организации буддийской религиозной службы на Дону. Наказный атаман Войска Донского М. Г. Власов 12 мая 1846 г. направил письмо за № 2345 судье Калмыцкого правления подполковнику С. Маркову [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1274. Л. 10, 16]. В нем сообщалось, что старейшины донских калмыков 1-й сотни Верхнего улуса обратились к военному министру А. И. Чернышеву по вопросу о штате духовенства их хурула, утвержденном еще бакшой Дамбо Азутиновым.

М. Г. Власов, приложив к своему сообщению копию письма директора департамента военных поселений генерала М. И. Корфа, предлагал судье представить необходимые сведения и личное мнение по указанным ниже вопросам [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1274. Л. 10, 16].

Департамент военных поселений в письме на имя наказного атамана от 20 апреля 1846 г. за № 1589, отмечая, что обращение старейших донских калмыков рассмотрено на Военном совете, ставил ряд вопросов:

«а) В каком числе должно состоять у калмыков Войска Донского духовенство при каждом хуруле;

б) Следует ли определить иное к трем хурулам, существующим в 1-й и 2-й сотнях Верхнего улуса и сотне Верхне-Таранниковской.

Находим:

1) у калмыков Войска Донского состоит 22 хурула, имеющих духовенство, и 3 хурула, в 1-й и 2-й сотне Верхнего улуса и в сотне Верхне-Таранниковской, где духовенства нет, всего 25 хурулов.

2) в 22 хурулах состоит духовенства: гелюнов — 89, гецулей — 90, манжиков — 88, и если назначить в испрашиваемые упомянутые, не имеющие духовенства в трех хурулах 12 гелюнов, 12 гецулей и 12 манжиков, всего будет 101 гелюн, 102 гецуля, 100 манжиков. Общее — 303.

3) в 13 калмыцких сотнях числится народонаселения обоего пола 19 237 душ (в том числе в упомянутых трех сотнях 4 492 души), следовательно, на каждые 64 души будет по одному духовному лицу.

4) по рассматриваемому в министерстве государственных имуществ проекту преобразования управления калмыцкого народа, кочующего в Астраханской губернии, предполагается иметь в больших хурулах по шесть гелюнов, а гецулей

и манжиков по три, в малых же хурулах по два гелюна, а гецулей и манжиков по одному.

5) по донесению Вашего превосходительства, в некоторых сотнях, имеющих народонаселение до 800 душ, состоит два хурула и при них духовенства до 24 человек.

Военный совет, имея в виду, что столь значительное число духовенства калмыков Войска Донского, служит для них одним лишь обременением, и что всякое улучшение быта калмыков соответствовало бы благотворным видам правительства, журналом заседания совета, состоявшегося 22 февраля сего года, положил: Поручить Вашему высокопревосходительству обратить на сие важное дело особое внимание и составить соображения: сколько именно духовенства действительно необходимо для калмыков Войска Донского.

Совет со своей стороны полагал бы, не упраздняя существующих хурулов, назначить в оные духовные лица по числу народонаселения каждой сотни, полагая примерно на 600 душ 2 гелюна и по 1 гецулю и манжику.

Впрочем, Военный совет, не считая этого мнения своего окончательным, представляет Вам по ближайшей известности местных обстоятельств, быта и нужд калмыков, представить заключение по настоящему делу, не стесняясь вышеуказанным мнением Совета» [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1163. Л. 1–3об.].

Судья Марков, получив поручение наказного атамана Войска Донского, запросил у сотников указанных сотен Верхнего улуса и Верхне-Таранниковской, а также у бакши донских калмыков Джембо Ганджинова сведения о хурулах и обоснованные предложения.

Общества указанных сотен, подтвердив существование у них старейших хурулов, построенных в основном в первой половине XVIII в., ходатайствовали о выделении штатных духовных должностей в указанные хурулы. Бакша донских калмыков Джембо Ганджинов, обстоятельно обосновав необходимость проведения в этих хурулах богослужения, предлагал судье Маркову ходатайствовать о выделении в эти хурулы необходимого штата духовенства, чтобы можно было в них проводить службы и не привести их к уничтожению [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1163. Л. 7–7об.]. Судья Калмыцкого правления 5 августа 1846 г. письменно доложил наказному атаману о том, что он полностью согласен с доводами и предложениями бакши Дж. Ганджинова о сохранении старейших хурулов. Он подтверждал, что эти хурулы действительно не новые, а построены в 1715 и 1766 гг. и нуждаются в укомплектовании полным штатом духовенства [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1163. Л. 9–16].

10. Принятие калмыками православной веры

В результате проводимой органами власти Дона религиозной политики, направленной на веротерпимость, почитание всех религий, сохранение конфессиональной идентичности народов, донские калмыки имели возможность не только повсеместно пользоваться правом свободного осуществления религиозных треб по своей вере, но и принять и исповедовать другую веру. Об этом свидетельствует множество фактов добровольного перехода калмыков в православную веру. Так, командир донского казачьего полка № 18 — подполковник И. Н. Краснов 24 сентября 1838 г. доложил Войсковому дежурству Войска Донского о том,

что служащий во вверенном ему полку калмык-казак Среднего улуса 2-й сотни Курто-Хара Гицулев по собственному желанию принял православную веру. 29 августа 1838 г. он окрещен в православную греко-российскую веру и наречен Александром Ивановым Красновым с выдачей свидетельства № 138 от 31 августа 1838 г. о крещении за подписью протоиерея Варшавского военного госпиталя. С прибытием со службы калмык-казак Александр Краснов пользовался всеми правами местного жителя, и в отчетах, списках улуса показывался как православной веры [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 499. Л. 1, 2].

Калмыцкое правление, рассмотрев 10 марта 1844 г. сообщение протоиерея слободы Орловка о том, что калмычка 1-й сотни Среднего улуса Бембыш Сумьянова, жена отставного казака, мать четверых детей, обратилась с просьбой принять ее в христианскую веру, ответило: «на принятие калмычкой этого святого крещения препятствия не имеет» [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1413. Л. 17об.].

Грушевское станичное правление 12 октября 1843 г. сообщило Калмыцкому правлению, что 18-летний калмык Махла, сын Топки Шубанова 2-й сотни Нижнего улуса, крещен и наречен Николаем Ивановым Бондыревым, причислен к Грушевской станице [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1361. Л. 5].

Отставной калмык-казак 2-й сотни Среднего улуса Наста Джаванов, служивший табунщиком у подполковника Алексея Исаева, принял в августе 1845 г. со своим сыном Михаилом православие с наречением имени Петра и Павла по фамилии Алексеевы. Оба они были причислены к Аксайской станице. В связи с этим они выбыли из сотни, и по запросу формуляры на них были отправлены в Аксайское станичное правление [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1441. Л. 3].

В 1844 г. из Кавказского линейного казачьего войска бежали на Дон 35 калмыцких крещеных семей в составе 132 человек, в том числе 49 детей от 1 года до 15 лет (29 мальчиков и 20 девочек) и 21 человек в возрасте от 52 до 73 лет. Самыми возрастными были: Новро Алемптинов — в крещении Николай Семенов-Печальский, жена Дарья Ельнова; Танко Менкожинов — в крещении Иван Николаев Херонский, жена Татьяна Владимировна; Арасян Затбинов — в крещении Авраам Дмитриев-Щелкунов, жена Куюк — Акулина и др. [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1502. Л. 3–5].

Большая группа крещеных калмыцких семей из Астраханской губернии переселилась в первой половине 1850-х гг., в период заселения Царицынско-Ставропольского тракта, на будущую территорию области Войска Донского (с 1880-х гг. Атаманской станицы). Управление Войска Донского по поручению наказного атамана 11 августа 1852 г. уведомило Калмыцкое правление о том, что Главный попечитель калмыцкого народа 15 июля того же года обратился к наказному атаману разрешить выделить участок для косьбы камыша на покрытие крыши домов 47 крещеных калмыцких семей, которые «водворяются по высочайшему повелению в учреждаемые станицы Торговое и Заветное» [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2245. Л. 1–4].

Действительно, строительство этих сел было распланировано в 1849 г. инженером Чикультецким. Через некоторое время в эти станицы прибыли еще 53 крещеные калмыцкие семьи. Участки для косьбы камыша обоим группам семей были выделены из юртовых дольствий Верхнего улуса 1-й сотни по территории правого берега речки Джурак-Сала. В это время граница между

Астраханской губернией и областью Войска Донского проходила по рекам Джурак и Сал. Указанные села тогда относились к Черноярскому уезду Астраханской губернии, а село Заветное по-калмыцки называлось «Амта» (на реке Амта), село Торговое — Загеста [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2354. Л. 1, 2; И лишь ковыль 2006: 18, 20, 236, 237].

11. Упорядочение и строительство хурулов на Дону

По мере введения донских калмыков в единую управляемую систему Дона, освоения ими одного из основных производящих типов хозяйства — земледелия, а также перехода к качественному уровню развития культуры — организованному обучению детей в учебных заведениях началась социокультурная трансформация калмыцкой этнической группы на Дону. Однако, несмотря на вхождение в замкнутое военно-служилое сословие — донское казачество, калмыцкий этнос сохранял главные факторы самоидентификации — язык, религию.

Войсковая донская администрация, обеспечивая калмыцкому населению свободу вероисповедания, не ущемляя его права на духовные потребности, с целью оптимизации системы религиозной службы, а также реализации политики перевода калмыков на оседлый образ жизни, провела мероприятия по упорядочению сети хурулов и их штатов, организации строительства для них стационарных помещений — деревянных зданий. При этом немаловажное значение придавалось увеличению в Калмыцком округе служилых казаков для полевой службы.

Накануне реорганизации службы религии в Калмыцком округе при населении 20 154 человека числились 22 хурула и в них 235 священнослужителей. В четырех сотнях Верхнего улуса имелись 5 хурулов с 57 служителями, двух сотнях Среднего улуса — 5 хурулов (при 1-й сотне хурул бакши Бемби Ганджинова) и 51 служитель, в четырех сотнях Нижнего улуса — 8 хурулов с 84 служителями, 5-й Беляевской — 2 хурула и 23 служителя, Верхне- и Нижне Таранниковской сотнях — по одному хурулу и 20 служителей [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1050. Л. 2об., 4об., 6об.].

Военный совет Министерства военного, рассмотрев представление департамента военных поселений, 26 июня 1849 г. принял решение одобрить предложение наказного атамана Войска Донского М. Г. Хомутова от 12 ноября 1848 г. о целесообразности ограничения количества хурулов в Калмыцком кочевье и в них духовенства. Первый пункт постановления Военного совета гласил: «Дозволить калмыкам, согласно изъявленному ими желанию, построить деревянные общественные хурулы, по прилагаемым при сем в копиях высочайше утвержденным планам с тем, чтобы: а) число хурулов ограничивалось числом калмыцких сотен, т. е. 13 по одному хурулу в каждой сотне, и сверх того оставить в поощрение нынешнего бакши Ганджинова основанный им хурул с принадлежащим к нему духовенством. Впоследствии сей же хурул считать существующим в одной сотне, где бакша будет иметь пребывание; б) сбор на сооружение хурулов, а равно и определение и размеров, по соображению с народонаселением каждой сотни, и сама стройка оных определена была под особым наблюдением Вашим.

2. С устройством постоянных хурулов число духовенства в каждом хуруле определить из 12 человек, а именно: 4 гелюнга, 4 гецуля и 4 манжика.

3. По соглашению с бакшой Ганджиновым из числа нынешнего калмыцкого духовенства исключить людей, признаваемых бакшой ненадежного поведения. Если же и часть, число духовных будет превышать определенное настоящим положением, то принять за правило, чтобы на место убывающих гелюнггов, гецулей и манжиков не были определены новые до тех пор, пока общее число духовенства не будет доведено до штатного числа.

4. Поставить правилом, чтобы в должности манжиков определяемы были только воспитанники Калмыцкого училища, знающие русский язык; необходимы же в сем случаи исключение допускать не иначе, как с разрешения Вашего» [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1983. Л. 3–6].

Этим же решением Военного совета поручалось наказному атаману ввести в штат Калмыцкого правления должность медика с определением особых обязанностей и денежного содержания [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1983. Л. 6].

Генерал-лейтенант М. Г. Хомутов в соответствии с указанием министерства поручил судье Калмыцкого правления — войсковому старшине Н. И. Сидорову вместе с бакшой донских калмыков Джембо Ганджиновым срочно представить именной список всех служителей хурулов, провести сокращение в хурулах с 220 духовных лиц до 168. Предлагалось на освобождающиеся вакантные должности не принимать новых лиц, а производить перемещение в сотенных хурулах и в манджики принимать только выпускников Калмыцкого училища, владеющих русским языком. Что касается строительства деревянных зданий для хурулов, наказный атаман сообщал, что изготовление плана поручено инженерной службе. Указанные два предложения бакша отверг, мотивируя тем, что священнослужитель должен служить только в одном хуруле, а выпускники училища не владеют тибетской письменностью и не изучают законы божьи [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1983. Л. 11–16].

Бакше Джембо Ганджинову в течение 1850 г. удалось привести штаты хурулов в соответствие с решением Военного совета и в конце того же года представить списочный состав калмыцкого духовенства на утверждение наказного атамана Войска Донского. Список штатных гелюнггов, гецулей и манджиков калмыцких хурулов был утвержден наказным атаманом в марте 1851 г. и представлен Калмыцкому правлению. Ниже приводится список духовных лиц калмыцких хурулов по состоянию на 7 апреля 1851 г. [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1983. Л. 1–7, 14–19] (см. табл. 1).

Таблица 1. Священнослужители калмыцких хурулов на Дону
[Table 1. Clerics affiliated to Buddhist temples of Don Kalmyks]

Улусы и сотни	Имена и фамилии духовенства	Возраст лет	С какого года работает	В каком году утвержден
Верхний	<i>Гелюнги</i>			
1-й сотни	Кука Капринов	27	1843	1844
	Нюдельме Мугинов	36	1834	1837
	Калдур Чекинов	31	1839	1834
	Дечельдик Калинов	35	1833	1834
	<i>Гецули</i>			
	Николай Тевдинов	32	1838	1842

	Анча Абушинов	31	1839	1843
	Санжа-Арша Зодбинов	30	1836	1837
	Бакар Цеденов	37	1833	1833
	<i>Манджиски</i>			
	Намчул Шарапов	35	1835	1842
	Джимбе Ценданов	25	1845	1846
	Бурлак Дарбаков	29	1836	1837
	Шара Кичиков	31	1839	1843
2-й сотни	<i>Гелюнги</i>			
	Джимбе Икинов	26	1844	1846
	Цеден Ункуров	27	1843	1845
	Шарап Бавинов	35	1835	1840
	Шинманжа Шашинов	33	1837	1840
	<i>Гецули</i>			
	Азу Балчинов	25	1845	1846
	Кирю Чанкинов	35	1835	1835
	Кензе Аршинов	25	1845	1846
	Иван Аленин	29	1841	1846
	<i>Манджиски</i>			
	Шарап Амханов	30	1840	1840
	Лодон Давдонов	29	1843	1846
	Мангад Рынцинов	26	1844	1846
	Шапу Нагинов	34	1836	1836
3-й сотни	<i>Гелюнги</i>			
	Даржа Санжинов	35	1835	1841
	Санжа Сангинов	35	1835	1844
	Кит Бавинов	34	1836	1836
	Харлаш Нохашкин	26	1844	1846
	<i>Гецули</i>			
	Могда Носинов	32	1838	1841
	Учур Сармадинов	28	1842	1843
	Учур Чоданов	33	1837	1841
	Шельде Цеденов	36	1834	1836
	<i>Манджиски</i>			
	Чюрюм Настинов	33	1837	1837
	Цаган Атаков	40	1830	1835
	Лодон Джамбинов	39	1831	1832
	Цуджага Ноянов	31	1839	1842
4-й сотни	<i>Гелюнги</i>			
	Абуша Гричинов	33	1837	1840
	Паранцуз Джюджинов	35	1835	1840
	Чопа Шарапов	29	1841	1845
	Дадьба Маргажинов	35	1835	1840
	<i>Гецули</i>			
	Чопа Бикишов	32	1835	1838
	Джимбе Санганов	33	1835	1837
	Сармак Халюнов	34	1835	1836
	Дарбуш Мошинов	30	1840	1840
	<i>Манджиски</i>			

	Муска Платнинов	32	1838	1840
	Машка Чюрюмов	31	1835	1839
	Петро Дакинов	24	1846	1846
	Мармак Саламинов	27	1843	1847
Средний				
1-й сотни	<i>Гелюрги</i>			
	Басан Давашинов	31	1839	1845
	Цельтом Манжиков	24	1846	1846
	Бадьма Аленов	35	1834	1835
	Джембе Джамчугинов	31	1839	1845
	<i>Гецули</i>			
	Цультем Чолков	35	1834	1835
	Рынцын Кирипов	33	1837	1845
	Джамбе Джунгуров	35	1834	1835
	Савесен Джембинов	28	1842	1847
	<i>Манджиски</i>			
	Джангар Джамбинов	29	1841	1841
	Арша Шарапов	22	1848	–
	Басанг Бадушов	28	1842	–
	Менко Джамбинов	19	Выросток	
2-й сотни	<i>Гелюрги</i>			
	Кальда Балзынов	29	1841	1845
	Джовок Итинов	29	1841	1845
	Пирин Цеденов	30	1840	1845
	Бурсан Чедеров	30	1840	1845
	<i>Гецули</i>			
	Несте Джембинов	31	1834	1839
	Гидже Самтонов	35	1834	1835
	Бульто Тапкинов	27	1843	1845
	Балтук Саринов	служилый		
	<i>Манджиски</i>			
	Бултук Намров	33	1834	1837
	Тарас Зодбинов	30	1830	1844
	Джовак Пачугин	33	1834	1837
	Кюмен Боринов	31	1834	1839
3-й сотни	<i>Гелюрги</i>			
	Цеден Джамбинов	31	1839	1840
	Менко Джамбинов	26	1844	1844
	Чювельдин Джамбин	служилый		
	Патиш Цеденов	служилый		
	<i>Гецули</i>			
	Альче Шарапов	36	1834	1840
	Бамгур Джугнинов	33	1835	1837
	Бюдчен Чонжинов	28	1842	1845
	Джаяшка Джамбин	42	1828	1828
	<i>Манджиски</i>			
	Улужа Самтонов	34	1836	1840
	Саран Эмгидов	31	1839	1844
	Бенжик Эркюкидов	33	1837	1844

	Неон Минтанов	служилый		
4-й сотни	<i>Гелюрги</i>			
	Джирен Кидгиров	28	1842	1845
	Хутукчин Чориков	29	1841	1842
	Мохла Довюгинов	31	1839	1840
	Умупан Манжиков	31	1839	1840
	<i>Гецули</i>			
	Китит Балянов	26	1844	1844
	Балток Цаганманджинов	28	1840	1842
	Манук Джамбинов	28	1840	1842
	Билдин Джамбинов	24	1846	1846
	<i>Манджики</i>			
	Ненко Цаганманжинов	31	1839	1840
	Балток Соктугинов	24	1846	1846
	Бод Макикинов	19	Выросток	1846
	Цаган Цебеков	28	1840	1842
5-й сотни	<i>Гелюрги</i>			
	Габан Джамбинов	45	1824	1825
	Ширип Чюрюмов	45	1824	1825
	Сакса Дакинов	служилый		
	<i>Гецули</i>			
	Дамбе Шарманжинов	34	1835	1836
	Зодба Мучинов	34	1835	1836
	Сартуш Шарапов	26	1844	1844
	Емале Шарапов	–	–	–
	<i>Манджики</i>			
	Шарап Шашанов	37	1833	1835
	Зодба Чюрюмов	37	1833	1835
	Зодба Некединов	34	1835	1835
	Аршак Шарапов	служилый		
Нижний				
1-й сотни	<i>Гелюрги</i>			
	Джембе Сепенов	28	1842	1845
	Талуг Бабанов	30	1840	1845
	Шакар Маняшков	35	1835	1835
	Эвге Манжиков	30	1840	1845
	<i>Гецули</i>			
	Бабрам Задбинов	27	1843	1845
	Коврын Чюрюмов	27	1843	1845
	Шавонка Судманов	24	1845	1846
	Хунгур Зодбинов	34	1836	1840
	<i>Манджики</i>			
	Учур Шарапов	27	1843	1845
	Абуша Хар-Эвгинов	28	1842	1845
	Джолик Джугнинов	33	1837	1843
2-й сотни	<i>Гелюрги</i>			
	Кирсан Кешкинов	34	1835	1836
	Баргас Доганов	32	1838	1845
	Конгло Шикюров	31	1839	1845

	Хаван Харчинов	27	1843	1845
	<i>Гецули</i>			
	Кюке Джирнинов	31	1839	1840
	Котас Шунгуров	26	1844	1847
	Саран Панкадынов	29	1841	1845
	Неке Ишиков	32	1838	1840
	<i>Манджиски</i>			
	Шарап Цакиров	31	1839	1840
	Нюшка Бара-Хариков	33	1837	1840
	Челек Абушинов	26	1843	1844
	Сухарин Чанчинов	31	1839	1840
3-й сотни	<i>Гелюнг</i>			
	Зодба Балданов	30	1835	1840
	Кирсан Джалчугинов	27	1843	1847
	Нюдюл Самтонов	служилый		
	Менко-Лузан Джамбинов	служилый		
	<i>Гецули</i>			
	Абуша Баданов	42	1825	1825
	Балха Гюрупов	31	1839	1845
	Баян Джемчугинов	35	1835	1840
	Чепин Тегьянов	21	1840	1849
	<i>Манджиски</i>			
	Самтон Джунгуров	32	1835	1838
	Акуш Арбаков	22	1840	1841
	Камо Куганов	служилый		
	Бака Конинов	служилый		
4-й сотни	<i>Гелюнг</i>			
	Миндик Абушов	28	1842	1844
	Самашка Иваняшков	28	1842	1844
	Шарап Зодбо-Балдунов	40	1830	1830
	Лузан Чурюмов	33	1837	1841
	<i>Гецули</i>			
	Ормада Рынцынов	35	1833	1835
	Николай Баражинов	25	1844	1845
	Пече Бюджинов	30	1840	1842
	Балдан Шаргинов	28	1842	1844
	<i>Манджиски</i>			
	Джимбе Неанков	34	1835	1836
	Ходже Мочеров	31	1839	1849
	Сартаган Дюсенов	18	выросток	1844

В том же году 7 июля наказный атаман утвердил представленных Джембо Ганджиновым священнослужителей в штат собственного хурула. Наказным атаманом гелюнгками были утверждены Мокон Ункинов, Баран Могинов, Сотон Джаков и Шара-Манжа Улашкин; гецулами — Дога Шуваринов, Сарзуда Балтыров, Арта Чульчинов и Кони Малношков; манджиками — Сагур Бурчов, Коти Баджинов, Суртек Григорьев и Цеден Абушев. В это же время по распоряжению наказного атамана Калмыцкое правление направило в Войсковую сотню мастеровых-серебряников служилого казака 4-й сотни Нижнего улуса

Буро-Манже Максимова для обучения мастерству ремонта старых хурульных серебряных инструментов и содержания новых в надлежащем состоянии [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2087. Л. 1, 2, 5].

12. Заключение

К концу 1840-х гг. в Калмыцком кочевье на Дону завершилось административно-территориальное переустройство, перераспределение населения между улусами, упорядочение сети калмыцких хурулов и в них численности духовенства. Все эти мероприятия были рассчитаны на перевод калмыков на оседлый образ жизни и ведения стационарного хозяйства, развитие калмыцких улусов, подъем культуры, образования и благосостояния населения.

Источники

ГА РО — Государственный архив Ростовской области.

Положение 1835 — Положение об управлении Донского войска: Ч. 1, 2 и 3 с прил. к наказу гражд. управлению штатами и общ. прил. СПб.: Воен. тип., 1835. 544 с. // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. Коллекции. Ростовская область: страницы истории. URL: <https://www.prilib.ru/item/438073> (дата обращения: 05.04.2023).

Приложения 1835 — Приложения к наказу гражданскому управлению Донского войска. СПб., 1835 (2016). [2], VIII, 280, 284 с. [электронный ресурс] // Библиотека Русского географического общества. Тематические коллекции. URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/218763> (дата обращения: 05.04.2023).

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

Sources

Decree on Command [Authority and] Structure in the Don Host (Regulations on the administration of the Don army). Pts. 1, 2, 3 (with Supplements to Guidelines for the Civilian Administrative Office, etc.). St. Petersburg: Military Printing House, 1835. 544 p. On: Presidential Library. Collections. Rostov Region: Pages of history. Available at: <https://www.prilib.ru/item/438073> (accessed: 5 April 2023). (In Russ.)

Russian State Archive of Military History.

State Archive of Rostov Oblast.

Supplements to Guidelines for the Civilian Administrative Office of the Don Host. St. Petersburg, 1835 (2016). [2], VIII, 280, 284 p. On: Library of the Russian Geographical Society. Thematic Collections. Available at: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/218763> (accessed: 5 April 2023). (In Russ.)

Литература

Богачев 1919 — Богачев В. В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск: Отд. нар. просвещения Всевеликого Войска Дон., 1919. 537 с.

Борманджинов 1997 — Борманджинов А. Э. Ламы калмыцкого народа: ламы донских калмыков. Элиста: КИГПИ, 1997. 60 с.

Бронеvский 1834 — Бронеvский В. Б. История Донского войска: описание Донской земли и Кавказских минеральных вод. Ч. III. СПб.: В тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1834. 217 с.

Гурий 1915 — Гурий (архимандрит). Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен (исследование). Т. 1. Ч. 2: Калмыки [Ч. 2. Распространение христианства среди калмыков]. Казань: Центр. тип., 1915. 700, XVIII, III с.

Дарбакова 1973 — Дарбакова В. П. К вопросу этногенетической структуре донских калмыков // Труды молодых ученых Калмыкии. Вып. III. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 68–77.

- Дорджиева 2009 — *Дорджиева Г. Ш.* Буддийская церковь в конце XVIII–XIX в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 тт. Т. III. Элиста: Герел, 2009. С. 247–251.
- Записки 1999 — Записки донского атамана Денисова. СПб.: Вирд, 1999. 260 с.
- И лишь ковыль 2006 — И лишь ковыль о прошлом все звенит... Батайск: Батайск. кн. изд-во, 2006. 268 с.
- Краснов 2007 — *Краснов П. Н.* История Войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М.: Вече, 2007. 448 с.
- Максимов 2016 — *Максимов К. Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2016. 584 с.
- Маслаковец 1874 — *Маслаковец Н. А.* Физическое и статистическое описание кочевых донских калмыков. Новочеркасск: Обл. Войска Донского тип., 1874. 95 с.
- Пальмов 2007 — *Пальмов Н. Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 464 с.
- Сватиков 1924 — *Сватиков С. Г.* Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Белград: Изд. Донской ист. комиссии, 1924. 592 с.
- Шовунов 1992 — *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: КИОН, 1992. 320 с.

References

- Bogachev V. V. Almighty Don Host: Geographical Essays. Novocherkassk: Education Dept., 1919. 537 p. (In Russ.)
- Bormanshinov A. Lama Arkad Chubarov: His Predecessors and Successors. A Study of the History of the Kalmyk Lamaist Church in the Don Cossacks Region of Russia. Elista: Kalmyk Institute for Humanities and Applied Research, 1997. 60 p. (In Russ.)
- Bronevsky V. B. A History of the Don Host: Accounts of Don Lands and Mineral Waters Region. Pt. 3. St. Petersburg: Expedition of Storing State Papers, 1834. 217 p. (In Russ.)
- Darbakova V. P. Don Kalmyks: Ethnogenetic structure revisited. In: Papers of Kalmykia's Young Scientists. Vol. 3. Elista: Kalmyk Institute of Language, Literature and History, 1973. Pp. 68–77. (In Russ.)
- Denisov A. K. Notes by Don Ataman Denisov. St. Petersburg: Vird, 1999. 260 p. (In Russ.)
- Dordzhieva G. Sh. Buddhist church in the late eighteenth and nineteenth centuries. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia from Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Gerel, 2009. Pp. 247–251. (In Russ.)
- Gury, Rev. Historical Essays on Dissemination of Christianity among Mongolic Tribes: A Study. Vol. 1. Pt. 2: Kalmyks. [Pt. 2: Dissemination of Christianity among Kalmyks]. Kazan: Tsentralnaya Tipografiya, 1915. 700, XVIII, III p. (In Russ.)
- Krasnov P. N. History of the Don Host: Glimpses of the Once Silent Don. Moscow: Veche, 2007. 448 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmyks in the Don Cossack Host: Seventeenth to Mid-Twentieth Centuries. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center (RAS), 2016. 584 p. (In Russ.)
- Maslakovets N. A. Don Kalmyk Nomads: Physical and Statistical Accounts. Novocherkassk: Printing House of Don Host Oblast, 1874. 95 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. Kalmyks within Russian Borders: [Collected] Historical Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 464 p. (In Russ.)
- Shovunov K. P. Kalmyks in Cossack Hosts of Russia: Mid-Seventeenth to Nineteenth Centuries. Elista: Kalmyk Institute of Social Sciences, 1992. 320 p. (In Russ.)
- Sokirkin V. S. (ed.) Just Feather Grass Keeps Tinkling of the Past ... Bataysk: Bataysk Book Publ., 2006. 268 p. (In Russ.)
- Svatikov S. G. Russia and the Don, 1549–1917: A Study in the History of State and Administrative Law, and Political Movements in the Don Lands. Belgrade: Don Historical Commission, 1924. 592 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 15, Is. 3, pp. 368-383, 2023
 DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-368-383

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 93/94

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-368-383

Калмыцкая степь Астраханской губернии в первой половине XIX в.: этапы и основные модели административной системы управления

Евгений Александрович Гунаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН наук (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-7173-4170. E-mail: [gunaeva\[at\]kigiran.com](mailto:gunaeva[at]kigiran.com)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Гунаев Е. А., 2023

Аннотация. *Введение.* В настоящей статье рассматриваются основные этапы, а также модели административного управления Калмыцкой степью Астраханской губернии в первой половине XIX в. Именно в этот период Калмыцкая степь начинает свой путь интеграции и инкорпорации в общероссийскую систему административного управления с сохранением ряда национальных особенностей в управлении. В историографии работ по данному периоду не совсем четко прослеживается выделение этапов управления, характеризующих качественные изменения, и моделей управления. *Результаты.* Автором приводятся положения касательно системы управления в Калмыцкой степи на основе «Исторического обозрения пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887 гг.», части 2 «Попечительство: Поземельное устройство». Согласно данному источнику, политика Российского государства в Калмыцкой степи в первой половине XIX в. осуществлялась по трем направлениям: 1) взаимодействие с национальной элитой, предоставление ей определенных прав и привилегий, вовлечение ее в систему имперской региональной и местной власти; 2) постепенное внедрение имперского законодательства и суда с сохранением действия норм обычного права на низовом уровне, как правило, в сфере гражданского оборота; 3) установление основ имперской финансово-налоговой политики с сохранением привилегий местной знати. *Выводы.* На основе обзора взглядов, точек зрения современных исследователей выявлены отдельные особенности формирования и функционирования системы административного управления в Калмыцкой степи первой половины XIX в. Во-первых, наместничество начала XIX в. скорее являлось завершающей стадией этапа наместничества XVIII в. Приставство по сути выступало предпосылкой попечительства.

В принципе, наместничество, приставство и попечительство можно рассматривать как модели управления, но с учетом разных объектов управления. Но в целом модель была одна, она сочетала в себе государственный надзор и опеку с сохранением ряда национальных традиций в управлении.

Ключевые слова: Российская империя, Калмыцкая степь Астраханской губернии, калмыки, административное управление, наместничество, приставство, попечительство

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Гунаев Е. А. Калмыцкая степь Астраханской губернии в первой половине XIX в.: этапы и основные модели административной системы управления // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 3. С. 368–383. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-368-383

Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in the Early to Mid-19th Century: Stages and Key Patterns of the Administrative Governance System

*Evgeniy A. Gunaev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Law), Senior Research Associate

 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunaevea[at]kigiran.com

© KalmSC RAS, 2023

© Gunaev E. A., 2023

Abstract. *Introduction.* The article deals with some key stages and patterns of administrative governance sequentially adopted for Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in the early-to-mid nineteenth century. This very period was witnessing the integration and incorporation of Kalmyk Steppe into Russia's administrative system, though some ethnos-specific governance elements would still be retained. The related historiography contains no explicit data as to certain governance stages (and patterns) characterized by corresponding qualitative changes. *Results.* The paper examines the publication titled 'Ministry of State Property over the Fifty Years, 1837–1887: A Historical Review' (Pt. 2: Protectorship. Land Affairs) for provisions pertaining to the governance system in Kalmyk Steppe. According to the document, efforts of the Russian Government across Kalmyk Steppe in the early-to-mid nineteenth century were primarily aimed at: 1) interacting with ethnic elites, endowing the latter with certain rights and privileges, involving them into the imperial power hierarchy at regional and local levels; 2) introducing (step by step) imperial legislative and court practices (common-law norms remain in force at lower levels for civil circulation); 3) laying foundations of imperial financial and tax policies (given that local elites would retain their original privileges). *Conclusions.* Our insights into opinions and viewpoints of contemporary researchers have identified a number of distinct features inherent to the shaping and functioning of the administrative governance system in early-to-mid nineteenth century Kalmyk Steppe. So, the early nineteenth century *namestnichestvo* was essentially rather that of the late eighteenth century. At the same time, *pristavstvo* should be viewed only as a milestone towards *popечitelstvo*. In general, the three can still be considered as individual governance patterns — with differing governance objects.

However, the basis was compiled from supervision and wardship, and preservation of some ethnic governance traditions.

Keywords: Russian Empire, Kalmyk Steppe, Astrakhan Governorate, Kalmyks, administrative governance, *namestnichestvo* (viceregency), *pristavstvo* (oversership), *popechitelstvo* (protectorship)

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Gunaev E. A. Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in the Early to Mid-19th Century: Stages and Key Patterns of the Administrative Governance System. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(3): 368–383. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-368-383

1. Введение

XIX столетие — это время не только дальнейшего территориального расширения Российской империи, присоединения новых территорий, но и закрепления с помощью распространения российского законодательства и правового порядка уже вошедших в ее состав земель с населяющими их народами. Постепенно по мере расширения территориальных границ империи возникала необходимость привлечения народов, проживавших уже внутри государственной территории, к российскому управлению на основе подданства. Особую нишу в рамках российского управления занимали калмыки. На начало XIX в. они проживали в России уже более 150 лет, однако только в указанном столетии они стали управляться полностью на основе российских законов и установлений. Это объясняется тем, что дореволюционная история калмыцкого народа в составе России четко подразделяется на два больших периода: до 1771 г. и после. Как известно, ойратские группы прикочевали из Центральной Азии в Россию в начале XVII в., и в низовьях Волги сложилось Калмыцкое ханство, этнополитическое образование, которое строило свои взаимоотношения на договорных началах с Российским государством. К концу XVIII в. назревшие противоречия во взаимоотношениях с российской администрацией, обусловленные в том числе сокращением территории для кочевий, вынудили большую часть калмыков во главе с Убаши-ханом откочевать обратно в пределы Центральной Азии, как говорили сами калмыки, «на Алтай». Поскольку в России осталась только малая часть народа, указом Екатерины II Калмыцкое ханство было ликвидировано, оставшееся население было распределено по улусам на территории Астраханской губернии. В начале XIX в. при Павле I была осуществлена попытка воссоединения всех калмыцких улусов во главе с одним наместником, однако после смерти наместника Чучея Тундуртова в 1803 г. эта идея не реализовалась. В 1825, 1834 и 1847 гг. были приняты правила и положения об управлении, на основе которых выстраивалась политика Российского государства в отношении калмыцкого народа. Цель статьи — исследовать основные этапы и модели административного управления в Калмыцкой степи в первой половине XIX в. Для этого необходимо решение следующих задач: определение основных этапов административного управления в Калмыцкой степи в рассматриваемый период; исследование моделей административного управления на примере Калмыцкой степи.

2. Историография и методология исследования

В дореволюционной историографии административные преобразования в Калмыцкой степи не были предметом комплексного исследования. В отдельных работах отразилось отношение современников к проводимым реформам устройства Калмыцкой степи. Это, в частности, были работы И. Я. Бичурина, Ф. А. Бюлера, П. Я. Дубровы, И. А. Житецкого, К. И. Костенкова, Н. А. Неведьева, М. Н. Новолетова [Очир-Гаряева 2014: 68].

Кроме них, можно выделить труды Н. И. Страхова, А. В. Попова, П. И. Небольсина, И. Г. Черкасова [Белоусов 2016: 76]. С. С. Белоусов полагает, что характерной чертой работ дореволюционных авторов является рассмотрение правительственной политики в отношении калмыцкого народа с позиции государства, а именно: «изменения в управлении и административно-территориальные преобразования они трактовали чаще всего как ответную реакцию российского правительства на нарушение калмыцкой знатью своих обязательств перед Российским государством» [Белоусов 2016: 76]. Вместе с тем в определенных работах содержится и критика действовавшей системы управления и социального положения слоев калмыцкого общества, например в работах П. Я. Дубровы, К. И. Костенкова, М. Н. Новолетова и др. [Белоусов 2016: 77; Очир-Гаряева 2014: 72–74; 100–101; Очир-Гаряева, Ятаева 2018: 33–34].

В работах начала XX в. свои взгляды выразили и представители калмыцкой интеллигенции: Н. О. Очиров, Е. Ч. Чонов [Белоусов 2016: 77]. В первые годы советского периода появились фундаментальные труды профессора Н. Н. Пальмова, который опирался во многом на традиции русской дореволюционной исторической науки. Интерес представляют также работы исследователя-практика Ф. И. Плюнова, работавшего на различных должностях в Управлении калмыцкого народа, полностью его труд был издан только в 2016 г. [Плюнов 2016].

В советский период в калмыковедении с 1930-х и до конца 1980-х гг. доминировала точка зрения профессора Г. З. Минкина о колониальном подходе царского правительства по отношению к Калмыцкой степи с целью эксплуатации ее населения [Белоусов 2016: 79]. В конце 1980-х гг. с начавшейся демократизацией в советском обществе данную точку зрения подверг критике А. И. Карагодин [Белоусов 2016: 79, 81].

Среди историков советского периода 1960–1980-х гг. вопросы имперского управления в Калмыцкой степи исследовали А. А. Чужгинов, Л. С. Бурчинова, А. И. Наберухин, И. И. Орехов [Чужгинов 1977: 54–59; Бурчинова 1985: 48–56; Наберухин 1983: 143–164; Орехов 1968: 5–66]. Их труды отличают большое количество фактологического материала, усиление внимания к работе с источниками [Белоусов 2016: 81].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. под влиянием демократизации происходит пересмотр многих устоявшихся оценок досоветского прошлого и методологии. В 1990–2010-е гг. происходит масштабное расширение исследований дореволюционной истории Калмыкии. По вопросам имперского управления в Калмыцкой степи вышел целый ряд публикаций историков, изданы монографии, в том числе крупные обобщающие труды таких исследователей, как: О. Н. Абеева [Абеева 2012], В. В. Батыров [Батыров и др. 2014], С. С. Белоусов [Белоусов 2009а; Белоусов 2009б; Белоусов 2009в; Белоусов 2016], И. В. Борисенко [Борисенко

1991], М. Н. Гиляшаева [Бурчинова, Гиляшаева 2005], М. С. Горяев [Горяев 2013], С. Ю. Деев [Деев 2005; Деев 2006], А. Н. Команджаев [Команджаев 2009а], Е. А. Команджаев [Команджаев 2009б; Команджаев 2019], И. В. Лиджиева [Лиджиева 2016; Лиджиева 2018; Лиджиева, Очиров 2019], К. Н. Максимов [Максимов 2002], Р. К. Надбитов [Надбитов 2006], У. Б. Очиров [Лиджиева, Очиров 2019], И. К. Очир-Гаряева [Очир-Гаряева 2014; Очир-Гаряева, Ятаева 2018] и др.

Вопросам управления в Калмыкии дореволюционного периода в сравнительно-историческом плане посвящены работы, например, Д. В. Васильева [Васильев 2020], Г. Б. Избасаровой [Избасарова 2017а; Избасарова, Любичанковский 2018], В. А. Скибы [Скиба 2012], В. В. Трепавлова [Национальные 1998; Трепавлов 2009] и др.

В данной статье рассмотрены в основном работы, хронологические рамки исследования которых включают период XIX – начала XX вв., вместе с тем необходимо частично обратиться и к периоду последней четверти XVIII в., с 1771 г., после откочевки значительной части калмыков, для целостного понимания всей картины состояния управления оставшейся частью калмыцкого народа в Российской империи [Пальмов 1922; Васильев 2015а; Васильев 2015б].

Основная проблема историографии административного управления Калмыцкой степи, на взгляд автора, заключается в развернутом обосновании деления или структурирования данного исторического процесса на этапы и выделение моделей административного управления. Дореволюционные авторы не могли сделать это по объективным причинам в силу того, что были современниками той эпохи. В советский период, как отмечает С. С. Белоусов, исследователи в массе своей акцентировали внимание на противопоставлении имперской системы управления советскому строю, «в силу этого изучение системы власти и аппарата управления в старой России не входило в число приоритетных исследовательских направлений советской исторической школы» [Белоусов 2016: 79]. Среди постсоветских и современных работ по истории управления в Калмыцкой степи XIX – начала XX вв. прослеживается периодизация исторического процесса, которая более основана на хронологическом принципе [Белоусов 2009а; Белоусов 2009б; Белоусов 2009в; Команджаев 2009а]. Тогда как этапизация более характеризует качественные изменения в общественном развитии [Алексущин 2020: 199–201].

В отношении моделей административного управления: большинство авторов не выделяют их именно как модели, а рассматривают как этапы развития системы управления. Так, в основном применяется следующая типологизация: «политическая автономия, административная автономия и интеграция с губернской административно-территориальной единицей на правах ее особой структуры» [Белоусов 2016: 83].

Исключением является, пожалуй, работа И. К. Очир-Гаряевой «Региональное управление в России: историко-правовой анализ». В ней автор рассматривает как общественно-политические и социальные институты: наместничество, представство и попечительство [Очир-Гаряева 2014: 50–109]. Представляется, что указанные институты можно рассматривать и в качестве моделей управления.

В этой связи, как представляется, проблема этапов и моделей административного управления требует своего дальнейшего исследования и обоснования.

В качестве источника исследования в настоящей статье приводится «Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887 гг.», часть 2 «Попечительство; Поземельное устройство» [*Историческое 1888*], в котором дана сжатая характеристика административных преобразований в Калмыцкой степи первой половины XIX в.

3. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ об административном управлении в Калмыцкой степи

5 января 1771 г. хан Убаши, который официально считался наместником Калмыцкого ханства, преданные ему нойоны и до 67 тыс. кибиток калмыков откочевали обратно в Центральную Азию, в России же остались 12 нойонов и до 13 тыс. кибиток. Вследствие этого 19 октября 1771 г. рескриптом Екатерины II ханство было ликвидировано, как отмечается — «уничтожено навсегда» [*Историческое 1888: 157*], и в том же году при Астраханской губернской канцелярии была открыта Экспедиция калмыцких дел, на которую возложено было заведывание калмыками, подчиненными таким образом уже непосредственному надзору губернатора. Экспедиция была переименована в 1786 г. в Калмыцкую воинскую канцелярию, в 1788 г. — просто в воинскую канцелярию, а 1789 г. получила название Калмыцкого управления.

Надзор за калмыцкими улусами с 1801 г. осуществлял главный пристав калмыцкого народа, в ведении которого находились частные приставы, по одному в каждом улусе. Высшее заведывание калмыками принадлежало Коллегии иностранных дел.

Правительство издавна осознавало необходимость составить для калмыков положение или правила, которыми можно было бы руководствоваться при разборе дел, беспрестанно возникавших между оседлым населением и кочевниками, и на основании которых можно было бы ведать калмыками, «не нарушая их коренных обычаев» [*Историческое 1888: 157*]. Первые попытки составить такое положение относятся еще к 1736–1742 гг., когда калмыцкие ханы, Дондук-Омбо и Дондук-Даши, как отмечается в «Историческом обозрении», «сами просили об этом» [*Историческое 1888: 157*].

Но, как отмечается далее в этом источнике, этим «благим намерениям» не суждено было осуществиться, вместо общих распоряжений быстро следовали один за другим отдельные указы по частным делам, нередко противоречившие один другому. Мера наказания за проступки определялась то наместниками, то представителями правительства. Только в 1821 г. приступили к составлению такого положения, и 10 марта 1825 г. для управления калмыками были утверждены временные правила, которые, «не нарушая своеобразного внутреннего порядка управления калмыками» [*Историческое 1888: 158*], разграничили виды преступлений, за которые калмыки должны были подлежать суду в общих судебных местах или в местном суде (зарго), и установили различные инстанции для управления калмыцким народом.

В основе управления калмыками по Правилам 1825 г. лежало деление на главное, областное, окружное и улусное подразделения. Главное управление отныне возлагалось на Министерство внутренних дел, а не Коллегию ино-

странных дел, как ранее, главноуправляющий Кавказским краем осуществлял непосредственный надзор. Областное управление находилось в Астрахани в Комиссии калмыцких дел, которая состояла из губернатора (председателя), вице-губернатора, главного пристава, губернского прокурора и двух выборных депутатов от сословий: по одному от нойонов и духовенства. Деятельность комиссии была, как правило, исполнительная, но, вместе с тем, на нее было возложено «рассмотреть и исправить древнее законоположение калмыков, по предварительном совещании владельцев с лучшим духовенством, приспособить оное, поколику возможность дозволить, к общим правилам, дополняя недостаток или неудобства из законов российских» [Историческое 1888: 158].

Окружное управление было представлено судом зарго, который являлся апелляционной инстанцией по отношению к решениям улусных судов, в том числе по преступлениям, «которые не считались калмыками тяжкими, например: угон скота, захват имущества, воровство, мошенничество на сумму не свыше 400 руб. ассигнациями, произведенные не более трех раз» [Историческое 1888: 158–159]. Состав суда зарго был представлен двумя лицами от духовенства и шестью — от владельцев и зайсангов, избираемых на три года [Историческое 1888: 158–159].

Улусное управление в каждом улусе составляли: а) частный пристав — «для дел полицейских, следственных и распорядительных»; б) улусный судья (зайсанг или почетное лицо), который представлял собою посредника на правах «словесного судьи», с компетенцией по гражданским искам, по угонам скота и по кражам до 200 руб. ассигнациями; и в) в казенных улусах — правитель (из зайсангов), а во владельческих — нойон, который «по исконным обычаям заведовал вместе с тем и сбором албана, т. е. денежной повинности» [Историческое 1888: 159].

По правилам 1825 г., статус нойонов как владельцев не был определен относительно общих государственных сословий и относительно простолюдинов, которые были названы «аймачными собственными людьми» [Историческое 1888: 159]. Другой особенностью было то, что гражданские, а также дела религиозной направленности рассматривались «по древним калмыцким законам, обычаям и обрядам», но уголовные дела уже входили в компетенцию российских судов [Историческое 1888: 159].

Как отмечается, правила 1825 г. не достигли цели: народ постоянно беднел, все чаще появлялись жалобы на произвол нойонов, «а незнакомство калмыков с обрядами и формами русских судов подавало им повод видеть в распоряжениях местной администрации только притеснения и вымогательства» [Историческое 1888: 159]. Все это вызвало в 1827 г. назначение императором сенаторской ревизии, которая была возложена на сенатора Ф. И. Энгеля. Ревизия сенатора Ф. И. Энгеля показала, что главная причина неурядиц и обеднения народа состояла в том, что эти правила не соответствовали укоренившимся привычкам народа, а иногда шли вразрез с его обычаями, «так как они, между прочим, дали нойонам неограниченную власть над простолюдинами и делали их владельцами улусов без всякого бытового основания» [Историческое 1888: 159–160].

Следствием ревизии сенатора Ф. И. Энгеля, а также работы Комиссии калмыцких дел, явилось новое положение, 24 ноября 1834 г., которое утверждало над калмыками такую форму управления как попечительство. В положении 1834 г.

впервые были определены права нойонов и зайсангов. Нойонам, являвшимся владельцами улусов, и членам их семей было предоставлено право поступать на службу наравне с дворянами, а зайсангам предоставлялись права: аймачным — потомственного почетного гражданства, а безаймачным — личного. Вместе с тем права нойонов и зайсангов над простолюдинами были ограничены: «улусы и аймаки не могли уже подлежать разделу между наследниками, но должны были переходить без раздробления к старшему в роде, и нойоны не имели уже права продавать, закладывать и дарить подвластных им калмыков» [Историческое 1888: 160].

Как и прежде, министерство внутренних дел являлось главным в отношении управления калмыцким народом. На уровне Астраханской губернии управление было сосредоточено в руках губернатора и главного попечителя калмыцкого народа, «под председательством которого был учрежден совет калмыцкого управления, состоявший из двух его товарищей, одного ассессора из нойонов и депутатов из зайсангов» [Историческое 1888: 161].

Суд зарго в Астрахани по-прежнему являлся второй инстанцией по отношению к улусным судам. Состав зарго включал председателя, двух советников от правительства и двух ассессоров из нойонов. Было также учреждено Ламайское духовное управление, под председательством ламы и четырех лиц от буддийского духовенства.

На уровне владельческих улусов власть возглавлялась нойонами, в казенных улусах — зайсангами. Нойоны и зайсанги также возглавляли улусные суды. В состав улусного управления и улусных судов входили российские чиновники: попечители и их помощники, на них в том числе возлагались полицейские и следственные функции.

Суд зарго, как отмечается, «общий для степи», ведал всеми делами калмыков, уголовными и гражданскими, калмыков с некалмыками, родителей с детьми. При рассмотрении дел как суд зарго, так и улусные суды руководствовались по уголовным делам общими законами Российской империи, а в делах гражданских могли применять правила «древняго калмыцкого уложения», и только в случае недостатка таковых руководствоваться законами Империи [Историческое 1888: 161].

Главным положительным аспектом правил 1825 г. являлось определение размера сбора, который должны были уплачивать калмыки как в казенных, так и во владельческих улусах, «чем навсегда был ограничен тот произвол, которым в этом отношении всегда отличались нойоны» [Историческое 1888: 161]. Большая часть сбора поступала владельцу улуса, незначительные части шли в пользу зайсанга и на содержание калмыцкого управления [Историческое 1888: 161].

С учреждением в 1838 г. министерства государственных имуществ в его ведение, наравне с сельскими обывателями, были переданы и калмыки. Граф П. Д. Киселев исходил из той точки зрения, что калмыцкий народ в силу естественного порядка вещей не может оставаться постоянно в кочевом состоянии, и что рано или поздно, подобно другим кочевникам, должен перейти к оседлой жизни. Он приходил к выводу, что «чем скорее этот переход совершится, тем лучше будет как для самого народа, вследствие устранения всяких неудобств кочевой жизни, так и для государства, вследствие замены скотоводческого хозяйства земледельческим и поступления кочевников в состав государственных крестьян» [Историческое 1888: 162].

Такой взгляд был положен в основание работ, которые по распоряжению графа П. Д. Киселева были предприняты по первому департаменту министерства государственных имуществ, при участии астраханского губернатора, для составления нового положения об управлении калмыцким народом. Работы были окончены в первой половине 1846 г., и в ноябре того же года новое положение было внесено в Государственный совет, а затем 23 апреля 1847 г. утверждены императором.

Согласно Положению 1847 г. управляющий Астраханской палатой государственных имуществ являлся одновременно главным попечителем калмыцкого народа. Власть астраханского губернатора в отношении калмыков ограничивалась пределами, «которые были определены для всех начальников губерний по делам управления государственными имуществами» [Историческое 1888: 162]. Совет калмыцкого управления и Ламайское духовное управление были упразднены: первый был заменен учрежденным при Палате государственных имуществ Ордынским отделением, состоявшим из советника, делопроизводителя, депутата от калмыцкого народа и других чинов по штату; а второе было заменено одним Ламой, которому в помощь для делопроизводства был назначен письмоводитель.

Учрежденный по положению 1834 г. центральный суд зарго, состоявший под председательством чиновника, с одной стороны, был признан не соответствующим жалованной калмыкам грамоте (видимо, имелась в виду грамота Павла I 1800 г. — *Е. Г.*), в силу которой они должны были иметь свой суд зарго под председательством владельца, а с другой — излишним, так как порядок разбора в нем дел был таким же, как и в общих судебных местах, поэтому, отмечается, он был упразднен и в каждом улусе был открыт свой суд зарго, заменивший учрежденный там положением 1834 г. улусный суд. По возможности порядок производства дел в улусных зарго был упрощен. Они должны были стараться прекращать дела «миролюбивым образом» и в «делах тяжёбных» имели право окончательного решения до той же суммы, как судебные учреждения первой инстанции. По делам же на большую сумму и недовольным решением суда зарго предоставлено было право приносить апелляцию в Астраханскую судебную палату и обращаться к главному попечителю калмыцкого народа с просьбой об оказании содействия в защите их прав на том же основании, какое было предоставлено государственным крестьянам. Таким образом, порядок производства гражданских дел был сходство с общим существовавшим тогда порядком [Историческое 1888: 163].

Для единообразия и лучшего порядка управления были учреждены на правах окружных управлений государственных имуществ улусные управления, в состав которых входили попечитель с помощником, владелец улуса и правитель или опекун. Общественное управление у калмыков осталось прежним: с делением на улусы, затем на рода или аймаки, а последних — на хотоны.

Самоуправление на выборных началах у калмыков действовало через улусные и аймачные сходы по образцу, устроенному тогда у государственных крестьян. На уровне улусов сходы собирались каждые три года, а по назначению главного попечителя и внеочередно. На уровне аймака сходы проходили в сроки, назначаемые Палатой государственных имуществ. Аймачные сходы имели право

исключать калмыков из общества за проступки и передавать их в распоряжение правительства для отсылки в Сибирь [Историческое 1888: 163–164].

Способ взимания и количество сборов остались у калмыков неизменными, вместе с тем наблюдалась следующая разница: незначительная часть как в казенных, так и во владельческих улусах поступала в пользу родового аймачного зайсанга, большая часть в казенных улусах отводилась на содержание управления с отчислением остатков для общественного калмыцкого капитала, во владельческих же улусах на содержание управления шла мизерная часть, а большая поступала в доход владельца под названием албана [Историческое 1888: 164].

4. Обсуждение

Согласно приведенным в «Историческом обозрении...» сведениям, политика Российского государства в Калмыцкой степи в первой половине XIX в. осуществлялась по трем направлениям: 1) взаимодействие с национальной элитой, предоставление ей определенных прав и привилегий, вовлечение ее в систему имперской региональной и местной власти; 2) постепенное внедрение имперского законодательства и суда с сохранением действия норм обычного права на низовом уровне, как правило, в сфере гражданского оборота; 3) установление основ имперской финансово-налоговой политики с сохранением привилегий местной знати.

Данные аспекты имперской политики уже отмечались исследователями. Вместе с тем, есть отдельные аспекты, на которых акцентируется внимание. Например, М. С. Горяев подчеркивает, что учреждаемые новые системы управления калмыками не изменяли в корне действующий порядок, а являлись продолжением и развитием государственных традиций в управлении «иногородцами», уточнением и дополнением основных принципов административного управления калмыками [Горяев 2013: 220]. Он также отмечает, что принятие правил и положений об управлении калмыцким народом закрепило тенденцию «по ограничению власти калмыцкой знати с целью распространения на калмыцкие улусы общеимперских порядков» [Горяев 2013: 220].

М. С. Горяев рассматривает следующие изменения административно-политической системы Калмыцкой степи в последней трети XVIII – конце XIX в.:

- 1) ликвидация Калмыцкого ханства и введение Калмыцкой степи в общероссийскую систему управления;
- 2) административные реформы в Калмыцкой степи первой половины XIX в.;
- 3) унификация административно-судебной системы в Калмыцкой степи;
- 4) реорганизация и изменения в системе управления Калмыцкой степью в конце XIX в. [Горяев 2013: 3].

И. В. Лиджиева, исследуя этнический принцип, положенный в основу административно-территориального моделирования XIX в. кочевых иногородцев степного Предкавказья, отмечает, что «приставство и улус обладали всеми признаками национально-территориальной модели государственного устройства» [Лиджиева 2016: 1269]. Вместе с тем «инкорпорированные в управленческую структуру традиционные институты самоуправления фактически сохраняли лишь внешнюю форму, при этом менялось его внутреннее содержание» [Лиджиева 2018: 80].

В. В. Трепавлов полагает, что в развитии российских окраин можно выделить несколько этапов: «присоединение, т. е. установление российского подданства; постепенная инкорпорация в структуру государства; наконец, ассимиляция, которая со временем все более активизировалась и порой трактовалась как конечная цель и результат инкорпорации» [Трепавлов 2009: 60].

И. К. Очир-Гаряева применительно к XIX в. исследует следующие проблемы: 1) правовое оформление наместничества и приставства в Калмыкии (1801–1834 гг.); 2) установление попечительской системы управления Калмыкией (1834–1847 гг.) [Очир-Гаряева 2014: 50–109].

В. В. Батыров, М. С. Горяев, А. Н. Команджаев и Е. А. Команджаев уделяют внимание следующим проблемам при исследовании системы управления в Калмыцкой степи:

- изменение системы управления Калмыцкой степью в последней трети XVIII в.;
- формирование новой улусной системы в Калмыцкой степи в последней трети XVIII в.;
- Калмыцкая степь и политика императора Павла I: восстановление государственности (1800–1803 гг.), Зинзилинское совещание;
- введение Калмыцкой степи в административно-территориальное управление Российской империи;
- завершение введения Калмыцкой степи в единую административно-политическую систему Российской империи в конце XIX – начале XX в. [Батыров и др. 2014: 158–159].

Согласно Д. В. Васильеву, «в середине XIX столетия остатки калмыцкой автономии были окончательно ликвидированы. Органом центрального управления стало Министерство государственных имуществ, калмыцкая администрация была интегрирована в систему управления Астраханской губернии, был ликвидирован Зарго и учреждены улусные и аймачные сходы. Сохранившееся своеобразие местного управления носило остаточный характер» [Васильев 2020: 433].

Н. Н. Пальмов, характеризуя наместничество Чучея Тундутова, ссылаясь на высказывание М. Н. Новолетова о том, что оно «явилось только как тень старины и оказалось лишь слабым напоминанием о былом ханской величии» [Пальмов 1922: 100].

С. С. Белоусов считает, что «„Положение“ 1834 г. завершило (выделено мной. — Е. Г.) формирование попечительской системы управления калмыцким народом» [Белоусов 2009б: 495]. Отличие попечительства от приставства заключалось в том, что «это уже не только надзор, но и управление, основанное на принципе патримональной опеки государства» [Белоусов 2009б: 495]. И далее он отмечает, что сформировавшаяся к середине XIX в. попечительская система управления калмыцким народом сочетала в себе «элементы сильной государственно-бюрократической опеки и в определенной степени национальные традиции» [Белоусов 2009б: 503].

5. Выводы

Проведя обзор вышеуказанных мнений исследователей, приходим к следующим выводам:

1) полагаем, что заслуживает внимания точка зрения И. К. Очир-Гаряевой о двухэтапном формировании системы управления в Калмыцкой степи применительно к первой половине XIX столетия (наместничество, приставство и отдельно попечительство с 1834 г.). Наместничество не может быть выделено отдельно в качестве этапа в силу краткого срока наместничества Чучея Тундута. Скорее оно является завершающей стадией в целом такого этапа в управлении как наместничество, но с отсылкой к XVIII в.;

2) наместничество, приставство и попечительство в принципе можно рассматривать как отдельные модели управления, но с учетом разного объекта управления: наместничество — институт главы народа; приставство — поначалу больше надзор за знатью, но в последствии и за населением Калмыцкой степи; попечительство — полноценная опека со стороны государства, выстроенная в определенную систему. Однако следует учитывать, что по сути приставство — это то же попечительство. Соответственно модель была одна, но она подвергалась эволюционной трансформации с учетом обстановки на местах, внутренних и внешних условий.

Литература

- Абеева 2012 — *Абеева О. Н.* Система управления кочевниками Прикаспия в XIX в. (на материалах Калмыкии) // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2012. № 3. С. 77–86.
- Алексушин 2020 — *Алексушин Г. В.* Периодизация, стадиялизация или этапизация? // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2020. № 1-1. С. 198–201.
- Батыров и др. 2014 — *Батыров В. В., Горяев М. С., Команджаев А. Н., Команджаев Е. А.* Изменения в системе управления Калмыкией в конце XVIII – начале XX века. Элиста: Джангар, 2014. 159 с.
- Белоусов 2009а — *Белоусов С. С.* Калмыцкие улусы в последней трети XVIII в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. С. 432–464.
- Белоусов 2009б — *Белоусов С. С.* Калмыкия в период преобразований (первая половина XIX в.). // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. С. 464–514.
- Белоусов 2009в — *Белоусов С. С.* Калмыкия во второй половине XIX в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. С. 514–559.
- Белоусов 2016 — *Белоусов С. С.* Изучение имперской системы управления калмыцким народом в отечественной историографии // Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность: Мат-лы Росс. науч. конф. с междунар. участием (16–19 марта 2016 г., г. Элиста). Элиста: Джангар, 2016. С. 76–84.
- Борисенко 1991 — *Борисенко И. В.* Очерки исторической географии Калмыкии. Дооктябрьский период. Элиста: КИОН, 1991. 229 с.
- Бурчинова 1985 — *Бурчинова Л. С.* Калмыкия в системе государственного управления России // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 48–56.
- Бурчинова, Гиляшбаева 2005 — *Бурчинова Л. С., Гиляшбаева М. Н.* К вопросу о калмыцкой государственности после откочевки Убаши // Калмыкия — субъект Российской Федерации: история и современность: Мат-лы Росс. науч. конф. (6–7 октября 2005 г., г. Элиста). Элиста: Калм. гос. ун-т им. Б. Б. Городовикова, 2005. С. 169–183.
- Васильев 2015а — *Васильев Д. В.* Калмыцкое ханство в административно-политической системе Российской империи (середина XVIII – середина XIX в.) // Исторические,

- философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-3(60). С. 38–42.
- Васильев 2015б — *Васильев Д. В.* Становление Калмыцкого ханства как субъекта Российской империи. XVII – первая половина XVIII в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 3-2. С. 351–357.
- Васильев 2020 — *Васильев Д. В.* Рождение империи. Юго-восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 608 с.
- Горяев 2013 — *Горяев М. С.* Вовлечение Калмыкии в общественно-экономическую систему Российской империи (последняя треть XVIII – конец XIX века). Элиста: Джангар, 2013. 224 с.
- Деев 2005 — *Деев С. Ю.* Развитие правительственной программы унификации управления калмыцким народом в конце XIX в. // Вестник КИГИ РАН: сб. науч. трудов. Вып. 19. Элиста: Джангар, 2005. С. 143–152.
- Деев 2006 — *Деев С. Ю.* К вопросу о проблемах системы управления калмыцким народом в XIX в. // Вестник КИГИ РАН: сб. науч. трудов. Вып. 20. Элиста: НПП «Джангар», 2006. С. 121–137.
- Избасарова 2017 — *Избасарова Г. Б.* Имперские механизмы управления окраинами: башкиры, калмыки, казахи в XVIII–XIX вв. // Вестник Российской нации. 2017. № 2(54). С. 113–124.
- Избасарова, Любичанковский 2018 — *Избасарова Г. Б., Любичанковский С. В.* Приставства на окраинах Российской империи в XVIII – первой половине XIX в.: от административного лица к системе управления // Российская история. 2018. № 2. С. 13–21.
- Историческое 1888 — Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. В 5 ч. Ч. 2. Попечительство; Поземельное устройство. СПб.: Тип. Я.И. Либермана, 1888, 559 с.
- Команджаев 2009а — *Команджаев А. Н.* Общественно-политическое развитие в начале XX в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. С. 106–150.
- Команджаев 2009б — *Команджаев Е. А.* Административная система Калмыкии в XVIII–XIX вв. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2009. 100 с.
- Команджаев 2019 — *Команджаев Е. А.* Институты публичной власти в Калмыкии в XVII – начале XX вв. с позиции цивилизационно-культурного подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 2. С. 219–243. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-219-243
- Лиджиева 2016 — *Лиджиева И. В.* Кочевые инородцы Степного Предкавказья: административно-территориальные модели XIX в. // Политика и общество. 2016. № 9(141). С. 1265–1271. DOI 10.7256/1812-8696.2016.9.16018
- Лиджиева 2018 — *Лиджиева И. В.* Особенности системы управления инородцами в Российской империи в XIX – начале XX вв. // Политика и общество. 2018. № 2. С. 74–82. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.2.25620.
- Лиджиева, Очиров 2019 — *Лиджиева И. В., Очиров У. Б.* Калмыки в составе Российского царства и империи [электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 8(82). URL: <https://history.jes.su/s207987840006047-0-1/>. DOI: 10.18254/S207987840006047-0
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Наберухин 1983 — *Наберухин А. И.* Вопрос об областной автономии Калмыцкой степи в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (февраль–октябрь 1917 г.) // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИФЭ, 1983. С. 143–164.
- Надбитов 2006 — *Надбитов Р. К.* Социально-экономическое и общественно-политическое развитие Калмыкии в конце XIX – начале XX в. Элиста: Калм. ун-т, 2006. 119 с.

- Национальные 1998 — Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1998. 416 с.
- Орехов 1968 — *Орехов И. И.* Размежевание национально-демократического движения в калмыцком обществе в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции // Учёные записки КНИИЯЛИ. Вып. 6. Серия историческая. Советская эпоха. Элиста, 1968. С. 5–66.
- Очир-Гаряева 2014 — *Очир-Гаряева И. К.* Региональное управление в России: историко-правовой анализ. Элиста: Калм. ун-т, 2014. 126 с.
- Очир-Гаряева, Ятаева 2018 — *Очир-Гаряева И. К., Ятаева Н. В.* К вопросу о правовом оформлении приставства в Калмыкии (первая четверть XIX в.) // Право и государство: теория и практика. 2018. № 12(168). С. 30–34.
- Пальмов 1922 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань: Калм. гос. изд-во, 1922. 137 с.
- Плюнов 2016 — *Плюнов Ф. И.* Калмыцкий народ и Октябрьская революция. 1919–1924 гг. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 432 с.
- Скиба 2012 — *Скиба В. А.* Правовой статус Калмыкии после ликвидации Калмыцкого ханства (1771 г. – XIX в.) // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2012. № 2(31). С. 182–185.
- Трепавлов 2009 — *Трепавлов В. В.* «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX веков // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 1. С. 60–73.
- Черкасов 1860 — *Черкасов И. А.* Краткий очерк административного устройства астраханских калмыков: (Извлеч. из рукопис. Истории Астрах. края). [Астрахань]: Губ. тип., [1860]. 21 с.
- Чужгинов 1977 — *Чужгинов А. А.* К вопросу о превращении Калмыкии во внутреннюю провинцию Российской империи (первая половина XIX в.) // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1977. С. 54–59.

References

- Abeeva O. N. The nineteenth-century system to govern Caspian nomads: Kalmyks and Kalmyk-inhabited lands. *Vestnik Prikaspiya: arkheologiya, istoriya, etnologiya*. 2012. No. 3. Pp. 77–86. (In Russ.)
- Agadzhanov S. G., Trepavlov V. V. (eds.) *Ethnic Peripheries of Imperial Russia: The Shaping and Development of Administrative Systems*. Moscow: Slavyanskiy Dialog, 1998. 416 p. (In Russ.)
- Aleksushin G. V. Periodization, stadialization, or segmentation? *Nauka XXI veka: aktual'nye napravleniya razvitiya*. 2020. No. 1-1. Pp. 198–201. (In Russ.)
- Batyrov V. V., Goryaev M. S., Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A. Kalmykia in the Late Eighteenth to Early Twentieth Centuries: Changes in the Government System. Elista: Dzhangar, 2014. 159 p. (In Russ.)
- Belousov S. S. Exploring the imperial system of administering Kalmyks: Russian historiography reviewed. In: Komandzhaev A. N. (ed.) *Nomadic Peoples of South Russia: Historical Experience and Contemporaneity*. Conference proceedings (Elista; 16–19 March, 2016). Elista: Dzhangar, 2016. Pp. 76–84. (In Russ.)
- Belousov S. S. Kalmyk uluses in the late eighteenth century. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) *History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days*. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. Pp. 432–464. (In Russ.)
- Belousov S. S. Kalmykia in the mid-to-late nineteenth century. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) *History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days*. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. Pp. 514–559. (In Russ.)

- Belousov S. S. Kalmykia in the turbulent early-to-mid nineteenth century. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) *History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days*. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. Pp. 464–514. (In Russ.)
- Borisenko I. V. *Essays in the Historical Geography of Kalmykia: The Pre-October Era*. Elista: Kalmyk Institute of Social Science, 1991. 229 p. (In Russ.)
- Burchinova L. S. Kalmykia in the government system of Russia. In: *Kalmyks and Their Voluntary Allegiance to the Russian State. Historical Backgrounds and Significance*. Elista: Kalmyk Institute of History, Philology and Economics, 1985. Pp. 48–56. (In Russ.)
- Burchinova L. S., Gilyashaeva M. N. Revisiting the issue of Kalmyk nationhood after the Exodus of 1771. In: *Kalmykia as a Federal Subject of Russia. Past and Present. Conference proceedings* (Elista, 6–7 October 2005). Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2005. Pp. 169–183. (In Russ.)
- Cherkasov I. A. A Brief Essay on the Administrative System of Astrakhan Kalmyks: An Excerpt from the Manuscript Titled ‘History of Astrakhan Region’. Astrakhan: Astrakhan Governorate Press, 1860. 21 p. (In Russ.)
- Chuzhginov A. A. From periphery to internal province of Imperial Russia: Kalmykia in the early-to-mid nineteenth century. In: Burchinova L. S. et al. (eds.) *Precapitalistic and Capitalistic Relations in Kalmykia: Glimpses of History*. Elista: Kalmyk Institute of Language, Literature and History, 1977. Pp. 54–59. (In Russ.)
- Deev S. Yu. Governing Kalmyks: Problems faced by the administrative system in the nineteenth century. In: *Bulletin of Kalmyk Humanities Research Institute RAS. Collected scholarly papers*. Vol. 20. Elista: Dzhangar, 2006. Pp. 121–137. (In Russ.)
- Deev S. Yu. Unifying the system and procedures to govern Kalmyks: How the [Russian] Government’s program was developed. In: *Bulletin of Kalmyk Humanities Research Institute RAS. Collected scholarly papers*. Vol. 19. Elista: Dzhangar, 2005. Pp. 143–152. (In Russ.)
- Goryaev M. S. Incorporating Kalmykia into the Socioeconomic System of Imperial Russia, 1770s–1890s. Elista: Dzhangar, 2013. 224 p. (In Russ.)
- Izbasarova G. B. The imperial control mechanisms of peripheries: Bashkirs, Kalmyks, Kazakhs in the XVIII–XIX centuries. *Bulletin of Russian Nation*. 2017. No. 2(54). Pp. 113–124. (In Russ.)
- Izbasarova G. B., Lyubichankovskiy S. V. Pristavstva on the outskirts of the Russian Empire in the 18th — first half of the 19th century: From a personal position to a management system. *Russian History*. 2018. No. 2. Pp. 13–21. (In Russ.)
- Komandzhaev A. N. Sociopolitical development in the early twentieth century. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) *History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days*. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. Pp. 106–150. (In Russ.)
- Komandzhaev E. A. Institutes of public authority in Kalmykia in the 17th – early 20th centuries from the perspective of civilization and cultural approach. *RUDN Journal of Law*. 2019. Vol. 23. No. 2. Pp. 219–243. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-219-243
- Komandzhaev E. A. *The Administrative System of Kalmykia in the Eighteenth and Nineteenth Centuries*. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2009. 100 p. (In Russ.)
- Lidzhieva I. V. Nomadic minorities of the steppe area of the North Caucasus. *Politics and Society*. 2016. No. 9 (141). Pp. 1265–1271. (In Russ.) DOI 10.7256/1812-8696.2016.9.16018
- Lidzhieva I. V. Peculiarities of the foreigner management system in the Russian Empire in the XIX – early XX centuries. *Politics and Society*. 2018. No. 2. Pp. 74–82. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0684.2018.2.25620.

- Lidzhieva I. V., Ochirov U. B. Kalmyks within the Tsardom of Russia and Russian Empire. *ISTORIYA* (online journal). 2019. Vol. 10. Is. 8 (82). DOI: 10.18254/S207987840006047-0. Available at: <https://history.jes.su/s207987840006047-0-1/> (accessed: 08.10.2023). (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russ.)
- Ministry of State Property over the Fifty Years, 1837–1887: A Historical Review. In 5 vols. Vol. 2. St. Petersburg: J. Liebermann, 1888, 559 p. (In Russ.)
- Naberukhin A. I. Oblast-type autonomy within Kalmyk Steppe: How the issue was raised during the Russian Revolution (From February to October of 1917). In: *Social System and Sociopolitical Development of Pre-Revolutionary Kalmykia*. Elista: Kalmyk Institute of History, Philology and Economics, 1983. Pp. 143–164. (In Russ.)
- Nadbitov R. K. Kalmykia in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries: Socioeconomic and Sociopolitical Development. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2006. 119 p. (In Russ.)
- Ochir-Garyaeva I. K. Regional Governance in Russia: A Historical and Legal Analysis. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2014. 126 p. (In Russ.)
- Ochir-Garyaeva I. K., Yataeva N. V. To the question of the legal registration of pristavstva in Kalmykia (First quarter of the 19th century). *Law and State: The Theory and Practice*. 2018. No. 12 (168). Pp. 30–34. (In Russ.)
- Orekhov I. I. Preparing the Great October Socialist Revolution: A split in the ethno-democratic movement of Kalmyks. In: *Scholarly Notes* [Kalmyk Institute of Language, Literature and History]. Vol. 6. Series 'History' (Soviet Era). Elista, 1968. Pp. 5–66. (In Russ.)
- Palmov N. N. Kalmyks within Russian Borders: A Historical Essay. Astrakhan: Kalmyk [Oblast] Publ. House, 1922. 137 p. (In Russ.)
- Plyunov F. I. Kalmyk People and the October Revolution: 1919–1924. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 432 p. (In Russ.)
- Skiba V. A. Legal status of Kalmykia after Kalmyk Khanate was abolished: From 1771 and throughout the nineteenth century. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 2012. No. 2 (31). Pp. 182–185. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. 'Ethnic policies' in polyethnic Russia, sixteenth to nineteenth centuries. *Historical Psychology & Sociology*. 2009. Vol. 2. No. 1. Pp. 60–73. (In Russ.)
- Vasilyev D. V. Formation of the Kalmyk Khanate as a subject of the Russian Empire since the 17th century to the middle of the 18th century. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015. Vol. 17. No. 3 (2). Pp. 351–357. (In Russ.)
- Vasilyev D. V. Kalmyk Khanate in administrative and political system of the Russian Empire (The middle of the XVIII – the middle of the XIX century). *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice* (Manuscript). 2015. No. 1 (60). Pt. 3. Pp. 38–42. (In Russ.)
- Vasilyev D. V. The Birth of the Empire: Southeast Russia, Eighteenth to Mid-Nineteenth Centuries. St. Petersburg: D. Bulanin, 2020. 608 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 15, Is. 3, pp. 384–395, 2023
 DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-384-395

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 930.253+811.512.37
 DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-384-395

«Его добросовестный труд должен почитаться драгоценным подарком для восточной филологии»: о «Грамматике монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова

*Александра Тагировна Баянова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, заместитель директора

0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Баянова А. Т., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена вкладу ученого и педагога А. А. Бобровникова, стоявшего у истоков отечественного монголоведения, в изучение калмыцкого языка. «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова в ряду учебных пособий, созданных в XIX в., занимает особое место и является классикой в монгольском языкознании. *Цель* исследования — описание истории создания учебного пособия А. А. Бобровникова для духовных учебных заведений Российской империи. К исследованию привлекаются *материалы* фонда 10 «Казанская духовная академия» Государственного архива Республики Татарстан. *Результаты.* В ходе архивных изысканий обнаружены сведения о поездке А. А. Бобровникова в Калмыцкую степь, во время которой он побывал в ставках князей Тундутовых и Тюменей. Описание быта, традиций и обычаев, языка дербетов и хошутов представляют интерес для этнографов, филологов. Появлению учебника предшествовала кропотливая работа ученого-монголоведа А. А. Бобровникова. Казанская духовная академия, готовившая кадры для миссионерской деятельности, поощряла и активно продвигала идею изучения не только традиций и обычаев народов, но и языков монгольских, тюркских, финно-угорских народов, что послужило основой формирования научного монголоведения и востоковедения. Вклад миссионеров, в том числе А. А. Бобровникова, в развитие науки огромен и бесценен тем, что в отличие от академического востоковедения миссионеры-востоковеды занимались изучением живого разговорного языка.

Ключевые слова: грамматика, калмыцкий язык, монгольский язык, архивный документ, А. А. Бобровников, Казанская духовная академия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Национальные информационные ресурсы в научном и культурном пространстве» (номер госрегистрации: АААА-А19-119090590086-0).

Для цитирования: Баянова А. Т. «Его добросовестный труд должен почитаться драгоценным подарком для восточной филологии»: о «Грамматике монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 3. С. 384–395. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-384-395

‘His Dedicated Work Be a Precious Gift to Oriental Linguistics’: Revisiting the Grammar of Kalmyk Mongolian by Aleksey A. Bobrovnikov

*Aleksandra T. Bayanova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Ph. D. (Philology). Senior Research Associate. Deputy Director

 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Bayanova A. T., 2023

Abstract. *Introduction.* The article discusses the contribution of Aleksey A. Bobrovnikov, a scholar, teacher, and pioneer of Mongolian studies in Russia. He authored the Grammar of Kalmyk Mongolian which holds a special place in the variety of nineteenth-century textbooks, and still remains a classic in Mongolian linguistics. *Goals.* The study attempts an insight into how A. Bobrovnikov created his manual for theological institutions of the Russian Empire. *Materials.* The work focuses on documents contained in Collection 10 (‘Kazan Theological Academy’) of the National Archive of Tatarstan. *Results.* Our archival investigations have discovered a number of documents dealing with A. Bobrovnikov’s travel to Kalmyk Steppe (Astrakhan Governorate) when he was welcomed and stayed in estates owned by the Tundutovs and the Tyumens. His accounts of everyday life, traditions and customs, language patterns recorded from Dorbets and Khoshuts are of utmost interest to ethnographers and philologists. The manual’s publication was preceded by meticulous research efforts of the academic Mongolist. Kazan Theological Academy was educating Christian missionaries and facilitated a lot the study of not only customs and traditions but also languages of Mongolic, Turkic, and Finno-Ugric peoples, which would shape the foundations of academic Mongolian and Oriental studies in Russia. So, the missionaries’ contributions — including that of A. Bobrovnikov — are enormous and even invaluable, since (unlike professional Orientalists) the former would deal with living colloquial languages.

Keywords: Grammar, Kalmyk, Mongolian, archival document, A. Bobrovnikov, Kazan Theological Academy

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 ‘Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China’.

For citation: Bayanova A. T. *‘His Dedicated Work Be a Precious Gift to Oriental Linguistics’: Revisiting the Grammar of Kalmyk Mongolian by Aleksey A. Bobrovnikov.* *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(3): 384–395. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-384-395

1. Введение

Первые сведения о появлении в России интереса к изучению монгольских языков относятся к концу XVIII – началу XIX вв., когда появилась необходимость налаживания отношений с калмыками, расселившимися на южных рубежах Российского государства. Миссионерская деятельность по вовлечению калмыков в христианство [Орлова 2006; Джунджузов 2014; Якунин 2022] также послужила причиной изучения восточных языков. Духовные учебные заведения, готовившие миссионеров, остро нуждались в учебных пособиях по калмыцкому языку: букварях, словарях, хрестоматиях, грамматиках. Именно в этот период были написаны первые грамматические пособия: «Грамматика монгольского языка» Я. И. Шмидта [Шмидт 1832], «Краткая грамматика монгольского языка» О. М. Ковалевского [Ковалевский 1835], «Грамматика монгольского языка, сочиненная протоиереем Иркутской епархии Александром Бобровниковым» [Бобровников 1835], «Грамматика калмыцкого языка, сочиненная Александром Поповым, ординарным профессором монгольского языка при Казанском университете» [Попов 1847].

Целью данной статьи является описание истории создания учебного пособия А. А. Бобровникова создания «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» бакалавра Казанской духовной академии А. А. Бобровникова для духовных учебных заведений Российской империи [Бобровников 1849].

Алексей Александрович Бобровников родился в семье священника Александра Алексеевича Бобровникова в Иркутске. Родители хорошо владели бурятским языком. П. Э. Алексеева утверждает, что мать его была буряткой [Ученые-исследователи 2006: 39]. Отец А. А. Бобровникова обучился у буддийских лам книжному монгольскому языку и письму, преподавал язык в Иркутской духовной семинарии; он является автором одной из первых грамматик монгольского языка [Бобровников 1835]. Рано оставшись сиротой, Алексей Бобровников был направлен в семинарию, где стал одним из лучших учеников. В 1842 г. после окончания семинарии он поступил на работу учителем в уездное училище. В этом же году состоялось открытие Казанской духовной академии (далее — КДА), и А. А. Бобровников продолжил учебу в этом заведении. Здесь он проявил впервые интерес к монгольскому языку. Профессор КДА О. М. Ковалевский посоветовал ему прочитать книгу «Улигерин далай» («Море притч») из своей личной библиотеки, а затем и другие книги на монгольском языке. А. А. Бобровников заинтересовался буддийской философией, «усердно посещал лекции по языку и литературе монгольской» [Ильминский 1865: 6]. Студенты академии ежегодно писали научные работы, и Алексей Бобровников взял тему-рассуждение о пустоте, взяв за основу монгольскую сутру «Алгн герл».

Интерес к монгольскому языку у студента А. А. Бобровникова был настолько высок, что часто преподаватели заставляли его за чтением книг на других лекциях. При окончании академии для получения ученой богословской степени студенты выступали с научными докладами и защищали свои работы. А. А. Бобровников решил написать работу о буддизме, план которой утвердил сам ректор. Сочинение было задумано «в широких размерах», и в последний год учебы он работал с 4 утра до 8 вечера над написанием трактата. Научную работу из 202 страниц, состоявшую из трех разделов: исторические замечания о буддизме, философия буддийская и религиозные элементы в буддизме — он так и не закончил, так как

серьезно заболел воспалением легких [Ильминский 1865: 11]. Ему пришлось сузить тему, и к концу курса он написал работу «О различиях между христианским и буддийским учением о любви к ближним» [Знаменский 1891: 332].

2. Материалы и методы

Источниковой базой к статье послужили архивные материалы Государственного архива Республики Татарстан. Особую ценность для калмыковедения представляет фонд 10 «Казанская духовная академия», подробный обзор и анализ которого был сделан ранее А. Т. Баяновой и Р. Р. Сибгатуллиной [Баянова, Сибгатуллина 2020]. В описи 1 фонда 10 отложились около 150 архивных дел, связанных с историей калмыцкого народа: это различные канцелярские документы, переписки, прошения, приказы и ведомости. Среди них выявлены документы, касающиеся истории создания «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» А. А. Бобровникова.

3. «Для большего усовершенствования в калмыцком языке отправить его немедленно...»

В 1846 г. в КДА встал вопрос об издании грамматики калмыцкого языка, так как язык активно изучался в духовных заведениях (к примеру, калмыцкий язык преподавали в Астраханской семинарии, а учебника, по которому могли заниматься студенты, не было). Ректор КДА, зная, что профессор А. В. Попов занимается долгие годы сбором материалов для калмыцкой грамматики, предложил ему разработать пособие, он согласился издать его за большое вознаграждение. После этого ректор обратился с этим же предложением к А. А. Бобровникову. После некоторых раздумий студент согласился и попросил о командировке в Калмыцкую степь.

В Национальном архиве Республики Татарстан в фонде 10 «Казанская духовная академия» отложились документы, касающиеся этой командировки. В «Деле об отправлении окончившего курс воспитанника Казанской академии Алексея Бобровникова на места жительства калмыков для ознакомления с их языком» имеется «Список с журнала окружного правления, состоявшегося в 28 день июня 1846 года», где обер-прокурор Священного Синода докладывает, что «по представлению Внешнего управления Казанской академии составление калмыцкой грамматики поручить оканчивающему в сем году курс студенту Алексею Бобровникову, и для большего усовершенствования в калмыцком языке отправить его немедленно по окончании академического курса на три месяца в Царицын и Астрахань с выдачей ему на проезд и на содержание ста тридцати рублей серебром из экономических сумм академии, вменив в обязанность, чтобы по возвращении Бобровникова в Казань правление донесло о[б] успехах его занятий и представило подробные соображения насчет поручаемого ему составления калмыцкой грамматики» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 1].

Ему был выдан билет, где отмечалось, что «объявитель сего воспитанник Казанской Д[уховной] Академии студент Алексей Бобровников правлением Академии уволен в гг. Астрахань и Царицын сроком на три месяца текущего 1846 г. с тем, чтобы в случае невозможности прибыть обратно в Академию к показанному сроку по болезни или по другим каким-либо уважительным причинам, он Бобровников благовременно довел о том до сведения академического

Правления чрез местное епархиальное начальство. Гг. [господам. — А. Б.] на заставах и других местах команду имеющие благоволят давать ему Бобровникову свободный пропуск в означенные места, так и обратно в Казань. В удостоверение чего и дать ему Бобровникову сей билет из Академического Правления за надлежащей подписью с приложением казенной печати с тем, чтобы он Бобровников по возвращении представил оный билет в правление Академии. Июля 12 дня 1846 года» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 3].

Была также дана инструкция, составленная профессором КДА А. В. Поповым, «для руководства при занятиях его калмыцким языком», где он должен «преимущественно обращать внимание на язык, нравы, обычаи и религию калмыцкого народа» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 4]. Но так как он уже приобрел теоретические сведения в академии, то ему оставалось только дополнить и обогатить свои знания «практическими занятиями, как то: частым разговором и практическим разбором трудных сочинений». Практикуясь в устной речи, он должен был выяснить, «в какой степени язык разговорный удален от книжного», какие существуют различия «в грамматических формах с известным монгольским, и как велико влияние языка тюркского на калмыцкий» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 4]. Далее профессор рекомендует чаще бывать в обществе гелюнгов «как образованнейшего сословия калмыцкого народа». На нравы и обычаи калмыков А. А. Бобровников должен был обращать особое внимание, причем, «с трех сторон: нравственной, физической и политической, первая представит его наблюдению добродетели и пороки, характер и степень образования этого народа, вторая ознакомит его с богатством и бедностью, производительными силами, домоводством, скотоводством и промыслами, третье укажет ему разделение народных сословий, права владельцев, влияние духовенства на чернь и степень зависимости подвластных (албату) калмыков от их князей» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 4–4об.].

Религию калмыков советует А. В. Попов рассмотреть с двух сторон: как вероучение с ее философскими догмами и как систему обрядов в буддизме. А. В. Попов рекомендовал действительно побывать в двух местах — «в хуруле Хошеутовского улуса, принадлежащего князю Тюменеву, и в ставке князя Тундутова — владельца Малодербетовского улуса: первый найдет книги и ученых наставников, а второй займется изучением калмыцких наречий торгутов и дербетов» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 4об.–5].

Архиепископ Астраханский Евгений в своем письме ректору КДА архимандриту Григорию писал, что предпримет все усилия для того, чтобы помочь А. А. Бобровникову в его поездке в Калмыцкую степь, в частности он попросил астраханского военного губернатора, контр-адмирала П. Е. Чистякова¹ и главного попечителя калмыцкого народа К. А. Оленича-Гнененко² оказать содействие

¹ Чистяков П. Е. (1792–1862) — адмирал Русского императорского флота, известен как исследователь Русской Америки. В 1844 г. был назначен на должность военного губернатора Астрахани и проработал в этой должности до 1848 г. В 1836 г. был произведен в контр-адмиралы, 1847 г. — в вице-адмиралы, в 1856 г. — в адмиралы. Именем П. Е. Чистякова назван остров в Бристольском заливе Берингова моря, у западного побережья США.

² Оленич-Гнененко К. А. (?–1853) — генерал-майор, в 1842 г. назначен управляющим Астраханской палатой государственных имуществ и главным попечителем калмыцкого народа.

«для достижения предназначенной ему [А. А. Бобровникову — А. Б.] ученой цели» и «чтобы от каждого калмыцкого кочевья до другого ему ... даваемые были благонадежные проводники» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 8–8об.].

4. Из отчета А. Бобровникова «О путешествии к калмыкам»

В Калмыцкую степь А. А. Бобровников отправился 12 июля 1846 г. В своем отчете от 20 декабря 1846 г. он обозначил следующие задачи своей поездки:

«1. Во время пребывания в кочевьях приволжских калмыков стараться приобрести точнейшие познания в калмыцком языке, узнать обозначительные¹ грамматические формы онаго, сходство и различие между языками книжным и разговорным, употребляя для сего частный разговор с калмыками и критический разбор труднейших сочинений, также, чем именно язык калмыцкий различается от монгольского и как велико на него влияние языка тюркского.

2. Кроме языка обращать внимание на нравы, обычаи и религию калмыцкого народа, вникая по возможности в самое основание оных. Относительно религии обращать внимание на ее догматическую в религиозных сочинениях и на обрядовую сторону, состоящую из строений хурулов калмыцких или капниц в годичных хуралах или сборах с их духовными процессиями, в народных празднествах, в обрядах при рождении младенцев, свадьбах, похоронах и пр. Относительно нравов и обычаев народных обращать внимание на состояние калмыков нравственное, физическое и политическое, чаще на пороки и добродетели калмыков, степень образования, быт их и средства к жизни, разделение народа на классы, влияние духовенства и степень зависимости подвластных от князей [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 12–12об.].

Из отчета А. А. Бобровникова узнаем, что из положенных трех месяцев в Калмыцкой степи он пробыл 33 дня, в Царицыне и Астрахани — 24 и в пути провел 36 дней. В Царицыне он останавливался на три дня для того, чтобы «взять несколько уроков в разговорном языке у священника Дилигенского и чрез то приготовиться несколько к беседе с калмыками» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 13]. В. М. Дилигенский, состоявший до 1859 г. при походной церкви для калмыцких улусов, отлично владел калмыцким языком, перевел «катехизис и несколько песнопений церковных», снабжал библиотеку КДА бесценными калмыцкими рукописями, которые он приобретал во время своих разъездов по калмыцким улусам: «редкий год не присылалось от него новых, более или менее ценных для науки рукописей, стоивших ему вероятно немалых хлопот и издержек» [Знаменский 1891: 278]. В Астрахани он практиковался в разговорном калмыцком языке с учителем семинарии Н. Никоновым, хорошо знавшим язык, а также с калмыками, проживавшими там. Ему удалось переписать «одно новое калмыцкое религиозное сочинение, писанное Багацохуровским бакши Джингзаном в 1842 г. и замечательное особенно по новому облагороженно-разговорному языку», «Дорджи Джодва», которое имелось практически в каждом доме у калмыков, и калмыцкий календарь [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 13об.].

В ставке князей Тундутовых он встретил радушный прием со стороны князей, попечителя и гелюнгов: «Старший князь Деджи² позволил мне осматривать их хурулы и дал мне переводчика и провожатого» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450.

¹ Так в источнике.

² Деджит-Замбо (1812–1848), сын Эрдени-тайши Тундутова.

Л. 13об.]. Здесь же он практиковался в языке и «чтению кгаликов¹» у младшего князя, «человека очень образованного», Менко-Очира². Из гелюнгов он чаще беседовал с одним зурхачи³, которого рекомендовали ему как «ученейшего человека». В ставке князей Тундутовых он пробыл мало, так как спешил в Тюменевку, «наслышавшись об образованности этих князей». Велико было разочарование А. А. Бобровникова при приезде в ставку князей Тюменей. «Высокообразованных гелюнгов» в постоянной ставке не оказалось, если не считать одного старого священника, который «без позволения князя не соглашается ничего сказать, даже названия какой-нибудь священной вещицы», а в места кочевья его никто не отпускал, так как «сколько не просился ... у князя в их степное кочевье, он всегда чем-нибудь отговаривался» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 14]. При самой же ставке он не мог наблюдать натуральный быт калмыков ввиду того, что здесь жили только «княжеские прислужники, более или менее обрусевшие» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 14]. К сожалению, столь короткий период пребывания в Калмыцкой степи не позволил ему изучить быт и традиции степняков, так как у них «не случилось ни одной торжественной процессии, ни одного торжественного праздника, кроме обыкновенных мацаков», ему не удалось наблюдать обрядовые традиции калмыков. А повседневный быт, как он утверждал, уже описан «во всей подробности г. Нефедьевым⁴, к описанию которого нечего прибавить» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 14об.].

О религиозном состоянии калмыков в своем отчете А. А. Бобровников пишет мало, оговорившись, что свои наблюдения он изложит в статье: «скажу о религиозном состоянии калмыков, а именно: о системе их религии и о степени разумения с калмыками, о причинах, привязывающих их к этой религии и отклоняющих от обращения в христианство, и о состоянии калмыков крещеных» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 14об.]⁵.

Далее в своем отчете он переходит непосредственно к обсуждению «филологических вопросов», называет общие черты отличия языков: монгольского, калмыцкого и тюркского. «Монгольский книжный язык есть корень языка калмыцкого» и «отступление калмыцкого наречия от монгольского коренного произошло по двум путям: через смягчение звуков и через сокращение слов» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 33]. Различия в языках он видит и в особенностях в изменении слов по падежам и временам. Как считает А. А. Бобровников, калмыцкий разговорный от книжного отличается тем, что «вследствие быстрого произношения сокращаются и сливаются частицы падежей со своими именами и часто слова между собою» и приводит примеры: кн. гар-йер 'рукою' — разг. гарар; кн. гар-йер-йен 'своею рукою' — разг. гараран [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450.

¹ Галик — дополнительные символы, введенные в монгольское и ойратское письмо для обозначения не характерных для монгольских языков звуков. Необходимость введения галиков появилась при передаче тибетских и санскритских буддийских терминов.

² Менко-Очир (1816–1849) — сын Джамбо-тайши Тундутова.

³ Зурхачи — астролог.

⁴ Имеется в виду работа Н. А. Нефедьева «Подробные сведения о волжских калмыках» (СПб., 1834) [Нефедьев 1834].

⁵ Статья А. А. Бобровникова «Очерк религиозного состояния калмыков» будет опубликована гораздо позже [Бобровников 1865].

Л. 34об.]. Кроме того, он считал, что «строгие правила синтаксиса книжного в разговорном языке почти вовсе не соблюдаются, особенно простоллюдинами. Калмык располагает слова, как попало, и бросает их часто без грамматических изменений, но это не потому, чтобы разговорный язык имел свой синтаксис, а потому в живом разговоре очень многое поясняется ходом разговора: тоном, жестами и проч.» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 34об.]. Что касается тюркских заимствований, то он нашел мало слов общих с татарским, что заставило его сомневаться в предполагаемом влиянии.

Различий в говоре дербетов и хошутов А. А. Бобровников не заметил, хотя назвал пару слов. У дербетов боковой карман обозначен словом *хор*¹, у хошутов *дахам*²; отверстие наверху кибитки дербеты называют *зете*³, хошуты — *шур*⁴ [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 35].

Отчет А. А. Бобровникова произвел большое впечатление на правление КДА. Профессор А. Ф. Гусев, говоря о состоянии академии за минувший 1946–1947 учебный год, половину своего доклада занял чтением извлечений «более занимательных мест из рукописи Бобровникова» [Знаменский 1891: 334].

5. О работе над грамматикой

Во время пребывания в ставке князя Тундурова А. А. Бобровникову дали в помощники мальчика-сироту по имени Очир, «очень красивого калмыцкого типа» [Ильминский 1865: 22], которого А. А. Бобровников привез в Казань, так как работа по составлению калмыцкой грамматики продолжалась. Но зимой 1847 г. через Казань проезжали калмыцкие зайсанги и среди них был старый гелюнг, который и забрал на родину мальчика. Работа над составлением грамматики шла медленно, ректору пришлось много раз напоминать А. А. Бобровникову об этом [Ильминский 1865: 22].

Как пишет Н. И. Ильминский, «интересуясь философским содержанием этих книг, он не обращал внимания на язык. Язык монгольский дался ему, можно сказать, впридачу к буддизму» [Ильминский 1865: 22]. Ему пришлось вновь браться за чтение знакомых книг, но теперь уже знакомясь не с его содержанием, а с собственным наблюдением лингвистических особенностей языка и его форм. Внимательно изучив прежде изданные грамматики монгольского языка [Попов 1847; Бобровников 1849; Ковалевский 1835], он пришел к выводу, что все они написаны по принципу составления европейских учебников грамматики. Особые затруднения при написании грамматики составили глаголы, точнее его формы. С этим вопросом он обращался к Д. Банзарову, но тот не смог объяснить значения глагольных форм бурятского языка, так как, получив знания в русской гимназии, он все время «сбивался на русскую грамматику», хотя в разговорной речи и на письме он употреблял их правильно [Ильминский 1865: 23]. Во время поездки в Калмыцкую степь А. А. Бобровников записал несколько замечаний «неученого степняка, самородного автора книжки Джурукена-толто» по этому вопросу. Он также исследовал глагольные формы по эпосу «Гесер». Главу о гла-

¹ *Хор* — ‘маленький карманчик’ (торг.) [КРС 1977: 597; Ramstedt 1935: 186].

² *Даһм* — ‘нагрудный карман’ (дерб.) [КРС 1977: 177; Ramstedt 1935: 72].

³ *Зет* — ‘верхний острый конец унина’ [КРС 1977: 249; Ramstedt 1935: 473].

⁴ Данное слово в калмыцких словарях не найдено.

голах А. А. Бобровников переписывал несколько раз: «напишет теорию ... тут вдруг встречается случай, неподходящий под теорию. Это влечет собой новый пересмотр сомнительных форм и новый поиск по всем монгольским книгам» [Ильминский 1865: 23].

В 1848 г. работа над грамматикой была закончена. В деле № 450 (фонд 10, опись 1) Государственного архива Республики Татарстан отложилось представление бакалавра А. А. Бобровникова, где он объясняет причины «некоторого отступления» от данной ему программы, а именно: «соединил калмыцкую грамматику с монгольской» и не сделал «приложения в виде хрестоматии». Первое он объясняет тем, что грамматика «могла быть полезною и для тех семинарий, в коих преподается наречие калмыцкое, и для тех, в которых преподается наречие монгольское». Для изучающих калмыцкое наречие «знакомство с наречием монгольским с одной стороны полезно потому, что монгольское наречие есть наречие коренное, с другой стороны в настоящее время необходимо, потому что по недостатку словаря калмыцкого они должны приискивать значение калмыцких слов в словарях монгольских, но без знания особенностей монгольского письма... Для изучающих монгольский язык грамматика эта может служить руководством к изучению нового разговорного языка монголов, для чего еще не имеется никаких пособий» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 46]. Хрестоматия же не составлена, так как «как бы ни был мал ее объем, составление потребует значительного времени», как минимум еще в течение полугода, а грамматику надо было издать срочно [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 46об.]. Для ускорения выхода грамматики в своем представлении в правление КДА А. А. Бобровников просит не направлять ее в Академию наук в Санкт-Петербурге, ибо там «по смерти Шмидта нет монголога» и поэтому ее передадут профессору Казанского университета О. М. Ковалевскому как члену Академии наук, поэтому, по его мнению, лучше сразу отправить книгу ему для рецензии [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 46об.–47]. 24 мая 1848 г. в журнале правления КДА датирован документ, где говорится, что «представленную грамматику препроводить теперь к г. Ковалевскому при отношении с просьбой рассмотреть ее и потом возвратить с отзывом достоинств и в случае годности к напечатанию с надписью о сем» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 47].

Письмо с замечаниями О. М. Ковалевского поступило в правление КДА 14 июля 1848 г. Профессор указал на недостатки, которые необходимо было исправить до выхода пособия в печать: терминология требовала некоторых изменений, несколько правил, основанных на малом количестве примеров, следовало заменить. Были замечания и по объему пособия: «обширный учебник в руках опытного наставника может быть полезным для ученых, но посредственный учитель готов заставить своих учеников твердить его наизусть и множеством правил замедлить успехи в науке» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 57]. Но все эти недостатки, как пишет профессор О. М. Ковалевский, «выкупаются блистательными достоинствами всего сочинения, хорошо обдуманного, разрешившего много спорных доселе вопросов. Потому автор ... приобрел полное право на внимание и поощрение со стороны просвещенного своего начальства, а его добросовестный труд ... должен почитаться драгоценным подарком для восточной филологии» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 57об.].

Рукопись грамматики с отзывом О. М. Ковалевского была доставлена в Академию наук, где пролежала несколько месяцев. За это время А. А. Бобровников

занимался корректурой рукописи, переписывал многие параграфы, исправлял и отдавал наборщику.

31 декабря 1848 г. в журнале правления КДА отмечено, что Священный Синод разрешил печатать грамматику А. А. Бобровникова и рекомендовал приступить ему к составлению хрестоматии. Высоко оценивая работу А. А. Бобровникова, Священный синод сделал запрос о награде, которую заслуживает автор как «по значительности самого труда, состоящего в написании грамматики совершенно новой и языков малодоступных и показывающего в авторе вполне способного, весьма усердного и весьма полезного для академии деятеля», так и «по надобности поощрить его на будущее время и возмездие за принимаемый им на себя труд по корректуре» и считает «заслуживающим награды не менее 1 500 рублей серебром или возведения его на степень экстраординарного профессора языков с назначением ему в постоянное производство жалованья полного профессорского по 715 рублей серебром в год от 1 дня января следующего 1849 г.» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 450. Л. 61об.–62].

В декабре 1849 г. в Конференцию КДА за подписью ректора архимандрита Григория, инспектора архимандрита Фотия и профессора архимандрита Антония было донесено, что «Монгольско-калмыцкая грамматика», составленная бакалавром академии Алексеем Бобровниковым, «окончена печатанием в количестве 1 200 экземпляров, на 26 листах и 23 декабря получена из типографии Казанского университета», и что она напечатана «по уверению г. Бобровникова, державшего корректуру оной, согласно с рукописью и исправно, за исключением нескольких опечатков, кои показаны в конце книги» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 596б. Л. 1]. Определением Святейшего синода была назначена цена грамматики А. А. Бобровникова: «для воспитанников духовного ведомства по шестидесяти, а в частные руки по семидесяти копеек серебром за экземпляр» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1098. Л. 3].

В 1850 г. труд А. А. Бобровникова был представлен к Демидовской премии. В «Общем отчете о двадцатом присуждении Демидовских наград» отмечено, что второстепенную премию в 714 рублей получил в числе 8 лауреатов «наставник Казанской духовной академии Бобровников» [ЖМНП 1851: 2]. Рецензия, написанная О. М. Ковалевским для номинирования на премию, была, в отличие от первой рецензии, немного сдержаннее: «плод самостоятельных изысканий, труд добросовестный и заслуживает поощрения со стороны Академии наук» [ЖМНП 1851: 14].

6. Заключение

Появлению «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» способствовала большая и тщательная работа А. А. Бобровникова. Итоги его поездки в Калмыцкую степь, работа с информантами дали свои плоды. Фундаментальный труд А. А. Бобровникова поистине уникален тем, что вопреки сложившимся в тот период традициям составления грамматик по европейским методикам он сумел предложить новаторский подход к разработке и нестандартные идеи, которые опережали время. Выход «Грамматики монгольско-калмыцкого языка» произвел сенсацию в научных кругах и стал стимулом развития монголоведного направления в КДА. По утверждению В. Э. Раднаева, А. А. Бобровников «вошел в историю монгольского языкознания как пионер, предложивший новый подход

к решению частей речи в монгольском языке, которые названы «классы слов»» [Раднаев 2012: 21], и оригинальность его «заключалась в том, что он укрупнил части речи и усложнил развитие грамматического мышления» [Раднаев 2012: 62].

Источники

ГА РТ — Государственный архив Республики Татарстан.

Sources

State Archive of the Republic of Tatarstan.

Литература

- Баянова, Сибгатуллина 2020 — *Баянова А. Т., Сибгатуллина Р. Р.* Материалы о калмыках из фонда 10 «Казанская духовная академия» в Государственном архиве Республики Татарстан // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 1. С. 90–104. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-90-104
- Бобровников 1835 — *Бобровников А. А.* Грамматика монгольского языка, сочиненная протоиереем Иркутской епархии Александром Бобровниковым. СПб.: Тип. Святейшего правительствующего Синода, 1835. 127 с.
- Бобровников 1849 — *Бобровников А. А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Сочинен. Алексея Бобровникова, бакалавра Казанской духовной академии. Казань: Университет. тип., 1849. 400 с.
- Бобровников 1865 — *Бобровников А. А.* Очерк современного религиозного состояния калмыков // Православный собеседник. 1865. Т. 17. № 5. С. 334–352; № 8. С. 401–510.
- Джунджузов 2014 — *Джунджузов С. В.* Российская политика христианизации калмыков и ее влияние на общественные отношения в Волжском калмыцком ханстве (конец XVII – середина 30-х гг. XVIII в.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3–2. С. 359–363.
- ЖМНП 1851 — Журнал Министерства народного просвещения. Ч. LXXI. Июль – сентябрь. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1851. 686 с.
- Знаменский 1891 — *Знаменский П.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы). Казань: Тип. Имп. Университета, 1891. 380 с.
- Ильминский 1865 — *Ильминский Н.* Воспоминания об Алексее Александровиче Бобровникове. Казань: Университет. тип., 1865. 34 с.
- Ковалевский 1835 — *Ковалевский О. М.* Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань: Университет. тип., 1835. 202 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 765 с.
- Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 290 с.
- Орлова 2006 — *Орлова К. В.* История христианизации калмыков (середина XVII – начало XX в.). М.: Вост. лит., 2006. 205 с.
- Попов 1847 — Грамматика калмыцкого языка, сочиненная Александром Поповым, ординарного профессора монгольского языка при Казанском университете. Казань: Казанск. ун-т, 1847. 392 с.
- Раднаев 2012 — *Раднаев В. Э.* Монгольское языкознание в России в I половине XIX в.: проблемы наследия. Т. I. Ч. I. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. 392 с.
- Ученые-исследователи 2006 — Ученые-исследователи Калмыкии (XVII – начало XX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 251 с.
- Шмидт 1832 — *Шмидт Я. И.* Грамматика монгольского языка. СПб.: Тип. акад. наук, 1832. 184 с.
- Якунин 2022 — *Якунин В. Н.* Распространение православия среди калмыков в конце XVII — первой половине XVIII вв.: культурно-исторический анализ // Вестник славянских культур. 2022. № 63. С. 21–43.

Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 s.

References

- Alekseeva P. E., Lantsanova L. Yu. (comps.) *Scholarly Researchers of Kalmykia: Seventeenth to Early Twentieth Centuries*. Elista: Kalmykia Book Publ., 2006. 251 p. (In Russ.)
- Bayanova A. T., Sibgatullina R. R. State Archive of the Republic of Tatarstan, Collection 10 ('Kazan Theological Academy'): Documents dealing with Kalmyks. *Mongolian Studies*. 2020. Vol. 12. No. 1. Pp. 90–104. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-90-104
- Bobrovnikov A. A. *Grammar of Kalmyk Mongolian Compiled Aleksey Bobrovnikov, Bachelor of Divinity Student at Kazan Theological Academy*. Kazan: Imperial Kazan University, 1849. 400 p. (In Russ.)
- Bobrovnikov A. A. *Mongolian Grammar Compiled by [Rev.] Alexander Bobrovnikov, Protoiereus at the Diocese of Irkutsk*. St. Petersburg: Most Holy Governing Synod, 1835. 127 p. (In Russ.)
- Bobrovnikov A. A. An essay on the modern religious state of Kalmyks. *Orthodox interlocutor*. 1865. Vol. 17. No. 5. pp. 334–352; No. 8. pp. 401–510 (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V. Russian policy of Christianization of the Kalmycks and its influence on the social relations in Volga Kalmyck Khanate (End of 17th century – middle of the 1730s). *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences*. 2014. Vol. 16. No. 3(2). Pp. 359–363. (In Russ.)
- Ilminsky N. *Memories of Aleksey A. Bobrovnikov*. Kazan: Imperial Kazan University, 1865. 34 p. (In Russ.)
- Journal of the Ministry of National Education (Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya)*. 1851, July–September. Pt. LXXI. 686 p. (In Russ.)
- Kowalewski O. M. (J. Sz.) *A Concise Grammar of Bookish Mongolian*. Kazan: Imperial Kazan University, 1835. 202 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 765 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nefediev N. A. Detailed information about the Volga Kalmyks collected on the spot by N. Nefediev. St. Petersburg: Tip. K. Kraya, 1834. 290 p.
- Orlova K. V. *Christianization of Kalmyks, Mid-Seventeenth to Early Twentieth Centuries: A Historical Survey*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006. 205 p. (In Russ.)
- Popov A. *Kalmyk Grammar Compiled by Alexander Popov, Professor Ordinarius of Mongolian at Imperial Kazan University*. Kazan: Imperial Kazan University, 1847. 392 p. (In Russ.)
- Radnaev V. E. *Mongolian Studies in Early-to-Mid-Nineteenth Century Russia: [Discussing Some] Issues of Heritage*. Vol. 1. Pt. 1. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. 392 p. (In Russ.)
- Ramstedt G. J. *Kalmükisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 p. (In Kalm. and Germ.)
- Schmidt Ya. I. (J. I.) *Mongolian Grammar*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1832. 184 p. (In Russ.)
- Yakunin V. N. Spread of orthodoxy among the Kalmyks in the late 17 – first half of the 18th century: Cultural-historical analysis. *Vestnik slavianskikh kul'tur*. 2022. Vol. 63. Pp. 21–43. (In Russ.)
- Znamensky P. *Kazan Theological Academy: A Historical Survey of the Prereform Period, 1842–1870*. Kazan: Imperial Kazan University, 1891. 380 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 15, Is. 3, pp. 396-418, 2023
DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-396-418

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 394

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-396-418

Участие жителей Калмыкии в позднесоветских и постсоветских вооруженных конфликтах: статистический и военно-антропологический аспекты

Евгений Федорович Кринко^{1,2}, Уташ Борисович Очиров³

¹ Южный научный центр РАН (д. 41, пр. Чехова, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе

² Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Б. Садовая, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0003-3008-5626. E-mail: krinkoef[at]gmail.com

³ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник

 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Кринко Е. Ф., Очиров У. Б., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья является первой научной попыткой комплексного обобщения опыта участия жителей Калмыкии в вооруженных конфликтах второй половины XX – начала XXI вв. В ходе исследования особое внимание уделено военно-антропологическому аспекту, а также анализу статистики участия жителей региона в боевых действиях. *Материалы и методы.* Работа основана на официальных данных военного комиссариата Республики Калмыкия, полевых материалах — интервью участников боевых действий в Афганистане и на Северном Кавказе, а также немногочисленных публикациях в СМИ и сборнике воспоминаний жителей Калмыкии о погибших участниках боевых действий. Авторы опирались на системный и комплексный подход, использовали специальные методы, в том числе сравнительно-исторический и статистический. *Результаты* исследования показывают, что жители Калмыкии принимали участие во многих войнах и вооруженных конфликтах страны как в позднесоветский, так и в постсоветский периоды. Подавляющее большинство комбатантов участвовали в боевых действиях в Афганистане (1979–1989 гг.) и на Северном Кавказе (1994–2000-е гг.). Среди участников боевых действий преобладают призванные на военную

службу в рамках всеобщей воинской обязанности. В ходе исследования были рассмотрены и военно-антропологические аспекты темы: особенности адаптации жителей Калмыкии к воинской службе во время боевых действий, обстоятельства их превращения в комбатантов, отражение в памяти очевидцев условий и характера военной службы, взаимоотношений с местным населением, специфика возвращения к мирной жизни и осмысление своего участия в войне.

Ключевые слова: Афганская война, вооруженные конфликты позднесоветского времени, постсоветские вооруженные конфликты, жители Калмыкии — участники боевых действий, комбатанты, военная повседневность

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6). Авторы выражают признательность военному комиссариату Республики Калмыкия и всем респондентам за предоставленные сведения.

Для цитирования: Кринко Е. Ф., Очиров У. Б. Участие жителей Калмыкии в позднесоветских и постсоветских вооруженных конфликтах: статистический и военно-антропологический аспекты // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 3. С. 396–418. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-396-418

Residents of Kalmykia in Late Soviet and Post-Soviet Armed Conflicts: Statistical and Military-Anthropological Aspects

Evgeny F. Krinko^{1, 2}, Utash B. Ochirov³

¹ Southern Scientific Center of the RAS (41, Chekhov Ave., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Deputy Director for Research

² Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0003-3008-5626. E-mail: krinkoeff[at]gmail.com

³ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Chief Research Associate

 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Krinko E. F., Ochirov U. B., 2023

Abstract. Introduction. The article is the first scholarly attempt to comprehensively summarize the experiences of Kalmykia's residents in armed conflicts of the mid-twentieth to early twenty first centuries. In the study, special attention is given to the military-anthropological aspect, as well as to the analysis of statistics on the participation of the region's residents in hostilities. **Materials and methods.** The work examines official data from the Military Commissariat of the Republic of Kalmykia, field data (interviews with participants of combat operations in Afghanistan and the North Caucasus), a few media publications, and collected memories by Kalmykia's residents about fallen combatants. The study focuses on some systematic and comprehensive approaches, employs various research methods, including the comparative historical, statistical ones, and that of oral history. **Results.** The paper shows residents of

Kalmykia have taken part in many wars and armed conflicts of the country, both in the late Soviet and post-Soviet periods. The vast majority of combatants participated in military operations in Afghanistan (1979–1989) and the North Caucasus (1994–2000s). As for the combatants proper, the majority of them were obligatory conscripts. The study also discusses some military-anthropological aspects, such as peculiarities of adaptation of Kalmykia's natives to military service during hostilities, circumstances of their transformation into combatants, articulated memories and eyewitness accounts of experienced conditions and military service proper, relations with locals, specifics of returning to civilian life, and rethinking of one's participation in war.

Keywords: Soviet-Afghan war, armed conflicts of the late Soviet era, post-Soviet armed conflicts, residents of Kalmykia — combat veterans, combatants, everyday military life

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'. The authors express gratitude to the Military Commissariat of the Republic of Kalmykia and all respondents for the information provided.

For citation: Krinko E. F., Ochirov U. B. Residents of Kalmykia in Late Soviet and Post-Soviet Armed Conflicts: Statistical and Military-Anthropological Aspects. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(3): 396–418. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-396-418

1. Введение

Жители Калмыкии принимали участие во многих войнах и вооруженных конфликтах России, что нашло соответствующее отражение в историографии. Специальные исследования посвящены участию калмыков во всех русско-турецких войнах второй половины XVII–XVIII вв. [Беликов 1965; Шовунов 1990; Шовунов 1991; Бобров 2009; Бобров 2014; Очиров 2020а; Очиров 2020б; и др.], Северной (1700–1721 гг.) и Семилетней (1756–1763 гг.) войнах [Шовунов 1991; Очиров 2020; и др.], войнах с наполеоновской Францией (1805, 1806–1807, 1812–1814 гг.) [Максимов, Очиров 2012], Русско-японской (1904–1905 гг.) [Максимов 2015; Максимов 2017] и Первой мировой (1914–1918 гг.) войнах [Максимов 2015; Максимов 2019]. Немало внимания уделяется и событиям Гражданской войны, приведшей к значительному сокращению численности калмыцкого населения [Очиров 2006]. Значительное количество работ рассказывает об участии жителей Калмыцкой АССР в Великой Отечественной войне [Кичиков 1970; Максимов 2010; Максимов 2015; Очиров и др. 2018; Максимов 2021; и др.]. Наряду с детальным изучением обстоятельств создания и боевого пути 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии [В годы 2003; Очиров, Заярный 2018; и др.] ведется работа над уточнением данных об общей численности погибших в годы войны жителей Калмыкии [Память 1995а; Память 1995б; Память 2005; Память 2010; и др.], созданием их просопографического портрета с использованием количественных методов и баз данных [Очиров 2016; Воробьева 2022; Очиров, Воробьева 2020; Очиров, Воробьева 2023; и др.], что позволяет значительно лучше представить вклад уроженцев республики в общую Победу.

В то же время практически неизвестным остается участие жителей Калмыцкой АССР, а затем Республики Калмыкии в вооруженных конфликтах второй половины XX – начала XXI вв. Впрочем, и сами эти конфликты сравнительно недавно стали подвергаться изучению, поскольку у исследователей все еще

отсутствуют необходимые источники. Впервые общие сведения о потерях, понесенных советскими и российскими гражданами в рассматриваемых конфликтах, были приведены в статистическом труде, подготовленном коллективом под руководством генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева [Россия и СССР 2001: 521–594]. Позже вышли и другие обобщающие и специальные публикации [Россия (СССР) 2000; и др.]. Исследователи охарактеризовали демографические последствия позднесоветских и постсоветских вооруженных конфликтов для населения Юга России [Войны и население 2019: 560–639]. Однако вопросы участия в них жителей Калмыкии все еще не стали предметом специального исследования. Помимо сообщений в средствах массовой информации (далее — СМИ), практически единственной специальной публикацией на данную тему остается изданный полтора десятилетия назад сборник, включающий поименные списки, статьи и очерки о жителях Калмыкии, погибших при исполнении воинского и служебного долга в Афганистане и на Северном Кавказе [Когда вернётся 2007].

Сложившаяся историографическая ситуация предопределила цель статьи, заключающуюся в первой научной попытке комплексного обобщения опыта участия жителей Калмыкии в вооруженных конфликтах второй половины XX – начала XXI вв. Для реализации данной цели ставились две основные задачи: 1) анализ доступных статистических данных об общей численности жителей Калмыкии, участвовавших в позднесоветских и постсоветских вооруженных конфликтах и их динамике, а также количестве погибших и удостоенных государственных наград СССР и РФ; 2) выявление особенностей переживания и восприятия собственного опыта комбатантами и их военной повседневности на основе интервью с участниками боевых действий в Афганистане (1979–1989 гг.) и на Северном Кавказе (1994–2000-е гг.).

2. Материалы и методы

При подготовке статьи был направлен соответствующий запрос в республиканский военный комиссариат, что позволило получить справочные сведения о численности участников боевых действий, проживающих в настоящее время в Калмыкии. Основным источником для анализа повседневной жизни калмыцких комбатантов и особенностей их репрезентации в памяти очевидцев стали интервью, проведенные одним из авторов с жителями Калмыкии — участниками боевых действий в Афганистане и на Северном Кавказе. Выбор представителей указанных групп респондентов определялся уже тем, что это наиболее крупные совокупности участников боевых действий, проживающих в республике. Ограниченное количество нарративов (использованы материалы 4 интервью, записанных в 2018 г.) не позволяет считать их репрезентативными для представлений всего спектра мнений калмыцких комбатантов, но такая задача и не ставилась авторами. Проблемно-постановочный характер статьи обусловил использование нарративов в качестве конкретных кейсов переживания прошлого участниками боевых действий. Авторы обращались и к другим материалам, представленным в СМИ и в открытом доступе.

При реализации поставленных цели и задач авторы опирались на системный и комплексный подход в изучении вопросов участия жителей Калмыкии в позднесоветских и постсоветских вооруженных конфликтах, выразившийся

в стремлении рассмотреть их с использованием разных исследовательских методов и доступных в настоящее время источников. Сравнительно-исторический метод позволил сопоставить опыт участия в различных вооруженных конфликтах разных жителей Калмыкии. Наряду с традиционным источниковедческим анализом в ходе сбора и изучения источников применялись статистический методы.

3. Жители Калмыкии — участники позднесоветских и постсоветских вооруженных конфликтов: статистический анализ

После Второй мировой войны советские военнослужащие и гражданские специалисты принимали участие в оказании военной и военно-технической помощи многим странам в Европе, Азии, Африке и на Ближнем Востоке. В приложении к Федеральному закону «О ветеранах» от 12 января 1995 г. приводится перечень из 32 военных кампаний и вооруженных конфликтов на территориях Китая, Венгрии, Алжира, Египта, Йемена, Вьетнама, Сирии, Анголы, Мозамбика, Эфиопии, Афганистана, Камбоджи, Бангладеш, Лаоса, Ливана, а также в районах острова Даманский и озера Жаланашколь, в которых участвовали граждане СССР [Федеральный закон 1995]. Распад СССР сопровождался новой волной вооруженных конфликтов практически на всем постсоветском пространстве, наиболее острые из которых происходили на Кавказе. Во втором десятилетии XXI в. российские граждане участвовали и продолжают участвовать в конфликтах на территории Юго-Востока Украины (с 2014 г.), Сирии (с 2015 г.), а также в специальной военной операции (далее — СВО, с 2022 г.). Участники боевых действий в составе подразделений Министерства обороны СССР / РФ и других государственных структур стоят на учете военных комиссариатов (в отличие от лиц, воевавших в качестве добровольцев или наемников), что позволяет получить документальные подтверждения их численности.

В настоящее время в Республике Калмыкии по сведениям, предоставленным республиканским военным комиссариатом, проживает 2 329 участников боевых действий (см. табл. 1).

Таблица 1. Сведения о количестве ветеранов боевых действий, проживающих в Республике Калмыкии [Письмо военного 2023]
[Table 1. Data on combat veterans residing in the Republic of Kalmykia (Russia)]

Вооруженные конфликты	Количество участников
Боевые действия в Египте (1962–1975 гг.)	1
Боевые действия во Вьетнаме (1961–1974 гг.)	1
Боевые действия в Афганистане (1978–1989 гг.)	387
Боевые действия в Республике Таджикистан (1992–1997 гг.)	1
Боевые действия в Чеченской Республике (1994–1996 гг.)	269
Боевые действия на территории Северного Кавказа (с 1999 г.)	1 554
Боевые действия на территории Южной Осетии (2008 г.)	89
Боевые действия на территории Сирийской Арабской Республики (с 2015 г.)	27
Итого	2 329

Приводимые сведения свидетельствуют о значительных диспропорциях в распределении численности участников боевых действий между различными вооруженными конфликтами, отражающих и характер самих конфликтов, и степень вовлеченности в них советских и российских граждан. В настоящее время в Республике Калмыкии проживает всего по 1 участнику боевых действий в Египте и Вьетнаме, где советские военнослужащие выполняли в основном функции военных советников и других специалистов. Среди бывших советских комбатантов, разумеется, преобладают участники боевых действий в Афганистане. Но их доля в общей численности всех участников боевых действий в Республике Калмыкии в настоящее время составляет всего 16,6 % и продолжает сокращаться. Это связано как с расширением числа вооруженных конфликтов, в которых принимают участие уроженцы Калмыкии, так и с естественной убылью бывших «афганцев» вследствие постепенного ухудшения состояния их здоровья. С. Б. Л.¹ вспоминал, что прежде в Калмыкии насчитывалось 860 человек, прошедших через Афганистан, из которых «осталось где-то 360–380 человек», «остальные умерли» [ПМА 2018: Инф. 3]. В 2004 г. в Республике Калмыкии проживали 509 «афганцев» [Эрендженова 2004]. Через три года, в 2007 г., начальник отделения морально-психологической и информационной работы военного комиссариата Республики Калмыкии подполковник В. В. Лукьянченко отмечал: «По линии Министерства обороны 495 наших земляков воевали в Афганистане» [Когда вернись 2007: 4]. Всего по опубликованным в СМИ сведениям с 1979 по 1989 гг. прошли военную службу 2 340 уроженцев Калмыкии [Калмыкия помнит]. Очевидно, что доля призывников Калмыкии, прошедших через Афганистан, была достаточно высокой — от 1/5 до 1/3 (хотя в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане (далее — ОКСВА) служили, конечно, не только призывники, но и офицеры, а также сверхсрочники).

Официально считаются погибшими в Афганистане 15 жителей Калмыкии. Все они относятся к призывному составу: 11 рядовых, 2 младших сержанта и 2 сержанта срочной службы, в возрасте 18–20 лет. Погибшие имели разные воинские специальности (водители, пулеметчики, минометчики, мотострелки, саперы). Все были удостоены посмертно государственных наград СССР: 14 человек — ордена Красной Звезды, 2 — медали «За отвагу», по 1 — медалей «За боевые заслуги», «Воину-интернационалисту» и медали «От благодарного афганского народа» [Когда вернись 2007: 9–47]. Значительно большее количество жителей Калмыцкой АССР вернулись из Афганистана домой с боевыми наградами. Среди них Герой Советского Союза — командир вертолетной эскадрильи, военный летчик-снайпер, подполковник, позже — генерал-лейтенант В. Н. Очиров [Когда вернись 2007: 4]. Орденами Красного Знамени и Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» был награжден И. В. Дораев [Илишкин, Очиров 1999: 4]. Приводимые общие сведения о наградах жителей Калмыкии за участие в боевых действиях на территории Демократической Республики Афганистан [Когда вернись 2007: 48–51] нуждаются в уточнении вследствие не только встречающихся противоречий, но и случаев более поздних награждений. Так, 29 сентября 2023 г. семье подполковника З. И. Чимидова (1961–2003 гг.) был вручен орден Афганистана «За храбрость»,

¹ Здесь и далее в целях сохранности персональных данных приводятся только инициалы (фамилия, имя, отчество).

которого он был удостоен еще в 1988 г., но своевременно не получил. Одновременно медалью «За отвагу» был награжден его однополчанин — механик-водитель боевой машины пехоты В. Л. Мехтахов [Бевинов 2023].

Согласно данным военкомата, из ныне живущих в регионе 1 житель Калмыкии принимал участие в боевых действиях в Республике Таджикистан, главную роль в которых играла 201-я мотострелковая дивизия со средствами усиления Вооруженных Сил РФ, 27 человек — в боевых действиях на территории Сирии, 89 человек — Южной Осетии. Некоторые из них также были отмечены боевыми наградами. Например, командир отделения разведки Б. Цандыков¹ после командировки в Южную Осетию был награжден Георгиевским крестом IV степени [Житель Калмыкии 2010].

По словам одного из очевидцев: «С Донбасса многие вернулись» [ПМА 2018: Инф. 3]. Но сколько именно, определить сложно, поскольку российские граждане участвовали в этом вооруженном конфликте в основном на добровольной основе, и в военкомате отсутствуют соответствующие данные. Численность жителей Калмыкии, участвующих в СВО, также пока неизвестна уже в силу продолжения операции и необходимости соблюдения соответствующих норм. В СМИ и социальных сетях публикуется только информация об отдельных участниках, совершенных ими подвигах, наградах и/или их гибели.

Подавляющее большинство всех комбатантов Калмыкии — 1 823 человека или 78,3 % — принимали участие в боевых действиях во время вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики и контртеррористической операции (далее — КТО) на Северном Кавказе. В отличие от «афганцев» численность данной группы комбатантов немного выросла, по сравнению с 2007 г., когда В. В. Лукьянченко указывал 1 802 человека, воевавших на территории Чеченской Республики [Когда вернусь 2007: 4], что объясняется, видимо, продолжавшимися после 2007 г. командировками в зону КТО. Погибшими в 2007 г. указаны 44 человека [Когда вернусь 2007: 54–55], различающихся по своему возрасту, профессиональному статусу (от рядовых и младших командиров срочной службы — до офицеров Министерства обороны, Министерства внутренних дел и Федеральной службы безопасности РФ) и воинской специальности (мотострелки, летчики, водители, связисты и др.). По оценкам С. Б. Л., в 2018 г. количество погибших на территории Чеченской Республики превышало 70 человек [ПМА 2018: Инф. 3]. Звания Героя Российской Федерации были удостоены майор Н. У. Баиров (посмертно), старший сержант З. А. Даудов (посмертно), подполковник милиции Б. А. Гиндеев, подполковник милиции М.-К. Гайирханов (посмертно), капитан М. В. Лиджиев (посмертно). Приводимые сведения о потерях и наградах [Когда вернусь 2007: 57–165] на настоящий момент также нуждаются в уточнении.

4. Превращение в комбатантов: особенности адаптации к воинской службе во время боевых действий

Основная масса жителей Калмыкии — участников боевых действий в Афганистане и на Северном Кавказе — проходила службу по призыву. Представляют определенный интерес вопросы превращения вчерашних школьников, вырос-

¹ В публикации отчество не указано.

ших в стране, одним из главных лозунгов развития которой было стремление к миру, и в большинстве своем у участников боевых действий, не имевших ни трудового, ни другого опыта взрослой жизни.

Опубликованные материалы и записанные интервью позволяют считать, что призывники попадали в Афганистан после прохождения подготовки, продолжавшейся от 3 до 6 месяцев, качество которой зависело от рода войск и от уровня организации учебы в воинской части. Многие (но не все) проходили подготовку в частях Среднеазиатского военного округа, в приближенных к афганским условиях. Так, командир саперного отделения О. Б. Доржиев прошел школу сержантов с октября 1985 г. по апрель 1986 г. в Ашхабаде [[Когда вернусь 2007: 34](#)]. В то же время С. В. Громов получал специальность старшего мастера по ремонту стрелкового вооружения с июля по ноябрь 1986 г. в г. Новочеркасске [[Когда вернусь 2007: 26–27](#)].

Более высокий уровень боевой и физической подготовки отличал попавших служить в воздушно-десантные войска (далее — ВДВ). Среди них и С. Б. Л., проходивший подготовку с апреля по август 1984 г. в учебном центре в г. Фергане Узбекской ССР [[ПМА 2018: Инф. 3](#)]. Позже он признавал: «Тут надо сказать спасибо тем командирам, которые были в учебке. Когда в Афганистан попал, я часто их вспоминал. Там все, кроме сержантов, офицеры все были афганцы. И вот, они все время мне говорили: „Здесь будет тяжело, мы будем вас так гонять, как в Афганистане“. „Зато туда приедете, какой бы меня — говорит — какой бы сволочью ты меня не считал, а там в Афганистане ты меня будешь благодарить“. Оно так и вышло» [[ПМА 2018: Инф. 3](#)].

Немаловажным было и то, как встречали пополнение в частях, с каких событий начиналась служба, какие выстраивались неформальные отношения внутри воинского коллектива. Очевидцы отмечают, что в условиях совместного выполнения боевых заданий в Афганистане не было «дедовщины», широко распространенной в это время в других частях Советской армии. Более опытные военнослужащие стремились опекать молодежь, только прибывшую из СССР. По словам С. Б. Л.: «Через неделю я пошел на боевые сразу <...> По разведданным сказали — банда шла туда грабить кишлак. Мы туда сунулись и не нашли их, они ушли в другой кишлак <...> мы следом, до ночи догоняем, уже к утру к кишлаку приблизились, а эта банда зашла уже туда <...> Мне сразу старослужащие говорят: „Ты держись возле нас“. Я же молодой, еще не знаю, как, чего: „Это сейчас у нас будет в кишлаке почти рукопашный бой. Смотри, не бойся, стреляй, бей их“ <...>. В общем, бой сильный, и потом у меня по 5 копеек глаза были. Первый раз в жизни я вот это все увидел. Потом ребята мне говорят: „Ну, и что? — Да, ничего, нормально“. Там, где-то сутки не мог спать, столько увидел, и убитых, и все» [[ПМА 2018: Инф. 3](#)].

Прошедшему настоящую боевую школу Афганистана десантнику С. Б. Л., продолжившему после демобилизации службу в органах внутренних дел (далее — ОВД), было проще адаптироваться и к условиям боевых действий в ходе нового вооруженного конфликта, чем тем, кто не имел такого опыта. Это понимали руководители ОВД республики, предложившие ему перейти с должности участкового в отряд специального назначения (далее — спецназ): «Ты же афганец, десантник, награды имеешь, кроме тебя, не может никто, нету у нас таких ребят здесь, так что принимай [должность] командира отделения» [[ПМА 2018: Инф. 3](#)].

В 1995 г. старший прапорщик С. Б. Л. в составе сформированного в Калмыкии отряда спецназа из 11 человек был направлен на территорию Чеченской Республики. Не послушавшись начальства, предложившего взять боекомплект «по 5 магазинов, там 120 патронов — с собой берите и езжайте, там вам все [остальное] выдадут», приказал загрузить в автобус все вооружение и боеприпасы, которые группа только могла унести, проведя необходимый инструктаж с другими бойцами, «не нюхавшими пороху»: «И каждому раздал по 6 гранат: „...запал не закручивайте, все при себе держите, когда уже приедем в назначение, там уже скажу, как, что закручивать“» [ПМА 2018: Инф. 3]. Афганский опыт позволил выполнить поставленные задачи и вернуться домой, сохранив и свою жизнь, и жизни товарищей, которым было сложнее воспринимать происходившие жестокие события. К врезавшимся в память наиболее тяжелым впечатлениям относится вид улиц г. Грозного в 1995 г., на которых после неудачного штурма некоторое время оставались не убранными останки российских военнослужащих, жителей и боевиков: «Трупы лежат, у меня ребята некоторые плакали! Идем по улице, они плачут <...> Очень много трупов было вообще. Ну, я как бы видеть-то видел [такое] в Афганистане, а мои ребята шли бледные». С. Б. Л. успокаивал сослуживцев, как мог: «Вот, видите ребят, вот так война бывает <...> Надо жить, чтоб такой войны не было. Запоминайте и рассказывайте своим детям, что видали такое <...> чтоб не было такой войны» [ПМА 2018: Инф. 3].

Сотрудник Управления по борьбе с организованной преступностью (далее — УБОП) Министерства внутренних дел (далее — МВД) Республики Калмыкии В. О. Ч. также считал: «В моральном и физическом плане я был подготовлен» [ПМА 2018: Инф. 4]. В этом сыграли свою роль не только срочная служба в армии, военная кафедра Калмыцкого государственного университета, но и соответствующая спортивная и специальная подготовка: «...так как наша служебная обязанность — работа с вооруженными преступниками, мы тренировались много с оружием, [отрабатывали] захваты зданий» [ПМА 2018: Инф. 4]. В 1995 г. В. О. Ч. был направлен в составе объединенного отряда УБОП Южного федерального округа (в том числе из Калмыкии — 8 сотрудников) на территорию Чеченской Республики [ПМА 2018: Инф. 4].

Очевидно, что приводимые примеры — скорее, положительные исключения, а большинству призывников было очень сложно адаптироваться к вооруженному конфликту. Операции Вооруженных сил РФ и других силовых ведомств по восстановлению конституционного порядка на первом этапе вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики (1994–1996 гг.) оказались недостаточно подготовлены в оперативно-тактическом, материально-техническом, информационно-психологическом отношениях и сопровождалась значительными потерями. Более высокий уровень подготовки, проведения и обеспечения операций характеризует второй этап вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики и КТО (1999–2000-е гг.), хотя и здесь многое зависело от конкретных формирований, в которых довелось служить жителям Калмыкии.

Так, Е. Г. Б. принял участие в боевых действиях на территории Северного Кавказа в составе подразделения известной 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, дислоцировавшейся в г. Пскове, отслужив в ней до этого год. По его словам, у военнослужащих спрашивали согласие на отправку в зону боевых

действий. На построении командир 234-го гвардейского парашютно-десантного полка подполковник (в настоящее время — генерал-полковник, командующий ВДВ РФ), Герой Российской Федерации Ю. М. Теплинский заявил: «Кто хочет, тот поедет, никого не будем заставлять». Те, кто согласился, а это были далеко не все военнослужащие, прошли дополнительную подготовку и прибыли на Северный Кавказ в порядке плановой замены другого подразделения дивизии [ПМА 2018: Инф. 1].

Еще более серьезную подготовку прошел Ч. Н. Д., по окончании в г. Омске 242-го учебного центра подготовки специалистов в ВДВ попавший в г. Москву в 901-й батальон 45-го полка спецназа. По его словам: «У нас в командировку военнослужащих не отправляли, пока не пройдут полугодовую подготовку. А полгода готовили в зоне вооруженных конфликтов. И военнослужащий ехал подготовленный. У нас все были подготовленные, начиная от повара, заканчивая командиром отряда. Может где-то допускалось, у нас — нет». Сравнивая занятия в гг. Омске и Москве, он отмечал: «Если в Омске все абстрактно так: может, будет [занятие], может, нет — пойдете территорию убирать. А в спецназе было строго. Там подходишь и знаешь, чем ты будешь жить неделю. Уже на выходных вывешивается расписание на следующую неделю. В спецназе очень мало случайных людей. Не за деньги, за идею больше» [ПМА 2018: Инф. 2].

5. Условия, срок и характер службы

Военнослужащие, прибывшие в Афганистан для прохождения срочной службы, как правило, оставались там до ее окончания. Природные условия театра боевых действий резко отличались от тех, к которым привыкли советские граждане, в том числе и жители Калмыкии. По словам С. Б. Л.: «Я же в степях [привык], а тут — горы, пальмы, тут же апельсины, бананы, обезьяны бегают — не пойму, куда я попал! А Джелалабад считался субтропики. Жара была в августе, я приехал, в тени было 73 градуса по Цельсию! Жара, но как-то терпимо мне, степняк же, а ребята говорят — куда мы попали? Вот так, воды хотят все, потница идет, в общем, тяжело было, кто не привык» [ПМА 2018: Инф. 3].

Входивший в состав 66-й отдельной мотострелковой бригады десантно-штурмовой батальон, в котором служил С. Б. Л., размещался в палаточном городке: «Одноместные палатки, и вот в этих палатках мы жили, все два года так и прожили там» [ПМА 2018: Инф. 3]. Вместе с товарищами он участвовал во многих боях: «Людей не хватало, потери были большие. Участвовали почти во всех операциях, которые по Афганистану шли, начиная от Кабула, вдоль Пакистана, по горам» [ПМА 2018: Инф. 3]. Во время одной из операций за сутки боя из роты, насчитывавшей 84 человека, «осталось 6 человек», которые, «как могли, отходили, друг друга прикрывали, ползком». После пополнения подразделение продолжало принимать участие в интенсивных боевых действиях: «Еще бои, и опять потери, вот так, потихоньку, по 3, по 4, по 5 человек теряли, где 15» [ПМА 2018: Инф. 3]. Помимо ранений и контузий, донимали специфические для Афганистана заболевания: «Я как-то думал, уже после службы, наверное, не вернусь домой: такие бои проходили, вообще, каждый раз. Два раза контужен был, потом болезни эти всякие: желтуха, малярия, тиф» [ПМА 2018: Инф. 3].

Бои в горах Афганистана требовали значительной выносливости: «У меня получалось где-то около 50 кг носить на себе» [ПМА 2018: Инф. 3]. В основном это было вооружение и боеприпасы: «Потому что никто тебе не даст. Опять же, если запрашивать вертолет — то туман, то нелетная погода в горах и все. И тебе никто это не поставит. И берешь сухпай на сутки потому, что больше не возьмешь» [ПМА 2018: Инф. 3]. С продовольствием еще как-то можно было обойтись за счет «подножного корма». Иногда удавалось поймать отбившуюся от отары овцу, «там быстренько на костре ее пожарил, солью засыпал, покушал и сытый. Где-то фруктами там, в это ущелье заходим, там растут гранаты, груши, орехи, фундуки всякие, ими питаешься. Бывает, муку найдем, с муки лепешки сделаем» [ПМА 2018: Инф. 3]. В качестве сухого пайка брали «маленькие сгущенные банки, штук 7 их берешь, потом сладости обязательно нужны», сахар, заварку, сигареты, пару банок рыбных консервов, паштет и тушенку «и небольшие такие шоколадные конфеты, штук 6 положишь туда. Захотел — съел ее, она как-то дает тебе тонус. На сутки берешь и пачку сухарей, 2,5 л воды — все, и идешь». Для обеззараживания воды использовались таблетки пантоцида. «А остальное все вооружение <...> боеприпасы не возьмешь — все! Кто тебе там даст?» [ПМА 2018: Инф. 3].

В Чеченской Республике не было такой высокой разницы в перепаде температур, как в Афганистане, но российские военнослужащие сталкивались здесь с другими трудностями: «Постоянно сыро, грязь, весна же, дождь идет, мокро, сыро. Приходишь, мы все грязные, как это самое, извалялся весь. Утром возьми вещь какую, в грязи поваляй, вытащи и одень на себя <...> грязь везде» [ПМА 2018: Инф. 3].

Похожие впечатления остались и у Е. Г. Б., попавшего в Чеченскую Республику во время второго этапа вооруженного конфликта: «...не сколько холодно, сколько было... грязь. Да, такой грязи я не видел нигде, в общем-то даже вот у нас <...> Это глина вообще — это был кошмар» [ПМА 2018: Инф. 1]. Его часть размещалась в палаточном городке, включая «бани, кухни — все это было в палатках» [ПМА 2018: Инф. 1]. С соблюдением санитарно-гигиенических норм существовали сложности, однако командование части стремилось их решать по мере возможности: «Руки помыть, конечно, были умывальники. Ну, когда дождь шел, там было легче. Конечно, резервуары мы вырыли уже, собирали дождевую [воду], плюс были резервуары для питьевой воды — это были такие резиновые емкости, их на танке привозили и нам скидывали» [ПМА 2018: Инф. 1].

Немаловажный вопрос солдатского быта — организация питания. Е. Г. Б. считает, что их «кормили, в общем-то, хорошо», тем более, что он и его товарищи «год отслужили, уже привыкли», поэтому для них это была «нормальная еда, все ели: <...> каша, перловка, рыба. Так, иногда отказываешься от рыбы, просто чай попьешь» [ПМА 2018: Инф. 1]. Сухой паек «выдавали, когда выходили куда-то там надолго, на 7 суток, на 5 суток. Так что с этим перебоев не было, единственное, что при переходах с водой были проблемы, с чистой, питьевой. Фляг своих не хватало» [ПМА 2018: Инф. 1]. В целом же, по утверждению респондента, его «часть была хорошо оснащена. Нам выдали новое обмундирование, два комплекта, зимнее, летнее, по-моему, два летних и одно зимнее. Там вплоть до свитеров, перчаток, шапок» [ПМА 2018: Инф. 1].

Разумеется, важно учитывать срок пребывания в зоне боевых действий и характер выполняемых заданий. В отличие от военнослужащих-срочников Министерства обороны РФ, сотрудники МВД приезжали в Чеченскую Республику в командировки. «Мы ехали на 45 дней», — вспоминал свою первую командировку В. О. Ч., в ходе которой он со своей группой попал в окружение и принял жестокий бой на вокзале Гудермеса [ПМА 2018: Инф. 4]. Размещался он с группой в железнодорожном вагоне: «Жили прямо на вокзале. Поезд стоял на запасном пути <...>. Поставили вагоны параллельно, и в вагонах мы жили» [ПМА 2018: Инф. 4]. Снабжение, по словам В. О. Ч., было «штатное», особенно запомнились бронежилеты «ярко-синего цвета», хорошо заметные на снегу, весом в 16 кг: «А мы и десять дней ходили». Тем не менее, респондент считает, что по сравнению с частями Министерства обороны РФ: «По экипировке мы [были] одеты, обуты лучше всех» [ПМА 2018: Инф. 4].

После этого в 1996–1999 гг. у В. О. Ч. были краткосрочные командировки в Чеченскую Республику на 2–3 дня, связанные с сопровождением грузов («у нас называется — гуманитарную помощь везти» [ПМА 2018: Инф. 4]). И в 1999 г. оказалась самой длительной командировка, первоначально планировавшаяся на срок до трех месяцев: «Товарищ мой уговорил приехать с ним, [хотя] я сказал, что больше туда ни ногой». Ее условия отличались от предыдущих: «Наши стояли в степи, и мы поехали впятером менять, на замену наших, там человек десять. Там обустроено все — палатки, они там три месяца жили. Группировка — 800 спецназовцев. Приехала в село — зачистили, уехали, за село поехали — зачистили. Больших операций не было» [ПМА 2018: Инф. 4]. В лагере вставать приходилось рано: «Это зима же была, у нас подъем был в четыре утра. Представляете, что такое в четыре утра зимой? Ты должен встать, экипироваться, загрузить КамАЗ, у нас был свой, „Мухи“¹ туда, вооружение. Одеться, что-то позавтракать. Но военный же человек, [понимаешь, что, если будет] ранение, [надо], чтобы желудок был чистый. Чайку, туда-сюда и поехали на КамАЗе. Мороз, в полудреме. Выгружаемся, в пешем порядке на позицию. Рассвело, перебежки. Стемнело, опять. Приехали, поели, отбой. Обычно, если со всех взять, по 5–6 человек убивало. Если кто-то погиб, выходят все палаткой, по рожку [выпускают]. Чтобы кто-то узнал, что погибли. Выпили за них. И думаешь: „Хоть бы за тебя не выпили вечером“» [ПМА 2018: Инф. 4].

Эта командировка совпала с подготовкой ко второму штурму г. Грозного. Поскольку милиционеры предназначены выполнять другие служебные обязанности, от них потребовали дать добровольное согласие на участие в войсковой операции: «Приходит наш командир и говорит: „Надо писать рапорта“». Но согласие дали не все: на утреннем построении из 800 человек «шаг вперед делает 75 человек» [ПМА 2018: Инф. 4]. В результате командировка продлилась до начала марта 2000 г. Бои за город сопровождалась тяжелыми физическими нагрузками: «В бою мы бронежилет не одевали. В Грозном, когда были, на тебе и так 40 кг было, двадцать магазинов, десять гранат ручных, десять подствольных гранат <...>. Мы готовы были на пять дней. Поэтому должно быть 1,5 тысячи патронов. И у каждого „Муха“ с собой, и ты, как маленький танк, должен бегать еще» [ПМА 2018: Инф. 4].

¹ Реактивные противотанковые гранаты РПГ-18, принятые на вооружение Советской армии в 1972 г.

Командировки спецназовца Ч. Н. Д. были более длительными, продолжались по пять месяцев с выполнением специфических задач: «Задача у спецназа — это шерстить лес, искать их [боевиков] базы, перевалочные базы, тренировочные центры, и когда проводятся войсковые операции, садиться на местах, где скорее всего будут выходить боевики. Не всегда поступает информация, когда они выйдут, за продуктами, например, тогда наши уже посматривают, как правильно провести засадные действия. Командир принимает решение, где сесть, как сесть» [ПМА 2018: Инф. 2]. При этом он очень высоко оценивает уровень оснащения своего подразделения всем необходимым, а также организацию питания и снабжения: «Мы были одеты, обуты, накормлены, я считаю, лучше всех» [ПМА 2018: Инф. 2]. Вооружение было отечественным, «а экипировка за счет спонсоров. Очень много компаний выходило на наше командование. Спрашивали мнение, и на основании мнений наших военнослужащих делали поправки. Где-то мы не гнушались покупать иностранное» [ПМА 2018: Инф. 2].

Воспоминания участников боевых действий позволяют считать, что взаимодействие войск в Афганистане было лучше, чем на Северном Кавказе. По словам С. Б. Л., не было случаев, чтобы советские подразделения попадали под удары собственной артиллерии или авиации, за исключением случаев, когда они сами вызывали огонь на себя. Но и тогда летчики и артиллерийские наводчики уточняли координаты, чтобы дать возможность своим выйти из окружения: «Когда наводим на себя огонь, на себя просим, просишь их по рации стрелять — стреляет дымовыми [сначала]». Обстрел начинали уже после корректировки: «И они начинают бить. Это получается где-то 100–200 м от нас. И вот, они накрывают эту территорию полностью, артобстрел идет. И тот же наводчик нам по рации передает — все! И вот они останавливаются, и мы с группой поднимаемся, и в этом месте прорываемся и выходим» [ПМА 2018: Инф. 3].

Попытки группы, в составе которой оказался в окружении на вокзале Гудермеса В. О. Ч., скорректировать артиллерийский огонь оказались менее успешны: «Связываемся с артиллерией, чтобы оказали помощь, даем пристрелочные, и мы сидим в здании. Нам говорят: „Пристрелочный пошел“. А они в 7 км от нас, за городом. Дали залп. Понятие у артиллериста пристрелочный — один залп. И мы ждем, где он шарахнет. А тут нам в рацию кричат: „Десять пошло“. Как десять? Что такое — десять снарядов летит в город? Это же уму непостижимо! Мы слышим три взрыва, где еще семь? Потом еще залпы, залпы. „Отбой“, — говорим. Как корректировать такой огонь?» [ПМА 2018: Инф. 4]. Еще хуже, когда «танки подходят и начинают лупить, и ты боишься, чтобы не попали в тебя» [ПМА 2018: Инф. 4].

Спецназ, в котором служил Ч. Н. Д., не имел собственных средств усиления: «К нам была пригнана артиллерия мотострелковая. Если наши обнаруживали базу боевиков, подключалась артиллерия, если большая — то авиация» [ПМА 2018: Инф. 1]. По словам Ч. Н. Д.: «У нас такого не было, там в Первой [чеченской кампании] били по своим, потому что было большое сплочение войск и ошибки были» [ПМА 2018: Инф. 1]. Повысить уровень взаимодействия удавалось за счет выделения специального офицера, корректировавшего артиллерийский огонь: «... когда начинался бой, от нас выдвигался направлонец, они были рядом, на удалении 300 м. Туда выбегал офицер и на их командном пункте координировал направления» [ПМА 2018: Инф. 1].

6. Отношения с местным населением

Афганистан казался чужим для советских военнослужащих не только по природным условиям, но и по культурным традициям: «...честно сказать, это очень темные люди были <...> приходишь в этот кишлак: пашут — деревянные плуги». В то же время в магазинах продавались товары, которых не было в СССР: «Все есть в магазине! Вроде сарай-сарай, заходишь — магнитофоны такие, еще я таких в жизни не видел, тонкие такие, видео» [ПМА 2018: Инф. 3].

Несмотря на все различия, многие советские военнослужащие не считали все местное население враждебным. По словам С. Б. Л., «близлежащие к бригаде кишлаки, конечно, они за нас были. Если что, они нам говорили, что сегодня нас будут обстреливать, мы оттуда уходили» [ПМА 2018: Инф. 3]. В свою очередь советские военнослужащие оказывали гуманитарную помощь простым афганцам: «Завозили продукты, потому что горная местность, кишлаки не все могли выжить, потому что очень много душманов, граница рядом. И постоянные нападения на кишлаки, забирают продукты, скот, все. Ходят они с товарищами и говорят: „Мы не можем выжить в зиму, помогите нам!“. И вот, мы сахар, муку, макароны, что нужно там, передавали» [ПМА 2018: Инф. 3].

Большой неожиданностью для калмыков было узнать, что в Афганистане сохранились памятники Будде (разрушенные талибами в 2001 г.): «Сидим в вертолете, вот так летим <...>, и я просто в окно <...> смотрел: бах — Будда! Я вскакиваю, сразу подбежал к летчику: „Чуть-чуть притормозите, ну, тише летите, я хочу посмотреть, я буддист сам“ <...> я, конечно, в душе подобрел немножко, родители молятся по великим праздникам, я же тоже с родителями молился. Ну и, конечно, как тогда: „Помоги, сохрани его“, — попросил так его <...> „Вот это да — говорю — ребята. Надо же, я своего Будду вот здесь увидел в Афганистане“» [ПМА 2018: Инф. 3].

Не меньшее удивление, причем обоюдное, вызывали встречи военнослужащих-калмыков с монголоязычными хазарейцами в районе перевала Саланг. Лаганский краевед Л. Б. Музаев приводит воспоминания спецназовца П. Кукудаева и других советских военнослужащих, которым удавалось, благодаря общему с хазарейцами языку, решить стоявшие перед их подразделениями задачи, не нанося ущерба местным жителям: «Просьба старейшины была выполнена, и колонна советской техники благополучно преодолела перевал» ([Музаев 2022]).

Непростой была ситуация для многих российских военнослужащих в Чеченской Республике. Но некоторые понимали, что местное население, чеченцы — тоже россияне, оказавшиеся в сложных условиях военного времени, отделяли их от боевиков: «А против нас шли <...> в основном наемники» [ПМА 2018: Инф. 3]. Комбатанты стремились помогать жителям: «Тоже бывали такие случаи, где базировались мы, соберешь сухпай, конечно, солдаты нам давали, там, сухари остались, каша перловая. Я в мешок собираю, смотрю — там старики, дети вдоль дороги стоят. Ясно — кушать нечего. Куда он пойдет, старик с детьми? Я <...> приношу: „Возьмите, — говорю — детей покормите“» [ПМА 2018: Инф. 3]. Это не у всех однополчан встречало понимание: «Бывали там такие ребята, кричали: „Ты что, кому понес, боевикам что ли?“. Я говорю: „Кому, кому — старики и дети тут причем? Мы-то приехали их защищать“. И у нас спор такой заходил, они говорят: „Сейчас боевикам отнесут — Какой, боевикам? Ты подойди, по-

смотри, им самим кушать нечего. Какой там к боевикам? Детей кормить надо, стариков. — Их родители, значит, воюют против нас. — А ты где видел, чтобы молодежь ходила. Молодежь всегда пряталась, чтоб их не видели. Старики, дети, их кто тронет? Ходят, ходят. Про войну фильмы посмотри, так всегда было“» [ПМА 2018: Инф. 3].

О помощи чеченцам рассказывал и В. О. Ч.: «Заходили, видим семья в подвале. Идем — тушенку, этикетку „свинина“ оторвешь, даешь им» [ПМА 2018: Инф. 4]. Ч. Н. Д. подчеркивал, что с чеченским населением «проблем не было. Лояльно относились. Наоборот. Мы у населения покупали сигареты, сладости, колбасу ту же». Однако он признает: «Но все равно чувствовался негатив» [ПМА 2018: Инф. 1].

7. Выход из войны

Возвращение к прежней жизни для многих комбатантов осложняется посттравматическим синдромом. В настоящее время для них предусмотрены меры социально-психологической и медицинской реабилитации. Однако для участников боевых действий в Афганистане подобных мер не предусматривалось. Вернувшись домой и за два года резко повзрослевшим молодым людям приходилось самостоятельно решать эти вопросы.

По воспоминаниям С. Б. Л., когда он «домой приехал, еще неделю не спал. Не могу уснуть, дома все спят, я лежу, выйду на улицу, покурю, посижу, а мать выйдет и смотрит на меня и не поймет. А я на улице на скамейке сижу, на звезды смотрю и курю. Покурил, зашел на кухню, чай попил, опять вышел и сижу, на звезды смотрю. Ну, для меня это было как — я дома, все. Вспоминается все время Афганистан, потом уже спать хочется, заснул, просыпаюсь — потный весь и мать сидит. Я говорю: „Мам, ты что? — ты ночью кричал, воевал — говорит“» [ПМА 2018: Инф. 3].

С. Б. Л. упомянул и о сложностях преодоления посттравматического синдрома участниками боевых действий на территории Чеченской Республики: «...у нас ребята нервные после войны, психика нарушена, жалко тоже, и вот ходишь, бьешься там, там за них, некоторые спиваются, многие спились. Уже и „чеченцы“—ребята тоже спиваются, умирают. Жизнь не могут найти после всего этого, смысла не видят жизни» [ПМА 2018: Инф. 3].

Е. Г. Б. отметил, что не проходил никакой реабилитации, а в вопросе «выхода из войны» руководствовался словами своего замполита, который сказал: «Принимайте как один и все, и забываете все. Выбрасывайте один день. Живите одним днем и все!» [ПМА 2018: Инф. 1].

Тем не менее отдельные участники боевых действий на территории Северного Кавказа проходили реабилитацию. По словам В. О. Ч.: «Мы вернулись, нас положили всех на реабилитацию <...> Здесь, у нас есть стационар <...>, полный курс лечения. Сон-то потерян. Пришли все — желудок пустой, язва. Нас привезли, и мы через три-четыре дня дома ночевали все. Нас встречали, спиртное — это дает как-то уснуть. А дома с криками, охами — не уходит же быстро все. У нас министр был Бакланов¹, он сказал: „Собрать всех, положить“» [ПМА 2018: Инф. 4]. Но это касалось не всех.

¹ Бакланов Эрдни Улюмджиевич (1944–2001 гг.) — генерал-майор милиции, в 1990–2000 гг. — министр внутренних дел Республики Калмыкия.

8. Осмысление вооруженных конфликтов и своего участия в них

Нарративам участников боевых действий, как и многим другим воспоминаниям, нередко присуще стремление к самооправданию. В значительной степени оно выступает еще и в качестве ответа на критику, которой подвергались действия Советского государства в Афганистане и Российской Федерации на Северном Кавказе, широко звучавшую в СМИ и порой переносимую на самих комбатантов, которые выполняли свой воинский долг, не вдаваясь в особенности принятия политических решений. Как и многие другие военнослужащие ОКСВА, С. Б. Л. не разделяет подобной критики: «Мне даже такие вопросы задают в наше время: „А Вы знаете, что в Афганистан неправильно было, что послали [советские войска]?“ — мне как-то тоже обидно становится» [ПМА 2018: Инф. 3]. Как и прежде, он считает: «Это ж политика была. Мы защищали южные рубежи. Я думаю, что наши войска, действительно, правильно зашли. Потому, что [шла] холодная война, а возле границ уже, как нам объясняли <...>, какие-то ракеты [американцы могли поставить]» [ПМА 2018: Инф. 3].

Подобные оценки присущи и в отношении действий на территории Чеченской Республики: «Обязанность наша была охранять целостность и сохранность Российского государства», — утверждает С. Б. Л. [ПМА 2018: Инф. 3]. «Я выполнил свой конституционный долг, решал поставленные передо мной задачи», — считает В. О. Ч. [ПМА 2018: Инф. 4]. Однако в его воспоминаниях острее выражено восприятие противоречий между тем, как выглядит война в реальности и на телеэкране: «А потом смотришь Сирию, и думаешь, почему у нас нельзя так» [ПМА 2018: Инф. 4].

Немаловажное значение имеет и рефлексия по поводу того, что дало участие в вооруженных конфликтах их участникам. Как правило, они подчеркивают, что воевали не за награды, которые к тому же не всегда до них доходили: «Был много раз представлен к награде, получил одну награду только — медаль „За отвагу“» [ПМА 2018: Инф. 4]. Ч. Н. Д. подчеркнул при этом еще и национальные воинские традиции, позволившие ему преодолеть все тяготы службы: «Да и мы же калмыки-воины. Служба в спецназе очень сложная. И физически, и морально. И хлеб очень тяжелый» [ПМА 2018: Инф. 2].

По словам С. Б. Л., Афганистан ему дал возможность сформировать ту систему ценностей, которую он продолжает разделять, благодаря чему он «в жизни все понял, что такое дружба, потеря друзей, вот это все» [ПМА 2018: Инф. 3]. Особой ценностью для «афганцев» стал их воинский коллектив, что выразилось, в том числе, в нежелании покидать его даже в случае ранения или болезни, напоминаясь подобные отношения и в годы Великой Отечественной войны [Кринко 2022: 43]. Попавший в госпиталь С. Б. Л., которому полагался отпуск домой после лечения, сбежал и попросил помочь ему добраться в свою часть знакомого лейтенанта: «И я его увидел, узнал, он бородатый был, подошел, говорю: „Джелалабад? — Джелалабад — Возьми меня, я сбежал из госпиталя“». Показательно, что эта просьба нашла понимание у офицера — медицинского работника: «А он сам медик: „Какой разговор, братишка“, — говорит. Взял, записал меня, я же без документов, сел с ними на самолет, долетели до Кабула, там полетели в бригаду» [ПМА 2018: Инф. 3]. Так же вели себя, по его словам, и другие однополчане: «А обычно наши ребята стараются вернуться все всегда.

Что случится — я обязательно вернусь, хоть раненый, к ребятам. Болею — по-лечусь, и я вернусь к вам» [ПМА 2018: Инф. 3].

Отношения с членами военного коллектива продолжали поддерживать и после демобилизации, хотя жизнь, конечно, раскидала бывших «афганцев» по разным местам и сферам жизни: «...связь поддерживаем, знаем, кто, где находится. Кто за границей, кто по всей России. На Украине тоже однополчан очень много». Только события последних лет заставили прекратить отношения: «Да, связи сохранились, но, как бы, сейчас видите, что творится, мы не общаемся» [ПМА 2018: Инф. 3].

В отличие от «афганцев» участники боевых действий на территории Северного Кавказа не склонны поддерживать между собой такие отношения и часто обращаются к пережитым ими трагическим событиям. По словам В. О. Ч.: «Я их не забыл, но стараюсь не вспоминать. Когда их начинают ворошить, говорю: „За-чем?“». Если толпой собираемся, начинаем вспоминать, я потом уже останавливаю всех. Ничего там интересного нет» [ПМА 2018: Инф. 4]. С этим нередко связан и отказ от проведения интервью, с которым порой приходилось сталкиваться авторам статьи. Е. Г. Б. также отмечал, что «чем дальше живешь, тем реже» вспоминаешь свое участие в вооруженном конфликте [ПМА 2018: Инф. 1]. Собственное объяснение этому дал Ч. Н. Д.: «Воевать с врагом на своей территории — это один момент, а тут чеченцы были объявлены вне закона. Но это же неправильно. Чем отличалась Первая Чеченская война от Второй? Первую военные не проиграли, ее проиграли политики. И мое мнение, что на начальном этапе была неправильно поставлена позиция. Там был вопрос о сепаратизме, хотя там был прямой вопрос о бандитизме. А Вторая уже была правильно поставлена. У военных была четкая задача и там было четкое обоснование: мы воюем с терроризмом, а не с чеченским народом. Контртеррористическая операция. Война идет с терроризмом, с бандитами» [ПМА 2018: Инф. 2].

9. Заключение

Собранные в ходе исследования источники позволяют представить предварительные результаты и выводы об участии жителей Калмыкии в вооруженных конфликтах позднесоветского и постсоветского времени. Сведения республиканского военкомата стали основой для выяснения их общей численности и распределения по отдельным вооруженным конфликтам второй половины XX – начала XXI вв. Большинство составляют участники боевых действий на Северном Кавказе (1994–2000 х гг.) и в Афганистане (1979–1989 гг.). По другим материалам удалось установить, что, во-первых, среди них преобладают лица, проходившие срочную службу в Вооруженных силах СССР / РФ, во-вторых, одни и те же комбатанты могли участвовать в разных военных компаниях. Это обуславливает необходимость дополнительных исследований, а также уточнения данных о потерях и награждениях комбатантов Калмыкии — суммарных и по разным военным кампаниям.

Проведенные с комбатантами интервью стали основой для изучения их опыта переживания прошлого, в ходе которого в рамках данной статьи были выделены несколько основных вопросов, к которым, конечно, не сводится все многообразие антропологических аспектов рассматриваемой темы. Первый из них заключается

в выявлении особенностей адаптации жителей Калмыкии к воинской службе во время боевых действий, самих обстоятельств их превращения в комбатантов, определявшихся не только качеством полученной военно-учебной подготовки и предшествующим опытом человека, но и характером самого вооруженного конфликта, в котором ему пришлось участвовать. Природные и социокультурные условия Афганистана воспринимались как «чужие» военными служившими ОКСВА, хотя в воспоминаниях о них могут присутствовать ностальгические чувства к боевым товарищам. Тем сильнее было потрясение калмыков, которым удалось увидеть памятники «своему» Будде или поговорить на родном языке с местными жителями. Другие сложности существовали для участников боевых действий в Чеченской Республике, связанные с восприятием данного вооруженного конфликта как внутреннего, происходившего на территории родной страны. Большинство респондентов рассказывает о своем стремлении различать непосредственных боевых противников (афганских моджахедов, боевиков и наемников на Северном Кавказе) от местных жителей, хотя среди их однополчан существовали и другие настроения. Пройти через специальную медицинскую реабилитацию удалось не всем, многим комбатантам пришлось самостоятельно преодолевать проблемы психологического выхода из войны, что вызвало нежелание обращаться к этой теме в последующем.

Тем не менее участие в вооруженных конфликтах было и остается одним из самых важных событий в памяти их участников. Одним из показателей этого является создание в республике региональных отделений всероссийских общественных организаций ветеранов боевых действий — Союза афганцев, «Боевого братства» и других. Их задачами является сохранение и увековечивание памяти о погибших участниках вооруженных конфликтов (в 2001 г. открыта памятная стела на Мемориальном комплексе героев Гражданской и Великой Отечественной войн), организация медико-социальной реабилитации для ветеранов боевых действий и оказание им других форм помощи [[Когда вернусь 2007: 166–167](#)].

Перспективным направлением дальнейших исследований можно считать проведение систематических опросов среди участников боевых действий и создание банка их воспоминаний. В первую очередь в уходящее поколение постепенно превращаются бывшие «афганцы», как представители самой старшей по возрасту группы комбатантов. В то же время СВО сопровождается новыми потерями среди участников как данной, так и предыдущих военных компаний, сокращающими численность потенциальных респондентов.

Полевые материалы авторов (ПМА)

- ПМА 2018: Инф. 1 — Информант Б. Е. Г., 1981 г. р. Элиста, Республика Калмыкия, 22 марта 2018 г. Продолжительность 85 мин. Интервьюер Е. Ф. Кринко.
 ПМА 2018: Инф. 2 — Информант Д. Ч. Н., 1984 г. р. Элиста, Республика Калмыкия, 20 марта 2018 г. Продолжительность 84 мин. Интервьюер Е. Ф. Кринко.
 ПМА 2018: Инф. 3 — Информант Л. С. Б., 1965 г. р. Элиста, Республика Калмыкия, 20 марта 2018 г. Продолжительность 180 мин. Интервьюер Е. Ф. Кринко.
 ПМА 2018: Инф. 4 — Информант Ч. В. О., 1970 г. р. Элиста, Республика Калмыкия, 20 марта 2018 г. Продолжительность 101 мин. Интервьюер Е. Ф. Кринко.

Authors' Field Materials (FMA)

- Informant 1: B. E. G., b. 1981. Rec. by E. Krinko on 22 March 2018 in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 85 min. (In Russ.)
- Informant 2: D. Ch. N., b. 1984. Rec. by E. Krinko on 20 March 2018 in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 84 min. (In Russ.)
- Informant 3: L. S. B., b. 1965. Rec. by E. Krinko on 20 March 2018 in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 180 min. (In Russ.)
- Informant 4: Ch. V. O., b. 1970. Rec. by E. Krinko on 20 March 2018 in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 101 min. (In Russ.)

Источники

- Письмо военного 2023 — Письмо военного комиссариата Республики Калмыкии № 4050 от 27.09.2023 [Сведения о количестве участников локальных конфликтов, призванных с территории Республики Калмыкии] // Текущий архив КалмНЦ РАН.
- Федеральный закон 1995 — Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=292874&fld=134&dst=100324,0&rnd=0.8672868930924771#07354750111383372> (дата обращения: 27.08.2019).

Sources

- Federal Law of 12 January 1995 no. 5-ФЗ on Veterans. On: CONSULTANT PLUS Law Assistant System. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=292874&fld=134&dst=100324,0&rnd=0.8672868930924771#07354750111383372> (accessed: 27 August 2019). (In Russ.)
- Letter of the Military Commissariat of Kalmykia (Russia) no. 4050 of 27 September 2023 [Information on the number of soldiers and officers from Kalmykia (Russia) who have participated in local conflicts]. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), current files. (In Russ.)

Литература

- Бевинов 2023 — Бевинов М. В Калмыкии награда нашла своего героя спустя 35 лет [электронный ресурс] // Тегин зянг (Степные вести). Сетевое издание. Республиканская интернет-газета. 2023. 29 сентября. URL: https://tegrk.ru/archives/181215?utm_source=yhnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 10.10.2023).
- Беликов 1965 — Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста: Калмиздат, 1965. 179 с.
- Бобров 2009 — Бобров Л. А. Военное дело и его эволюция в XVII–XVIII веках // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. С. 83–103.
- Бобров 2014 — Бобров Л. А. Калмыцкая конница в Русско-польской войне 1654–1667 годов. Вооружения, тактика, военная стратегия // Історія давньої зброї. Дослідження 2014: зб. наук. пр. Київ: Ін-т історії України НАНУ, 2014. С. 47–63.
- В годы 2003 — В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. 3-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 334 с.
- Войны и население 2019 — Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М.: РОССПЭН, 2019. 750 с.
- Воробьева 2022 — Воробьева В. Н. Количественный анализ сводной базы данных, извлеченных из книг «Память. Санл»: время, место рождения и призыва // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 4. С. 684–697.

- Житель Калмыкии 2010 — Житель Калмыкии награжден Георгиевским крестом [электронный ресурс] // Калмыкия-online. 2010. 21 июля. URL: <http://kalmykia-online.ru/news/1381?ysclid=lohi0a1akg925557107> (дата обращения: 15.09.2023).
- Илишкин, Очиров 1999 — *Илишкин Н., Очиров Н.* Афганский излом // Известия Калмыкии. 1999. 3 октября.
- Калмыкия помнит — Калмыкия помнит о событиях 30-летней давности! [электронный ресурс] // URL: <https://elista.bezformata.com/listnews/kalmikiya-pomnit-o-sobitiyah-30-letnej/72813646/?ysclid=lmfbn7iic8125647814> (дата обращения: 15.09.2023).
- Кичиков 1970 — *Кичиков М. Л.* Во имя победы над фашизмом. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 208 с.
- Когда вернусь 2007 — Когда вернусь... Поименный список, статьи и очерки об участниках локальных войн, погибших при исполнении воинского и служебного долга. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 191 с.
- Кринко 2022 — *Кринко Е. Ф.* Феномен фронтового товарищества в повседневности участников Великой Отечественной войны // Научная мысль Кавказа. 2022. № 3. С. 38–45.
- Максимов 2010 — *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2010. 406 с.
- Максимов 2014 — *Максимов К. Н.* Калмыки в Первой мировой войне // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. Т. 7. № 4. С. 20–26.
- Максимов 2015 — *Максимов К. Н.* Калмыкия и калмыки на защите Отечества (первая половина XX века). Элиста: Джангар, 2015. 348 с.
- Максимов 2017 — *Максимов К. Н.* Участие калмыков в составе донских казачьих военных частей в Русско-японской войне 1904–1905 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 2. С. 76–86.
- Максимов 2019 — *Максимов К. Н.* Участие калмыков в Первой мировой войне // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 36. № 3. С. 45–53.
- Максимов 2021 — *Максимов К. Н.* Труженики тыла Калмыкии — фронту. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. 256 с.
- Максимов, Очиров 2012 — *Максимов К. Н., Очиров У. Б.* Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: Джангар, 2012. 519 с.
- Музаев 2022 — *Музаев Л.* Встречи калмыков с хазарейцами [электронный ресурс] // Хальмг үнн (= Калмыцкая правда). Общественно-политическая газета. 2022. 8 сентября. URL: <http://halmgyunn.ru/13566-vstrechi-kalmykov-s-hazareycami.html> (дата обращения: 10.10.2023).
- Очиров 2006 — *Очиров У. Б.* Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: Джангар, 2006. 447 с.
- Очиров 2016 — *Очиров У. Б.* Аннотированные списки участников Великой Отечественной войны, призванных из Калмыкии: историографический обзор // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 9. № 4(26). С. 29–40.
- Очиров и др. 2018 — *Очиров У. Б., Еришов С. Г., Гунаев Е. А.* Уроженцы Калмыкии — участники Сталинградской битвы. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 500 с.
- Очиров 2020а — *Очиров У. Б.* Конница тюрко-монгольских народов великой степи в российской армии XVIII – начала XIX в. Часть 1 // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 64–97. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-64-97
- Очиров 2020б — *Очиров У. Б.* Конница тюрко-монгольских народов великой степи в российской армии XVIII – начала XIX в. Часть 2 // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 10–39. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-10-39

- Очилов, Воробьева 2020 — *Очилов У. Б., Воробьева В. Н.* Калмыки — военнослужащие Красной армии в Широкалге: статистическое исследование // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 330–357. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-330–357
- Очилов, Воробьева 2023 — *Очилов У. Б., Воробьева В. Н.* Опыт составления базы данных для просопографического портрета безвозвратных потерь в 1941–1945 гг. военнослужащих, призванных из одного региона (на примере Калмыцкой АССР) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 1. С. 85–108. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-85-108
- Очилов, Заярный 2018 — *Очилов У. Б., Заярный С. А.* Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. Т. I. 519 с.; Т. II. 524 с.
- Память 1995а — *Память*. Санл / ред. К. Н. Максимов и др. Т. I. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 416 с.
- Память 1995б — *Память*. Санл / ред. К. Н. Максимов и др. Т. II. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 442 с.
- Память 2005 — *Память*. Санл / ред. К. Н. Илюмжинов и др. Т. III. Элиста: Калм. кн. изд-во 2005. 156 с.
- Память 2010 — *Память*. Санл / ред. К. Н. Илюмжинов и др. Т. IV. Элиста: Герел, 2010. 492 с.
- Россия и СССР 2001 — *Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил. Статистическое исследование*. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.
- Россия (СССР) 2000 — *Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / под ред. В. А. Золотарева*. М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. 571 с.
- Шовунов 1990 — *Шовунов К. П.* Во славу Отечества. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 60 с.
- Шовунов 1991 — *Шовунов К. П.* Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.
- Эрендженова 2004 — *Эрендженова В.* «Афганское» братство [электронный ресурс] // *Известия Калмыкии*. 2004. 16 июля. №№ 140–141 (3361–3362). URL: https://hamagmongol.narod.ru/library/erenjenova_2004_r.htm (дата обращения: 15.09.2023).
- Ochirov 2016 — *Ochirov U. B.* Database of the Kalmyk Cavaliers of the Order of Glory: Compilation Experience and Statistical Analysis // *Russkaya Starina*. 2016. Vol. 19. Is. 3. Pp. 218–239.

References

- Belikov T. I. Kalmyks in the Struggle for Independence of Our Motherland: Seventeenth to Early Nineteenth Centuries. Elista: Kalmizdat, 1965. 179 p. (In Russ.)
- Bevinov M. V. Medal awarded to Kalmykia's native after thirty five years. On: Teegin Zänge. Steppe News (online news outlet). Posted on 29 September 2023. Available at: https://tegrk.ru/archives/181215?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed: 10 October 2023). (In Russ.)
- Bobrov L. A. Kalmyk cavalry in the Russo-Polish War of 1654–1667: Weapons, tactics, and strategy. In: *History of Weapons. Studies of 2014. Collected scholarly papers*. Kiev: Institute of History of Ukraine (NASU), 2014. Pp. 47–63. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Military science and its evolution in the seventeenth and eighteenth centuries. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) *History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days*. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Gerel, 2009. Pp. 83–103. (In Russ.)
- Cross of Saint George awarded to Kalmykia's resident. On: Kalmykia-Online (news outlet). Posted on 21 July 2010. Available at: <http://kalmykia-online.ru/news/1381?ysclid=lohi0alakg925557107> (accessed: 15 September 2023). (In Russ.)

- Erendzhenova V. 'Afghan' brotherhood. *Izvestiya Kalmykii*. 2004, July 16. Nos. 140–141 (3361–3362). On: Hamag Mongol. Available at: https://hamagmongol.narod.ru/library/erenjenova_2004_r.htm (accessed: 15 September 2023). (In Russ.)
- Ilishkin N., Ochirov N. The Afghan fracture. *Izvestiya Kalmykii*. 1999, October 3. (In Russ.)
- Ilyumzhinov K. N. et al. (eds.) *The Memory. Sanl. Vol. 3*. Elista: Kalmykia Book Publ., 2005. 156 p. (In Russ.)
- Ilyumzhinov K. N. et al. (eds.) *The Memory. Sanl. Vol. 4*. Elista: Gerel, 2010. 492 p. (In Russ.)
- Kalmykia still remembers thirty-year-old events. On: BezFormata. Elista. Posted on 12 December 2019. Available at: <https://elista.bezformata.com/listnews/kalmikiya-pomnit-o-sobitiyah-30-letnej/72813646/?ysclid=lmfbn7iic8125647814> (accessed: 15 September 2023). (In Russ.)
- Kichikov M. L. In the Name of Victory over Fascism. Elista: Kalmykia Book Publ., 1970. 208 p. (In Russ.)
- Krinko E. F. (comp.) *Wars and Population of South Russia, Eighteenth to Early Twenty First Centuries: Demographic Processes and Consequences*. Moscow: ROSSPEN, 2019. 750 p. (In Russ.)
- Krinko E. F. The phenomenon of front-line partnership in the everyday life of participants [of] Great Patriotic War. *Scientific Thought of Caucasus*. 2022. No. 3 (111). Pp. 38–45. (In Russ.)
- Krivosheev G. F. (ed.) *Russia and the Soviet Union in Twentieth-Century Wars: Military Casualties (A Statistical Study)*. Moscow: OLMA-PRESS, 2001. 608 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. et al. (eds.) *The Memory. Sanl. Vol. 1*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 416 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. et al. (eds.) *The Memory. Sanl. Vol. 2*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 442 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. *Kalmykia and Kalmyks at the Defense of Motherland, Early-to-Mid Twentieth Century*. Elista: Dzhangar, 2015. 348 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. *Kalmyks in World War I. Oriental Studies*. 2014. Vol. 7. No. 4. Pp. 20–26. (In Russ.)
- Maksimov K. N. *Kalmyks' participation in the First World War. Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities*. 2021. Vol. 36. No. 3. Pp. 45–53. (In Russ.)
- Maksimov K. N. *Labourers of Kalmykia — to the Front Line Units*. Elista: RIA Kalmykia, 2021. 256 p.
- Maksimov K. N. *Participation of the Kalmyks as a part of the Don Cossack military divisions in the Russo-Japanese war of 1904–1905. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya (Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations)*. 2017. Vol. 22. No. 2. Pp. 76–86. (In Russ.)
- Maksimov K. N. *The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks. Second ed., suppl.* Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirov U. B. *Kalmyks in the Napoleonic Wars*. Elista: Dzhangar, 2012. 519 p. (In Russ.)
- Muzaev L. *Encounters of Kalmyks with Hazaras*. On: Khalmg Ünn (Kalmytskaya Pravda) newspaper (website). Posted on 8 September 2022. Available at: <http://halmgynn.ru/13566-vstrechi-kalmykov-s-hazareycami.html> (accessed: 10 October 2023). (In Russ.)
- Ochirov U. B. *Annotated lists of participants of the Great Patriotic War conscripted from Kalmykia: A historiographic review. Oriental Studies*. 2016. Vol. 9. No. 4. Pp. 29–40. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2016-26-4-29-40

- Ochirov U. B. Database of the Kalmyk Cavaliers of the Order of Glory: Compilation experience and statistical analysis. *Russkaya Starina*. 2016. Vol. 19. Is. 3. Pp. 218–239. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Kalmykia in the Russian Civil War, 1917–1920. Elista: Dzhangar, 2006. 447 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Turko-Mongolic cavalries in the military service of Russia: 18th - early 19th centuries. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 64–97; no. 4. Pp. 10–39. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-64-97, 10.22162/2587-6503-2020-4-16-10-39
- Ochirov U. B., Ershov S. G., Gunaev E. A. Kalmykia's Natives in the Battle of Stalingrad. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 500 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B., Vorobyova V. N. Compiling a prosopography database of 1941–1945 fatal casualties among military servicemen conscripted in one region: The case of the Kalmyk ASSR. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 1. Pp. 85–108. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-85-108
- Ochirov U. B., Vorobyova V. N. Kalmyk Red Army soldiers in Shirokovsky Forced Labor Camp: A statistical survey. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 2. Pp. 330–357. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-330–357
- Ochirov U. B., Zayarny S. A. Remained Faithful to the Oath: The Formation and Battle Path of the 110th Kalmyk Cavalry Division Reviewed. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. Vol. 1. 519 p.; vol. 2. 524 p. (In Russ.)
- Shovunov K. P. Essays in Kalmyk Military History: Seventeenth to Nineteenth Centuries. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 189 p. (In Russ.)
- Shovunov K. P. To the Glory of Motherland. Elista: Kalmykia Book Publ., 1990. 60 p. (In Russ.)
- Vorobyova V. N. The Memory. Sanl: A quantitative analysis of the consolidated database by time and place of birth and conscription. *Mongolian Studies*. 2022. Vol. 14. No. 4. Pp. 684–697. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-684-697
- K ulagina L. E. et al. (comps.) When I Return ...: A Name List, Articles, and Essays on [Kalmykia's] Soldiers and Officers Killed in Action during Limited Wars. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 191 p. (In Russ.)
- Zadnepruk A. I., Zayarny A. S., Guchinov M. I., Ilshkin N. U., Bimbaev M. T. In the Years of Ordeals: The Battle Route of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. Third ed., rev. & suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. 334 p. (In Russ.)
- Zolotarev V. A. (ed.) Russia (Soviet Union) in Limited Wars and Military Conflicts of the Mid-to-Late Twentieth Century. Moscow: Kuchkovo Pole, Poligrafresursy, 2000. 571 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 15, Is. 3, pp. 419–429, 2023
 DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-419-429

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДИЕ

УДК / UDC 94(47)+930+736+811.512.3
 DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-419-429

О печатях калмыцкого хана Дондук-Омбо

*Бембя Леонидович Митруев*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник, аспирант

 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev[at]yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2023

© Митруев Б. Л., 2023

Аннотация. *Введение.* Калмыцкие сфрагистические источники играют важную роль в изучении истории Калмыцкого ханства. Среди печатей калмыцкой знати особое место занимают печати калмыцких ханов. *Цель и задачи.* В статье вводятся в научный оборот данные о двух печатях калмыцкого хана Дондук-Омбо, рассматриваются легенды на печатях и выдвигается гипотеза об их происхождении. *Материалы и методы.* Оттиски двух печатей Дондук-Омбо сохранились на письмах, отложившихся в Национальном архиве Республики Калмыкия. В исследовании использованы сравнительно-исторический метод и метод текстологического исследования источников. *Результаты.* Первая печать Дондук-Омбо несет на себе легенду в виде имитации китайских иероглифов, вторая — в виде имитации квадратного письма Пагба-ламы. Автор приходит к выводу, что печати Дондук-Омбо имеют тибетское и калмыцкое происхождение. На основе данных письменных источников выяснено, что первая печать использовалась Дондук-Омбо в период 1723–1732 гг. Второй печатью Дондук-Омбо стал пользоваться с 1734 г. Замена ранней печати на другую указывает на более высокий статус этой печати.

Ключевые слова: Дондук-Омбо, Калмыцкое ханство, сфрагистика, квадратное письмо, калмыцкая история

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монгоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Митруев Б. Л. О печатях калмыцкого хана Дондук-Омбо // Монголоведение. Т. 15. № 3. С. 419–429. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-419-429

Seals of Kalmyk Khan Donduk-Ombo Reviewed

Bembya L. Mitruev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate. Postgraduate Student

 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitruev[at]yahoo.com

© KalmSC RAS, 2023

© Mitruev B. L., 2023

Abstract. *Introduction.* Kalmyk sigillographic sources are of utmost importance for the historical research of the Kalmyk Khanate. And when it comes to seals of Kalmyk elites, special attention should be paid to those of Kalmyk Khans. *Goals.* The article introduces data on two seals of Kalmyk Khan Donduk-Ombo, examines the legends, and hypothesizes as to their origins. *Materials and methods.* Impressions of the two seals have been discovered in letters housed at the National Archive of Kalmykia. The study employs the comparative historical method and that of literary research. *Results.* The legend on the first seal imitates Chinese hieroglyphs, while the second one imitates Phagspa letters. *Conclusions.* The paper suggests the seals of Khan Donduk-Ombo are of Tibetan and Kalmyk origin. The examined documents attest to the first seal was used between 1723 and 1732, and the latter one was first made use of in 1734. The replacement of the earlier seal with another one may indicate the latter was distinguished by higher status characteristics.

Keywords: Donduk-Ombo, Kalmyk Khanate, sphragistics, Phagspa script, Kalmyk history

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 ‘Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China’.

For citation: Mitruev B. L. Seals of Kalmyk Khan Donduk-Ombo Reviewed. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(3): 419–429. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-419-429

1. Введение

Калмыцкое ханство в период с конца XVII в. – 1771 г. находилось последовательно под правлением четырех калмыцких ханов: Аюки (1642–1724 гг.), Церен-Дондука (около 1701 г. – умер в 1737 г.), Дондук-Омбо (1692 г. – умер в 1741 г.) и Дондук-Даши (умер в 1761 г.).

После кончины хана Аюки в 1724 г. начался период династийных междоусобиц, которые продолжались на протяжении ближайших десятилетий и были обусловлены борьбой за власть в ханстве [Цюрюмов 2005].

Правление хана Церен-Дондука оказалось недолгим, и в середине 30-х гг. XVII в. произошло событие, которое не имело аналогов в истории ханства. Калмыцкий хан Церен-Дондук в октябре 1735 г. был задержан российскими властями в Царицыне и отправлен в Санкт-Петербург, о чем указывала императрица Анна Иоанновна еще в марте 1735 г. [НА РК. Ф. И.-36. Оп. 1. Д. 75. Л. 102–103; Бакаева 2019: 904]. Правителем в ханстве стал владелец Дондук-Омбо, сын Гунджаба и внук хана Аюки, который грамотой от 3 марта 1737 г. был пожалован в ханы [История Калмыкии 2009: 395].

Дондук-Омбо правил Калмыцким ханством с 1735 по 1741 гг. После его кончины наместником был назначен Дондук-Даши, сын Чакдорджаба и внук Аюки, двоюродный брат Дондук-Омбо, хотя последний надеялся на продолжение своей династии. У Дондук-Омбо было две супруги: хошутка Солома [Митиров 1998: 198] и кабардинка Джан Кургокина (? – 2 июня 1777 г.), дочь главного князя-валия Кабарды Кургоко Атажукина, крещенная в православие в 1744 г. под именем княгиня Вера Дондукова [История Калмыкии 2009: 791]. От брака с Соломой [Митиров 1998: 173] у Дондук-Омбо был сын Галдан-Норбо (тиб. *dga' ldan nor bu*), а от брака с Джан — Рандул (тиб. *dgra 'dul'*), позднее ставший известным под именем князя Петра Дондукова, Додьби (впоследствии — князь Алексей Дондуков), Асарай (впоследствии — князь Иона Дондуков), Джубасар (впоследствии — князь Филипп Дондуков), дочери Далеку (впоследствии — Любовь Дондукова) и Бунигара (впоследствии — Надежда Дондукова) [Митиров 1998: 202–203, 356].

Известно, что калмыцкие ханы имели печати, являвшиеся важными знаками инвеституры власти. Большое значение имело происхождение печати, которую правители желали получить от Далай-ламы вместе с грамотой. Так, в настоящее время известно о четырех печатях, которые использовал калмыцкий правитель Аюка в течение своей жизни, каждая из них имела свои особенности; исследователи выдвигают гипотезы о том, какая из них была дарована из Тибета [Митруев 2021б; Аваков, Митруев 2023]. Преемник хана Аюки Церен-Дондук получил грамоту от Далай-ламы и печать, на которой был выгравирован титул, дарованный ему верховным буддийским иерархом [Митруев 2022б], в сентябре 1735 г. [Бакаева 2019: 896–904; Курапов 2011]. Благодаря публикациям писем калмыцкой аристократии XVIII в., которые появились в последние годы [Сусеева 2003; Гедеева 2004; Сусеева 2009; Тепкеев, Нацагдорж 2016; Тепкеев 2018; Успенский, Яхонтова 2021; и др.], начато специальное исследование оттисков печатей, содержащихся в них, что способствовало привлечению ранее не анализировавшихся архивных материалов к изучению вопросов сфрагистики [Митруев, Гедеева 2021; Митруев 2021а; Митруев 2021б; Митруев 2022а; Митруев 2022б; Митруев 2022в; Митруев 2022г; Аваков, Митруев 2023; и др.].

Цель настоящей статьи — ввести в научный оборот сведения о двух печатях калмыцкого хана Дондук-Омбо. Материалом выступили письма Дондук-Омбо из фондов Национального архива Республики Калмыкия.

2. «Первая» печать Дондук-Омбо

Среди калмыцких писем, отложившихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, находятся 312 писем Дондук-Омбо. Изучение этих писем позволяет сделать вывод, что с 1723 г. по 1732 г. Дондук-Омбо использовал одну печать, а начиная с 1734 г. и до своей смерти (наступившей 21 марта 1741 г. [Пальмов 1926: 240]) он использовал другую печать. Примечательно, что в Национальном архиве Республики Калмыкия не сохранилось посланий его старших наследников, сыновей Галдан-Норбо и Рандула, что делает пока невозможным проследить дальнейшую судьбу печатей (пример печати хана Аюки и других представителей калмыцкой показывает, что печати могли быть переданы по наследству, см., например: [Митруев 2021б: 48]).

Оттиск «первой» печати Дондук-Омбо (см. рис. 1) поставлен красной тушью или краской, он имеет квадратную форму, внутри квадратной рамки находится легенда из двух колонок, помещенных в свою очередь в отдельные прямоугольные рамки, соединенные между собой.

Очевидно, что сама легенда представляет собой имитацию китайских иероглифов, однако нам не удалось идентифицировать оригинальные иероглифы, использованные для создания имитации. При этом отметим, что зеркальное отображение символа в левой колонке схоже со словом *yamun* ‘министерство; управление’ [БАМРС 2002: 451], написанным вертикальным монгольским или маньчжурским письмом.

Для удобства рассмотрения печати была сделана реконструкция «первой» печати Дондук-Омбо (см. рис. 2).

Трудно определить место происхождения этой печати, так как такого рода имитация могла быть произведена как в Тибете, так и в Калмыцком ханстве. Подтверждением тому может являться следующий факт. В процессе поиска аналогов «первой» печати Дондук-Омбо нами было обнаружено изображение оттиска печати, которая имеет сходство с исследуемой печатью. Речь идет об оттиске печати, размещенном среди 2 620 документов из архива монастыря Кунделинг в Лхасе, которые были оцифрованы и размещены в составе Архива Кунделинга [Kundeling archives] на портале CrossAsia Берлинской государственной библиотеки [CrossAsia].

Среди документов из Архива Кунделинга (Kundeling archives), размещенных на указанном портале CrossAsia, сохранилось письмо под шифром 012 2-1/#/2/3/4, датированное 1712 г., на которой стоит оттиск печати Лхасан-хана (тиб. *lha bzang khang*; умер в 1717 г.) (см. рис. 3) [CrossAsia] — хошутского правителя, внука Гуши-хана и сына Далай-хана, который, захватив Лхасу, правил Тибетом с 1705 по 1717 гг. и погиб во время противостояния с джунгарским войском, пришедшим по просьбе тибетской стороны [Цепон Шакабпа 2003: 144–149].

Легенда на печати Лхасан-хана [CrossAsia], видимо, представляет собой имитацию китайских иероглифов. При этом печать Лхасан-хана имеет определенное сходство с «первой» печатью Дондук-Омбо.

Обращает на себя внимание и то, что приход к власти хошутского Лхасан-хана в Тибете, захватившего столицу, низвергнувшего регента Далай-ламы V — Деси Сангье Гьяцо (который был казнен) и отправившего в изгнание Далай-ламу VI [Цепон Шакабпа 2003: 144–149], может быть в определенной степени сопоставлен с приходом к власти в Калмыцком ханстве Дондук-Омбо — весьма активного, целеустремленного и удачливого внука Аюки-хана, приложившего для прихода к власти значительные усилия, которого объявили сначала главным владельцем, затем ханом — после «отзыва» хана Церен-Дондука в Санкт-Петербург, куда он отправился вместе с верховным священнослужителем ханства Шакур-ламой [История Калмыкии 2009: 394; Курапов 2018: 189], ранее бывшим настоятелем одного из дацанов тибетского монастыря Дрепунг. Известно, что «Дондук-Омбо потребовал удаления из улусов Церен-Дондука, Шакур-ламы и Дондук-Даши. ... Первых двух В. П. Беклемишев под благовидными предлогами заманил в Царицын и 28 октября 1735 года со свитой в 23 человека отправил

Рис. 1. «Первая» печать Дондук-Омбо
[Fig. 1. 'First' seal of Donduk-Ombo]

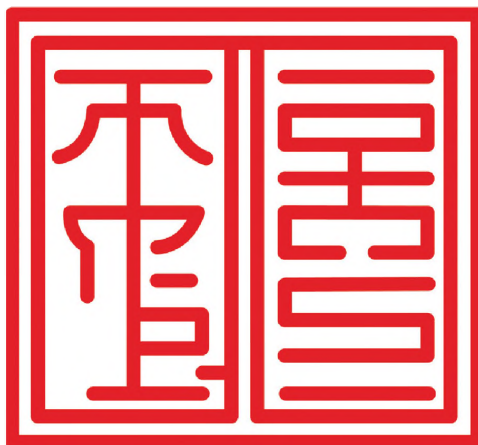

Рис. 2. Реконструкция «первой» печати Дондук-Омбо
[Fig. 2. 'First' seal of Donduk-Ombo. Reconstruction]

Рис. 3. Оттиск печати Лхасан-хана
[Fig. 3. Seal of Lha-bzang Khan. Impression]

в Петербург, откуда им уже не суждено было вернуться домой» [История Калмыкии 2009: 394]. Причина такой ситуации в Калмыцком ханстве объяснялась следующим: «В указе правительства от 20 марта 1735 г. говорилось, что Дондук-Омбо человек умный и „каманду может содержать твердо и по имеющему в том народе кредиту к тому способен“, а Церен-Дондук „слаб и безсилен ... и того народа в добром согласии и к нам в верности содержать не мог“, и поэтому решено Дондук-Омбо „учинить главным над калмыки правителем“» [История Калмыкии 2009: 394; НА РК. Ф. И-36. Д. 75. Л. 58–59].

«Первая» печать Дондук-Омбо использовалась им с 1723 по 1732 гг. И, несмотря на то, что назначение его российской властью главным владельцем и затем ханом состоялись позднее, тем не менее, учитывая вышеизложенное, можно предположить, что легенда на печати Дондук-Омбо является имитацией легенды на печати Лхасан-хана. Другим вариантом может быть тот, что печати Дондук-Омбо и Лхасан-хана имитируют легенду некой другой печати, послужившей примером для обеих печатей.

Дальнейшая судьба данной печати Дондук-Омбо неизвестна.

3. «Вторая» печать Дондук-Омбо

Оттиск «второй печати» Дондук-Омбо (см. рис. 4), поставленный красной тушью или краской, имеет квадратную форму. Легенда помещена в квадратную рамку, сама легенда представляет собой то, что в книге Дитера Шу названо «имитацией квадратного письма» или «ложным квадратным письмом» (тиб. *hor yig brdzus ma*) [Schuh 1981: 122].

Рис. 4. «Вторая печать» Дондук-Омбо
[Fig. 4. 'Second' seal of Donduk-Ombo]

Подобные легенды в виде «имитации квадратного письма» находятся также на «первой» и «второй» печатях Аюки-хана [Митруев 2021б: 55, 59]. Такие печати с легендой в виде «имитации квадратного письма» изготавливались в период регентства Деси Сангье Гьяцо (тиб. *sde srld rgya mtsho*; 1653–1705), регента Далай-ламы V, однако данная печать, как выясняется из писем Дондук-Омбо, была получена им приблизительно в 1734 г., когда Деси Сангье Гьяцо уже не было в живых. Воз-

можно, эта печать была изготовлена в Тибете ранее, еще во время Сангье Гьяцо. По всей видимости, именно эту печать имеет в виду Н. Н. Пальмов, когда пишет, что «в ожидании ханской печати от далай-ламы, Дондук-Омбо и в звании хана продолжал прикладывать к официальным бумагам прежнюю свою владельческую печать малого формата, и так как ожидаемой от далай-ламы ханской печати ему не пришлось получить, то он пользовался владельческой печатью до конца жизни» [Пальмов 1926: 239]. В примечании Н. Н. Пальмов пишет, что данная печать была небольшого размера, 15 мм х 15 мм, в то время как печати других калмыцких владельцев больше этой печати [Пальмов 1926: 239]. После смерти Дондук-Омбо этой же «второй» печатью пользовалась его супруга — ханша Джан. Дальнейшая судьба этой печати Дондук-Омбо неизвестна.

Сразу после получения ханского титула от русского правительства Дондук-Омбо также стремился получить от Далай-ламы ханский титул для себя (что предполагало обретение знаков инвеституры власти в виде грамоты и печати) и титул наследника для своего сына Рандула. Известно, что в числе условий, поставленных Дондук-Омбо русскому правительству при вступлении в управление калмыками, была также отправка посланцев к Далай-ламе за счет казны [Пальмов 1926: 99], и еще в 1732 г. на предварительных переговорах Д. Ефремова и Дондук-Омбо поднимался вопрос о паломничестве в Тибет [Курапов 2018: 199]. 3 марта 1737 г. Дондук-Омбо было дано разрешение на отправку в Тибет калмыцкого посольства, численность которого сначала была определена в 40 человек, а затем увеличена до 70 человек [Пальмов 1926: 241; Курапов 2018: 200]. 23 января 1737 г. Д. Ефремов докладывал в коллегию иностранных дел об ассигновании Дондук-Омбо 10 тыс. руб., которые были выданы ему правительством в 1736 г. в награду за кубанский поход, на покупку разных товаров и вещей для отправки в Тибет [Пальмов 1926: 241]. В число посланцев, отправляемых Дондук-Омбо и калмыцкими владельцами, российское правительство распорядилось отправить еще нескольких духовных лиц, состоявших в свите умершего в Петербурге в 1736 г. Шакур-ламы, которые должны были отвезти в Тибет урну с пеплом Шакур-ламы [Пальмов 1926: 242]. «В ноябре 1737 г. посольство отправилось из Калмыцкого ханства и прибыло в начале 1739 г. в г. Селенгинск, на российско-китайскую границу. Посольство было задержано на границе правительством Китая. Мотивом для задержки посольства стало российское подданство членов делегации» [Курапов 2018: 198–201]. На запросы русского правительства Тушету-хан, приводя причины, присланные из Пекина, ответил, что пропуск калмыцкого посольства через границу был запрещен [Пальмов 1926: 245]. Таким образом, Дондук-Омбо не удалось получить ханский титул и печать от Далай-ламы.

Каково происхождение «второй» печати Дондук-Омбо? Очевидно, что Дондук-Омбо не мог получить эту печать позднее 1734 г. Можно предположить, что «вторая» печать была получена им с посольством хана Церен-Дондука. Из работы Н. Н. Пальмова мы знаем, что Дондук-Омбо посылал с посольством Церен-Дондука в Тибет, которое возглавил Намки-гелюнг, крупную сумму для приобретения разных вещей. Желая получить их, он хлопочет о скорейшем возвращении Намки-гелюнга в калмыцкую степь [Пальмов 1926: 98]. Однако Намки-гелюнг возвращается в калмыцкую степь лишь в 1735 г., тогда как печать появляется у Дондук-Омбо уже в 1734 г.

Известно, что 9 февраля 1733 г. калмыцкое посольство выехало из Тибета и направилось в Пекин. В августе 1733 г. оно было уже на русской границе, здесь было задержано и направлено в г. Суздаль, где было водворено на жительство в ожидании дальнейших правительственных распоряжений [Пальмов 1926: 91]. Несмотря на усилия российского правительства скрыть возвращение в Россию Намки-гелюнга, слух о возвращении посольства проник в калмыцкую степь. Так, 6 июня 1734 г. Цецен-гелюнг, посланец Шакур-ламы, спрашивал В. П. Беклемишева о том, что верны ли слухи о прибытии Намки-гелюнга с товарищами в Тобольск, откуда они были отправлены в Москву. 14 мая 1735 г. Д. Ефремов донес в коллегия иностранных дел о просьбе Дондук-Омбо отпустить калмыцких посланцев — Намки-гелюнга с товарищами — к Церен-Дондуку.

Возможно, у Дондук-Омбо была возможность заполучить некоторые из вещей, привезенных для него этим посольством, включая «вторую» печать, уже в 1734 г., еще до возвращения Намки-гелюнга.

4. Заключение

Дондук-Омбо использовал в своей переписке две печати. «Первая» печать использовалась им до 1732 г., с 1734 г. он начинает использовать «вторую» печать. «Первая» печать Дондук-Омбо несет на себе легенду, имеющую сходство с легендой на печати Лхасан-хана. Маловероятно, что данное сходство является случайным, мы предполагаем, что оно указывает на стремление калмыцких правителей и владельцев продемонстрировать свое равное положение среди прочих ойратских ханов в Тибете и других областях. «Вторая» печать имеет легенду, выглядящую как имитация квадратного письма Пагба-ламы, возможно, что она была доставлена из Тибета в 1734 г. Так как известные нам печати с легендой, содержащей имитацию квадратного письма, были изготовлены в период правления Деси Сангье Гьяцо, можно предположить, что сама «вторая» печать была изготовлена до 1734 г. Посольство Дондук-Омбо в Тибет, отправившееся осенью 1737 г., не было пропущено китайским правительством, в связи с чем калмыцкому правителю не удалось получить ханскую печать от Далай-ламы, поэтому до конца своей жизни он пользовался «второй» малой печатью, которую он использовал еще до получения ханского титула от российского правительства в марте 1737 г.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Kundeling archives — Kundeling archives [электронный ресурс] // URL: <https://dtab.crossasia.org/1/archive> (дата обращения: 03.11.2023).

CrossAsia — CrossAsia [электронный ресурс] // URL: <https://dtab.crossasia.org/> (дата обращения: 03.11.2023).

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Kundeling archives — Kundeling archives [электронный ресурс] // URL: <https://dtab.crossasia.org/1/archive> (дата обращения: 03.11.2023).

CrossAsia — CrossAsia [электронный ресурс] // URL: <https://dtab.crossasia.org/> (дата обращения: 03.11.2023).

Литература

- Аваков, Митруев 2023 — *Аваков П. А., Митруев Б. Л.* Первая печать тайши Аюки (1684 г.) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 1. С. 144–152. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-144-152
- Бакаева 2019 — *Бакаева Э. П.* Этническая идентичность калмыков и конфессиональные связи с Тибетом (к прочтению малоизвестных источников) // *Oriental Studies*. 2019. № 5(12). С. 891–925. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 тт. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 501 с.
- Гедеева 2004 — *Гедеева Д. Б.* Письма наместника калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Элиста: КИГИ РАН, 2004. 196 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.: ил.
- Курапов 2011 — *Курапов А. А.* Грамоты Далай-ламы калмыцким буддистам XVII – начала XX вв. // Астраханские краеведческие чтения. Вып. III. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 136–139.
- Курапов 2018 — *Курапов А. А.* Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX вв. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2018. 464 с.
- Митилов 1998 — *Митилов А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1998. 384 с.: ил.
- Митруев, Гедеева 2021 — *Митруев Б. Л., Гедеева Д. Б.* Печати на калмыцких деловых документах XVII–XVIII вв. как источник для изучения калмыцко-тибетских связей // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 23–43. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-23-43
- Митруев 2021a — *Митруев Б. Л.* Печать Лоузан-тайши // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2021. № 4. С. 39–44.
- Митруев 2021б — *Митруев Б. Л.* Три печати Аюки-хана // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 44–61. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-44-61
- Митруев 2022a — *Митруев Б. Л.* Калмыцкие печати на санскрите // *Mongolica*. 2022. Т. 25. № 1. С. 47–54. DOI: 10.25882/8j6r-8w62
- Митруев 2022б — *Митруев Б. Л.* Печать Дайчин Шаса-Бюджа-хана // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 383–392. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-383-392
- Митруев 2022в — *Митруев Б. Л.* Печать Дондук-Даши // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 39–69. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-39-69
- Митруев 2022г — *Митруев Б. Л.* Печать Лекбея // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2022. № 3(47). С. 83–86. DOI 10.31554/2222-9175-2022-47-83-86
- Пальмов 1926 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. XVII и XVIII века. Ч. 1. Астрахань: Тип. Калмиздата, 1926. 264 с.
- Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосociологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- Сусеева 2009 — *Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2009. 992 с.
- Тепкеев, Нацагдорж 2016 — *Тепкеев В. Т., Нацагдорж Ц. Б.* Калмыцкое письмо 1685 г. как одно из ранних письменных свидетельств хана Аюки // Монголоведение. 2016. Т. 8. № 1. С. 5–12.
- Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.
- Успенский, Яхонтова 2021 — *Успенский В. Л., Яхонтова Н. С.* Письма калмыцких владельцев начала XVIII в. в библиотеке СПбГУ // Тибетология в Санкт-Петербурге. Сб. ст. Вып. 2. СПб.: Петербургское востоковедение, 2021. С. 267–292.

- Цепон Шакабпа 2003 — Цепон В. Д. Шакабпа. Тибет: политическая история. СПб.: Нартанг, 2003. 428 с.
- Цюрюмов 2005 — Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в 1724-1741 гг.: хроники династических усобиц. Элиста: Джангар, 2005. 159 с.
- Schuh 1981 — Schuh D. Grundlagen tibetischer Siegelkunde Eine Untersuchung über tibetische Siegelaufschriften in 'Phags-pa-Schrift // Monumenta Tibetica Historica. Abteilung III: Diplomata et epistolae. Band 5. Sankt Augustin: VGH Wissenschaftsverlag, 1981. 383 p.

References

- Avakov P. A., Mitruiev B. L. The first seal of Taishi Ayuka (1684). *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 1. Pp. 144–152. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-144-152
- Bakaeva E. P. Ethnic identity of the Kalmyks and confessional ties with Tibet: A case study of some little-known sources. *Oriental Studies*. 2019. Vol. 12. No. 5. Pp. 891–925. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925
- Gedeeva D. B. Letters of Viceroy Ubashi (Eighteenth Century). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2004. 196 p. (In Oir. and Russ.)
- Kurapov A. A. Letters missive of Dalai Lamas to Kalmyk Buddhists: Seventeenth to early twentieth centuries. In: Readings in the History of Astrakhan Region. Vol. 3. Astrakhan: R. Sorokin, 2011. Pp. 136–139. (In Russ.)
- Kurapov A. A. Russian State and Buddhist Church in South Russia: Stages in the Evolution of Sociopolitical Interaction, Seventeenth to Early Twentieth Centuries. Astrakhan: R. Sorokin, 2018. 464 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia from Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. 848 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. Oirats — Kalmyks: Centuries and Generations. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)
- Mitruiev B. L. Kalmyk seals in Sanskrit. *Mongolica*. 2022. Vol. 25. No. 1. Pp. 47–54. (In Russ.) DOI: 10.25882/8j6r-8w62
- Mitruiev B. L. One seal of Donduk-Dashi reviewed. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022. No. 2. Pp. 39–69. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-39-69
- Mitruiev B. L. Seal of Lausan-Taisha. *Bulletin of Buryat State University: Humanities Research of Inner Asia*. 2021. No. 4. Pp. 39–44. (In Russ.)
- Mitruiev B. L. Seal of Lekbei. *Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS*. 2022. No. 3(47). Pp. 83–86. (In Russ.) DOI 10.31554/2222-9175-2022-47-83-86
- Mitruiev B. L. The seal of Daichin Shasa-Byuja Khan. *Mongolian Studies*. 2022. Vol. 14. No. 2. Pp. 383–392. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-383-392
- Mitruiev B. L. Three seals of Khan Ayuka. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 4. Pp. 44–61. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-44-61
- Mitruiev B. L., Gedeeva D. B. Kalmyk-Tibetan relations, 17th–18th centuries: Seals on Kalmyk official documents as a research source. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 4. Pp. 23–43. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-23-43
- Palmov N. N. Volga Kalmyks in the Seventeenth and Eighteenth Centuries: Historical Essays. Pt. 1. Astrakhan: Kalmizdat, 1926. 264 p. (In Russ.)
- Pyurbueev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4: X–Я. Moscow: Academia, 2002. 501 p. (In Mong. and Russ.)
- Schuh D. Grundlagen tibetischer Siegelkunde Eine Untersuchung über tibetische Siegelaufschriften in 'Phags-pa-Schrift (Monumenta Tibetica Historica 3/5). Sankt Augustin: VGH Wissenschaftsverlag, 1981. 383 p. (In Germ.)
- Shakabpa W. D. Tibet: A Political History. St. Petersburg: Narthang, 2003. 428 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of Kalmyk Khans and Their Contemporaries, 1713–1771. Elista: Dzhangar, 2009. 992 p. (In Russ.)

- Suseeva D. A. Letters of Khan Ayuka and His Contemporaries, 1714–1724: A Linguosociological Study. Elista: Dzhangar, 2003. 456 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Khan Ayuka and His Era. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 366 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T., Natsagdorj Ts. B. A 1685 letter as one of the earliest sources on Ayuka Khan. *Mongolian Studies*. 2016. Vol. 8, No. 1. Pp. 5–12. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. Kalmyk Khanate in 1724–1741: Chronicles of Dynastic Feuds. Elista: Dzhangar, 2005. 159 p. (In Russ.)
- Uspensky V. L., Yakhontova N. S. Early eighteenth century letters of Kalmyk landlords at the Library of St. Petersburg University. In: Tibetan Studies in St. Petersburg. Collected papers. Vol. 2. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2021. Pp. 267–292. (In Russ.)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 94(47)+930

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-430-445

Ойратский текст дхарани-сутры Ганапати

Баазр Александрович Бичеев¹, Гэрэлмаа Гуруучин²

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор философских наук, профессор

 0000-0002-9352-7367. E-mail: baazr[at]mail.ru

² Институт языка и литературы Академии наук Монголии (д. 54а, просп. Жукова, 13330 Улан-Батор, Монголия)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0001-5316-0233. E-mail: gerelmaa2003[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2023

© Бичеев Б. А., Гэрэлмаа Г., 2023

Аннотация. *Введение.* Традиция почитания Ганапати в буддизме, в том числе и в религиозной традиции монгольских народов, представляет интересную и малоизученную научную проблему. В индуизме это древнее божество считалось злым демоном (винаякой), посылающим препятствия. Впоследствии оно было включено в пантеон буддизма, и его тантрические формы получили распространение в Тибете и Монголии. В буддизме Ганапати считается эманацией Авалокитешвары и в некоторых своих формах ассоциируется с Чакрасамварой и Тарой. Он имеет мало общего с индуистским Ганешей, сыном Парвати и владыкой ганов Шивы. Культ Ганапати в буддийских странах является свидетельством того, как древнее божество индуизма, кардинально изменив свою изначальную сущность, стало органичной частью буддийской тантрической традиции. *Цель исследования* — введение в научный оборот ойратского текста «Дхарани-сутры Ганапати». *Материалы и методы.* В отечественных и зарубежных коллекциях монгольских рукописей выявлено семь дхарани-сутр на ойратском «ясном письме». Основным источником исследования стала калмыцкая рукопись из монгольского фонда Саксонской земельной библиотеки — Дрезденской государственной и университетской библиотеки (Германия) и рукопись из ойратской коллекции Института языка и литературы Академии наук Монголии. В исследовании использовался сравнительно-исторический анализ и текстологические методы. *Результаты.* Некоторые рукописи на «ясном письме» представляют собой небольшие по объему литературные сборники и состоят из двух произведений — «Дхарани-сутры святого Ганапати» («Хутуқта чуулыни ezen кемёкүйин тоқтол») и «Собрания дхарани пяти глав Панчаракша» («Раңсарагшын табун бөлөгийин хурангуйи»). Наличие двух этих текстов в составе одного сборника дают основания для предположения о том, что практика почитания Ганапати могла быть связана с практикой почитания пяти богинь-защитниц «Панчаракша». Дхарани-сутру Ганапати в буддизме практикуют для достижения разных целей: получения материального благополучия, обретения благой формы рождения, получения нового знания, духовного прогресса.

Выводы. Текст дхарани-сутры Ганапати и его иконографические изображения разных форм являются составной частью тантрической практики, позволяющей обрести, осознать и упорядочить новые знания, формируя уникальный духовный опыт для достижения конечной цели буддизма.

Ключевые слова: буддизм, Ганапати, индуизм, Ганеша, ойратские дхарани-сутры, иконографические формы, тантрический ритуал

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Буддизм и глобальные вызовы современного мира» (№ 075-03-2023-121/2).

Для цитирования: Бичеев Б. А., Гэрэлмаа Г. Ойратский текст дхарани-сутры Ганапати // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 3. С. 430–445. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-430-445

Ganapati Dharani Sutra: Oirat Texts

Baazr A. Bicheev¹, Gerelmaa Guruuchin²

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philosophy). Professor

 0000-0002-9352-7367. E-mail: baazr[at]mail.ru

² Institute of Language and Literature, Mongolian Academy of Sciences (54A, Zhukov Ave., 13330 Ulaanbaatar, Mongolia)
Dr. Sc. (Philology). Professor

 0000-0001-5316-0233. E-mail: gerelmaa2003[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023

© Bicheev B. A., Gerelmaa G., 2023

Abstract. Introduction. The tradition of worshipping Ganapati in Buddhism, including in religious traditions of Mongols, is an interesting — though understudied — issue. In Hinduism, this ancient deity was believed an evil demon (Vinayaka) inclined to create obstacles. Subsequently, when included in the Buddhist pantheon, its tantric forms became widespread enough in Tibet and Mongolia. In Buddhist teachings, Ganapati is seen as an emanation of Avalokiteshvara, and in some of its forms is associated with Chakrasamvara and Tara, hence having little in common with the Hindu Ganesha, the son of Parvati and Shiva, the Lord of the Ganas. The cult of Ganapati in Buddhist countries shows how the ancient deity of Hinduism had lost its original essence — to become an organic part of the Buddhist tantric tradition. **Goals.** The paper aims to introduce Oirat texts of the Ganapati Dharani Sutra. **Materials and methods.** Collections of Mongolian manuscripts in Russia and other countries contain a total of seven dharani sutras in the Oirat Clear Script. The study focuses on a Kalmyk manuscript from the Saxon State and University Library Dresden (Mongolian Collection) and a manuscript from the Mongolian Academy of Sciences (Institute of Language and Literature, Oirat Collection). The work employs textual research methods and tools of comparative historical analysis. **Results.** Some manuscripts in the Clear Script are literary works of minimal size that include two parts — Dharani Sutra of Lord Ganapati (Oir. *Xutuqtu čuulyani ezen kemēkūyin toqtōl*) and Collected Dharanis of the Five Chapters of Pancharaksha (Oir. *Pañcaragšyin tabun bōlōgiyin xurangyui*). The combination of the two texts in a single work makes it possible to assume the worshipping practice of Ganapati be somewhat tied to that of the five Pancharaksha protector goddesses. In Buddhism, the Ganapati Dharani Sutra is recited for various purposes, such as welfare, virtuous reincarnation, new knowledge, and spiritual progress. **Conclusions.** Texts

of the Ganapati Dharani Sutra and various iconographic images (forms) are integral to tantric practices believed instrumental in acquiring, cognizing and organizing new knowledge, thus forming milestone spiritual experiences on the path towards the ultimate goal of Buddhists.

Keywords: Buddhism, Ganapati, Hinduism, Ganesha, Oirat dharani sutras, iconographic forms, tantric ritual

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy (Ministry of Science and Higher Education of Russia), project no. 075-03-2023-121/2 'Buddhism and Global Challenges of the Contemporary World'.

For citation: Bicheev B. A., Gerelmaa G. Ganapati Dharani Sutra: Oirat Texts. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(3): 430–445. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-430-445

1. Введение

В религиозной традиции монгольских народов, в том числе и ойратов, сохранились древние культы, которые в прошлом были ассимилированы буддизмом. Вводя добуддийские божества в разряд второстепенных защитников учения, буддийские учителя придавали их культам новые религиозно-мифологические смыслы и возвращали в ритуальную практику, значительно изменив их изначальную сущность. К примеру, включение в буддийский пантеон древнего божества монгольских народов — Белого старца способствовало появлению текста «Сутры Белого старца», обрядовых текстов сангов-воскурений (тиб. bsangs; ойр. sang) и иконографической традиции его изображения [Позднеев 1887: 83–85].

В процессе распространения буддизма ойраты, наряду с Белым старцем, стали поклоняться и древним индуистским божествам, оказавшимся в пантеоне буддизма. Одним из таких культов был культ Ганеши, входившего в пятерку наиболее почитаемых богов индуизма. Со временем это индуистское божество стало неотъемлемой частью региональной формы ойратского буддизма.

В индуизме это слогоголовое божество известно под многими именами-эпитетами. Но наиболее часто употребляются два из них — Ганеша (санскр. Gaṇeśa; gaṇa 'букв. сонм, свита'; īśa 'господин') и Ганапати (санскр. Gaṇapāti; gaṇa 'букв. сонм, свита'; pāti 'хозяин, владыка'). Однако в буддизме он известен под именем Ганапати. Имя Ганеша не употребляется в буддийских текстах и в тантрических мантрах. Ойраты, как и все буддисты, знали и почитали это божество как Ганапати (ойр. ṣuulgaṇi ezen; ṣuulgaṇ 'букв. собрание, свита'; ezen 'хозяин, владыка'), а также называли его «со слоновым носом» (санскр. gajamukha; ойр. zan xonṣṍr-tu), «с отвислым животом» (санскр. lambodara; ойр. unṣiger kebeli-tü) и др. [Яхонтова 2010: 252–255]. В текстах на «ясном письме» его имя обычно указывается в ойратском варианте ṣuulgaṇi ezen, в редких случаях употребляется санскритская форма имени — Gaṇapāti.

Согласно индуистской традиции, Ганапати считается «владыкой ганов» — свиты Шивы, состоящей из божеств низшего ранга. В этой своей функции он близок ойратскому Белому старцу, который считается владыкой сонма ландшафтных божеств низшего ранга. Поэтому его называют Усмиритель и подаватель духов-хозяев земли и воды (ṡazar usuni nomoyodoxon daruulun ṡidaqṡi).

В индуизме у Владыки ганов необычная и в тоже время притягательная внешность. У него голова слона с одним бивнем, тело человека с четырьмя руками (также изображается с шестью руками), с двумя ногами (иногда изображается с четырьмя ногами) и большим животом. Каждая часть его божественного тела

имеет мистическое значение, сведения о которых содержатся в индуистских мифах [Гринцер 1991: 140–141; Дубянский 1996: 138–139; Темкин, Эрман 1982: 184–188]. Интересно, что общим для большинства сюжетов, повествующих о его слоновой голове, является мотив ее появления уже после рождения Ганapati. В мифах о единственном бивне превалирует мотив лишения себя бивня самим божеством.

В индийском эпосе и пуранах Ганapati называют сыном бога Шивы и его супруги Парвати. Однако обстоятельства его появления на свет связаны с мотивом необычного появления. Он не рождается естественным способом, а создается Парвати из «остатков» собранного благовония, которым она умащивала свое тело. Мотив появления Ганapati из «остатков», видимо, определяет его как божество начал и переходов.

Возможно, поэтому его главная функция в индуизме связана не с его владичеством над ганами, а с тем, что он одновременно является божеством, создающим и устраняющим препятствия. И этой своей функцией он также схож с Белым старцем, который известен не только как владыка многочисленных духов-хозяев земли и воды, но и как божество, дарующее благо и насылающее бедствия. Возможно, что эта схожесть функций двух древних добуддийских культов способствовала распространению культа Ганapati среди ойратов.

Несмотря на свое индуистское происхождение буддийский Ганapati — это уже не индуистский Ганеша, сын Парвати и повелитель ганов Шивы. В буддизме большинство его форм считаются эманациями Авалокитешвары. Отдельные его формы символизируют Чакрасамвару — главного йидама тантрического буддизма. Такие разные формы Ганapati были утверждены в тибетском буддизме индийскими наставниками Джово Атишей (982–1054) и его современником пандитой Гаядхара. Особое внимание Атиша уделял тем формам Ганapati, которые были связаны с Авалокитешварой, Тарой и Буддой. В последующем старейшая школа тибетского буддизма Ньингма ввела в тантрическую практику еще больше разных форм Ганapati благодаря традиции терма, составляющей значительную часть ее учений и практик [Тондуб Ринпоче 1997].

2. Ойратские тексты дхарани-сутры Ганapati

Несмотря на широкий ареал распространения культа Ганapati в буддийских странах, он редко становился предметом специального исследования отечественных буддологов. Основные труды, посвященные Ганapati, написаны западными исследователями. Их обстоятельный анализ дан в работе Е. М. Андреевой [Андреева 2020]. Культ Ганapati посвящено лишь несколько статей российских исследователей [Бурмистров 2014; Глушкова 1999; Иванов 2009; Лепехова 2020].

Общие сведения об этом индуистском божестве имеются в известных энциклопедических изданиях. Первой крупной работой на русском языке, в которой одна из глав была посвящена Ганapati, стала книга индийского ученого Д. Чаттопадхья [Чаттопадхья 1961: 146–257].

Единственной большой работой, посвященной мифологической истории, особенностям почитания, канонам изображения Ганеша и его положению в религиозной традиции джайнизма и буддизма является монография Е. М. Андреевой [Андреева 2020].

В вышеупомянутых работах исследователей отмечается сложность исследуемой проблемы и отсутствие в отечественных музеях буддийских живописных и скульптурных изображений Ганапати. Так, в богатейшем собрании Эрмитажа нет ни одного буддийского изображения этого божества [Иванов 2009: 99]. В обширной буддийской коллекции Кунсткамеры находится единственная монгольская танка с его изображением [Иванов 2009: 99].

Другой проблемой в исследовании этого культа является отсутствие публикаций текстов, связанных с культом Ганапати. Если санскритские тексты из индийского фонда Института востоковедения РАН попали в поле зрения исследователей [Бурмистров 2014], то тибетские и монгольские рукописи, которые имеются в отечественных коллекциях, остаются вне поля академического исследования.

Традиция почитания Ганапати в буддизме, в том числе и в религиозной традиции монгольских народов, представляет интересную и малоизученную научную проблему. Одним из аспектов ее решения может послужить ойратский текст «Дхарани святого Ганапати» («Xutuqtu čuulγani ezen kemēkūyin toqtōl») (см. приложение к данной статье: [Xutuqtu Dr.]).

В отечественных и зарубежных коллекциях монгольских рукописей удалось выявить семь рукописей этого текста на «ясном письме». Одна калмыцкая рукопись под названием «Xutuqtu čuulγani ezen kemēkūyin toqtōl» из фонда Н. Очинова находится в монгольской коллекции Института восточных рукописей РАН (далее — ИВР РАН) [Сазыкин 2001: № 2590].

В монгольском фонде Саксонской земельной библиотеки — Дрезденской государственной и университетской библиотеки (далее — SLUB Dresden) Германии имеются две калмыцкие рукописи «Xutuqtu čuulγani ezen kemēkūyin toqtol» [Heissig 1961: № 201, 504].

В ойратской коллекции Института языка и литературы Академии наук Монголии (далее — ИЯЛ АНМ) находятся три рукописи этого текста. Рукопись под названием «Xutuqtu čuulγani ezeni toqtōl orošiboi» оказалась неполной. В ней сохранилось всего лишь два листа [Гэрэлмаа 2005: № 621]. В двух других рукописях, имеющих одинаковое название «Дхарани Ганапати» («Ganipadayaṁ toqtōl orošiboi») имя божества дано в санскритском варианте — Gaṇapāṭi, а не в традиционном ойратском — Čuulγani ezen [Гэрэлмаа 2005: № 524, 525]. В такой форме имя божества чаще встречается в монгольских дхарани Ганапати [Сазыкин 2001: № 2589], а также в составе монгольского Данджура [Mongyol γarčiy 2002: 4032].

Сочетание санскритского варианта имени и традиционного ойратского присутствует в названии рукописи из частной коллекции Намджил-генге, проживающего в г. Монголкурэ Или-Казахской автономной провинции СУАР КНР (далее — СУАР). Она называется «Дхарани святого Владыки ганов или Ганапати» («Xutuqtu čuulγani ezen ba kanapadiyin toqtool kemēkū sudur orošiboi»).

Дхарани Ганапати до недавнего времени бытовала среди ойратов не только на «ясном письме», но и на тибетском языке. В библиотеке Бага-Чоносовского хурула Калмыкии находится тибетский текст «Сердце Арья Ганапати», написанный от руки на тетрадных листах [Музраева 2012: № 24.4.8]. Тибетские рукописи этой дхарани были распространены и в Монголии [Ганболд 2012: № 460].

Интересно, что три из семи текстов на «ясном письме» представляют рукописные сборники минимальных размеров и состоят из двух произведений — дхарани Ганапати и «Собрания пяти глав „Панчаракша“» («Pañcaragṣyīn tabun bōlōgiyīn xuranguyī»). Это две калмыцкие рукописи из SLUB Dresden и рукопись из ИВР РАН. В рукописном сборнике из ИВР РАН второй текст называется «Святое собрание хридая-дхарани Пяти матерей-защитниц, доставляющее за пределы мудрости» («Хутуqtu biligiγin cānā küreqsen tabun yōmiγin xur[a]ngγuyun zürken kemēkü») [Сазыкин 2001: № 2590].

Две ойратские рукописи из ИЯЛ АНМ и рукопись из частной коллекции СУАР состоят только из одного текста дхарани Ганапати. Представляла ли третья рукопись из ИЯЛ АНМ отдельное произведение или сборник из двух произведений, остается неразрешимым вопросом из-за отсутствия большинства листов.

Таким образом, семь рукописей на ойратском «ясном письме» служат подтверждением того, что Ганапати был весьма почитаем у ойратов. Наличие трех сборников, состоящих из двух произведений, дает основание предполагать, что с практикой почитания Ганапати (во всяком случае в калмыцкой традиции) мог быть связан и ритуал почитания Пяти матерей-защитниц «Панчаракша», являющихся ипостасями Тары. Если учесть, что Ганапати считается в буддизме эманацией Авалокитешвары, и тесную связь последнего с Тарой, то присутствие дхарани Пяти матерей-защитниц в одном сборнике с дхарани Ганапати вполне оправдано. В буддийской литературе существуют разные тексты, посвященные культу Тары. В среде простых верующих особым почитанием пользовались повествования о ее разных воплощениях [Бичеев 2013; Зорин 2009].

3. Собрание дхарани Пяти великих матерей-защитниц

«Панчаракша» (санскр. Pañcarakṣā; тиб. srung ma lnga; ойр. tabun yum) является одной из наиболее ранних дхарани-сутр буддизма и представляет собой текст, состоящий из дхарани Пяти великих матерей-защитниц, наставлений о преимуществах, которые дает их чтение и руководства о том, когда и как использовать эти дхарани в ритуальных целях.

Культ Пяти великих матерей-защитниц был необычайно популярен в Древней Индии и затем получил распространение в Тибете и Монголии. Неслучайно «Панчаракша» значится четвертой в длинном списке переводов буддийских произведений ойратского Зая-пандиты (1599–1662) [Раднабхадра 1999: 62].

Наряду с самим текстом «Панчаракша» широкое распространение получили собрания дхарани (санскр. дхарани-самграха, тиб. gzungs 'dus, ойр. xuranguyūn zürken) Пяти матерей-защитниц. Существуют разные редакции этого собрания, в которых представлены их хридая-дхарани (ойр. zürken tarni, 'букв. сердечная мантра') [Гедеева, Мирзаева 2019; Бичеев 2019]. Они известны под разными названиями — «Собрание пяти глав „Панчаракша“» («Pañcaraksayin tabun bōlōgiyīn xuranguyūn oroṣibo»), «Святое собрание хридая-дхарани Пяти матерей-защитниц, доставляющее за пределы мудрости» («Хутуqtu biligiγin cinadu kürqsen tabun yumiyin xuranguyūn züreken kemēkü»), «Собрание хридая-дхарани Пяти матерей-защитниц» («Tabun yōmiγin xuranguyūn züreken kemēkü oroṣibo»), «Святая хридая-дхарани Матери Тысячекратной уничтожительницы» («Хутуqtu yeke mingγani daruqči ekeyin züreken tarni»), «Хридая Пяти матерей-защитниц» («Tabun yōmiγin zürken kemēkü»).

К примеру, калмыцкая рукопись «Собрание пяти глав „Панчаракша“» («Pancaraksayin tabun bölögiyin xurangyui orosibo») из SLUB Dresden представляет текст дхарани-сутры, в котором практически отсутствует нарратив. Текст выстроен по следующей схеме:

I. Элементы начала текста

- название сочинения на титульном листе: «Собрание пяти глав „Панчаракша“» (Pañča rakṣiṣyān tabun bölögiyin xurang-yui oroṣibo);
- общая формула поклонения: Трем драгоценностям (name buddha ya: namo dharama ya: namo sang-ka ya:);

II. Дхарани

- название раздела текста: «Святая хридая-дхарани великой Матери Тысячекратной уничтожительницы» (xutuqtu yeke mingyāni daruqči ekeyin züreken tarni);
- общая формула поклонения: Всем буддам и бодхисаттвам (xamuq burxan bodhiusadv-nartu mörgümüi);
- формула поклонения божеству: Тысячерукую, тысячеглавую, украшенную тысячью глаз Мать, уничтожающую врагов, Богиню-деву, устранившую все болезни, прекрасную Мать Тысячекратную уничтожительницу с благоговением восхваляю и преклоняюсь (öslöküi sedkiltēni daruqči mingyan ɣartu mingyan terigüütü mingyan nidü-bēr teqši čimeqsen eke xamuq ebeči arilyaqči okin tenggeri yeke mingyāni sayitur daruqči eke-dü bi süzülün maqtan mörgümüi);
- Дхарани: om ā brom manha svahā: braba madharani svahā.
- Завершающая формула: Святая хридая-дхарани Матери Тысячекратной уничтожительницы завершилась (xutuqtu yeke mingyāni daruqči ekeyin züreken tarni dousbai).

Далее в таком же виде представлены дхарани оставшихся четырех матерей-защитниц.

III. Заключительная часть

- Традиционная формула благопожелания: Да переродятся все живые существа в Сукхавати! Да будет благополучие! (xamuq amitan sukā-vadi/-du törökü boltuɣai). (om sayin amuɣoulang boltuɣai).

Другая редакция под названием «Святое собрание хридая-дхарани Пяти матерей-защитниц, доставляющее за пределы мудрости» («Xutuqtu biligiyin cinadu kürüqsen tabun yumiṣyān xurāngyui züreken kemčkü») входит в состав рукописи «Дхарани святого Ганapati» [Heissig 1961: № 504]. Хотя текст выстроен в форме дхарани-сутры, в нем дана лишь одна общая дхарани для всех Пяти богинь-защитниц и краткая информация о пользе ее чтения.

Таким образом, существовали разные редакции собрания дхарани и хридая-дхарани Пяти матерей-защитниц. Однако независимо от их формы главными в тексте являлись их магические дхарани, которым приписывались функции защиты от многочисленных несчастий и заболеваний, а также избавление от негативных качеств ума.

Относительно собрания дхарани и хридая-дхарани следует отметить, что подобные тексты существовали в отношении многих авторитетных буддий-

ских сутр — «Аштасакхасрика сутры» («Nayiman mingyatu»), «Ваджрачхеддика сутры» («Dorji jodba»), «Сутры Золотого света» («Altan gerel»), «Сутры сердца» («Biligiin zürüken»). Их появление было связано с тем, что философские тонкости сутр праджняпарамиты были недоступны для понимания простых верующих. Однако ритуальное чтение хридая-дхарани той или иной сутры порождало у простых верующих чувство сопричастности к сакральному знанию, изложенному в сутрах и уверенность в том, что с помощью их чтения устраняются препятствия на пути благоденствия в этой жизни и обретение благой формы рождения в будущем.

По всей видимости, объединение дхарани Ганапати и собрание дхарани Пяти матерей-защитниц в одном рукописном сборнике не было случайностью. В тибетско-монгольской ритуальной живописи Ганапати как тантрическое божество в некоторых формах изображается с праджней в виде обезьяны. В тексте неполной рукописи из ИЯЛ АНМ в одном из наставлений сказано: «Если кто-либо много раз будет читать это дхарани обезьяны, являющейся воплощением Ганапати, тот не будет знать недостатка в имуществе и пище» (tegēd čuulyani ezeni xubilyan sarbeči-ni ene toqtōli ali ken olo ungšixulā idēn kigēd ed-yēr yaduuruхu ülü bolumui) [Xutuqtu Mong.: л. 2v].

Несмотря на то, что основной функцией Ганапати считается дарование богатства, в тексте дхарани подспудно присутствует установка на достижение духовных результатов ради блага всех одушевленных существ. Согласно традиции буддизма, ежедневная практика дхарани Ганапати способствует духовному прогрессу. В результате этого в сознании вырабатывается позитивное отношение к другим, которое сравнимо с отношением к своему любимому и единственному ребенку («хамуq күмүн čü sedkildēn tala talamjitai ilmegei yaqca köböün metü üzekü»). Так в сознании почитающего Ганапати утверждалась установка на милосердие и сострадание.

4. Ойратский текст «Дхарани святого Ганапати»

В отличие от текстов хридая-дхарани, которые лишены нарративной рамки, дхарани-сутры, к которым относится текст дхарани Ганапати, могут содержать краткие описания ее чудесных свойств, ритуальных действий по их применению и др. [Зорин 2021: 64]. Дхарани Ганапати даже с учетом приложения в виде хридая-дхарани Пяти матерей-защитниц представляет собой небольшой по объему текст. Его структура выстроена по общей для таких текстов схеме:

I. Обязательные элементы начала текста

- название сочинения: на санскритском (enedkegiyin kelen-dü: khanapaḍi hridaya), на тибетском — не указано. Вместо него дано ойратское название (töbödiyin kelen-dü: xutuqtu čuulyani ezeni toqtōl);
- формула поклонения: Всем буддам и бодхисаттвам (хамуq burхан kigēd bodhisadv-nartu mürgümüi).

II. Зачин и экспозиция

- традиционная формула начала сутр «Так я слышал...» (Eyin kemēn mini sonosuqsan).
- указание местопребывания Будды и его окружения: город Раджагриха (Xāni balyasan);

- указание конкретного места, где произошло описываемое событие: Пик Грифов (Хайг согсоyin oula);

III. Наставления Будды о пользе практики садханы Ганапати

- обращение Будды к своему ученику Ананде (Илауn tögösüqsen nasu tögüs Anānadadu zarliq bolboi)
- дхарани Ганапати способствует исполнению всех деяний (хамуq üyile бүтүкү болуу) и всего задуманного (sedkil-dü күseqsen бүгүde чү бүтүкү);
- способствует быстрой реализации всех тантрических обетов (хамуq нуuca тарниyin ubadis чү өтөр бүтүкү);
- в этой и в будущей жизни дарует изобилие имущества и продуктов размером с гору Сумеру (ene хойитуйin ed tabar idēn undān sümer oula-luyā sasa bolxu);
- все, что не было обретено и не дано в этой жизни, будет исполнено в будущем рождении, стоит лишь только пожелать этого (хойитуду ese olduqson ese өгүqsen бүгүde чү саналиyin tödüi бүтүкү);

IV. Дхарани

- Будда призывает читать дхарани Ганапати (ene toqtoli өгүүlen üyiledemüi) и дает клятву быть Прибежищем для всякого, кто будет практиковать дхарани Ганапати один раз в день (ali nige zarimoud чуulyani erketüyin zürekeni toqtol öüni өдөрийin niјed ungšixula tere күмүйigi bi caq doustala ibemüi);

V. Объяснение благих свойств дхарани

- в этой и будущей жизни будет благоденствие (ene nasun kigēd хойиту амуyulang јiryalang tögüs bolxu);
- в будущем рождении будет равным Индре, Брахме и Царю чакравартину (хойитуду tenggeriyin erketü xuramasta esrün kigēd күмүni дөrbөн tibiyin күrdü орчилуqči хān metü bolxu);
- Ни в одном из рождений не познает нищеты и страданий (хамуq zobolonggi töröl tutum ülü üzekü)
- Ко всем людям будет настроен дружелюбно (хамуq күмүн чү sedkildēn tala talamјitai);
- Будет обладать способностью подчинять себе людей (хамуq күмүн чү өбдөрийin erkedü oron);

V. Заключительная часть

- Благопожелание: Прольется дождь праджняпарамиты, и сгинут все препятствия (belge biligiyin хура asxaraxu хамуq nisvanis arilaxu).
- традиционная формула восхваления Будды: Вся вселенная, с ее богами, людьми, асурами и гандхарвами, сорадуясь сказанному, восславила наставление Победоносного (tenggeri күмүн kigēd asuri ünür ideqči-lügei selte yertünčüner daxan bayasči ilayun tögüsön üleqseni zarligi ilerkei maqtabai);
- заключительная формула о завершении сочинения: «Дхарани святого Ганапати» завершилась (хутуqtu чуulyani ezeni toqtöl tögүsbüi).

Далее в рукописи следует текст хридая-дхарани Пяти богинь-защитниц. В отличие от дхарани-сутры Ганапати в ней дана сжатая информация о пользе чтения приведенной в тексте дхарани.

I. Элементы начала текста

- название сочинения: на санскритском (enedkegiyin kelen-dü: aryā pañca baramida luṅya pañca nama hridaya dani), на тибетском — отсутствует. Вместо него дано монгольское название (töbödiiyin kelen-dü: xutuqtu biligiin cāna kürüqsen tabun yömiyin xuranguyuiin züreken kemēkü).
- формула поклонения: Бхагавану, ушедшему за пределы мудрости (ilaṅun tögösün üleqsen biligiin cāna kürüqsen-dü mürgümüi).

II. Дхарани

- текст дхарани: Одна общая дхарани всех Пяти матерей-защитниц;
- разъяснения о пользе чтения дхарани: Прочтение этой дхарани один раз избавит от греха лишения жизни архата, гелонга, греха оскорбления Учителя-наставника и родителей и др. Если заказать переписку этой сутры, то благие накопления увеличатся в тысячу раз, если переписать золотом, — в сто тысяч раз.

III. Колофон

- Текст колофона не вполне ясен. В нем упоминается имя Атиши (zou adiṣa arban хойор jil boltolo sayin зарлигиин хуби хойор gešöün-dü ese olöd хойино олji dotodu туqdam-du zoköbui).

В живописной традиции буддизма известны изображения разных форм Ганапати. Некоторые из них представлены на сайте Himalayan art Resources (HAR) [Buddhist Deity 2006]. Прослеживается определенная связь между текстом дхарани и традицией его изображения.

На буддийских танках Ганапати всегда изображается с разными символическими атрибутами, в том числе и с чашей, наполненной драгоценностями. Большинство простых верующих почитало Ганапати как божество богатства. Согласно тексту дхарани-сутры, он дарует своим почитателям еды и имущества размером с гору Сумеру не только в этой жизни, но и в будущем рождении (ene хоуитуйин ed tabar idēn undān sūmer oula-luṅya saca bolxu).

В кратком монгольском тексте дхарани, который содержится в составе «Сунгдуй» Таранатхи (1575–1634), изложена хридая-дхарани Ганапати с описанием ее чудесных свойств, в том числе избавление от бедности [Зорин 2021: 53]. В ойратском тексте дхарани указывается, что тот, кто будет почитать эту дхарани «во всех рождениях не увидит нищеты и страданий» («ügeyireṅ yadourḡu kigēd xamuq zobolong-gi töröl / tutum ülü üzekü boloyu») [Xutuqtu Dr.: л. 3r–3v].

Ганапати часто изображают держащим в руках чиндамани — мифический драгоценный камень, исполняющий все желания. Упоминание о волшебном свойстве чиндамани присутствует в тексте дхарани: «Все желаемые какие бы то ни было яства будут исполнены подобно дару чиндамани, исполняющему желания» (öbörön ali küseqsen idēn undā tödүй küsel xangyaqci jindamuni metü öyligü irekü boluyu) [Xutuqtu Dr.: л. 2r].

Центральную часть текста занимает дхарани Ганапати, которой приписываются функции устранения всех препятствий. Считается, что он дарует знания, которые помогают достичь чудесного прогресса. Любой высокородный юноша или высокородная девушка, монах или монахиня, мирянин или мирянка, ко-

торые будут один раз в день читать дхарани Ганапати, в будущем могут стать равными владыке небожителей Индре, Брахме и царю Чакравартину («xoyitudu tenggeriyin erketü xuramasta esrүн kigēd kümüni дөрбөн тибийн күрдү орçилуqчи хān metü bolxu болуу»).

При усердной практике определенных форм Ганапати обретается различающее знание, которое дарует способность подчинять и заставлять людей действовать во благо других («хамуq kümün čü öböriyin erkedü орон: хамуq kümüigi čü болжилон зараху»).

В буддийской традиции по одной из своих функций Ганапати является божеством, дарующим богатство и власть. Концепция богатства и власти в системе тантрического буддизма соотносится с четырьмя видами деятельности — умиротворением, возрастанием, могуществом и гневом. В буддизме эти четыре действия символизируются определенными цветами: умиротворяющая деятельность — белым, возрастающая деятельность — желтым, могущественная деятельность — красным и гневная деятельность — сине-черным цветом.

В тибетско-монгольском буддизме наиболее широко укоренились две формы Ганапати: белый (умиротворяющий) и красный (могущественный). Две эти формы иногда изображаются в совокуплении с праджней, воплощенной в виде обезьяны. Известна тибетская танка с изображением красного Ганапати с головой белого слона в специфичной форме совокупления с богиней сине-черного цвета и с головой обезьяны [Ganapati Red 2000]. Такая же его форма существует и в виде статуэтки [Ganapati].

Считается, что результатом правильной духовной практики дхарани Ганапати является обретение высшей мудрости и достижение состояния нерушимого блаженства тела и ума. Это понятие нерушимого блаженства настолько значимо для достижения конечной цели буддизма, что определенные формы тантрических божеств, в том числе и Ганапати, символически изображаются в соитии с праджней.

Однако для простых верующих практика дхарани Ганапати была, прежде всего, связана с устранением препятствий в повседневной жизни. Согласно тексту рукописи из Синьцзяна и информации, полученной от олетских (илийских) генге (мирская форма священнослужителей), дхарани Ганапати следует читать на рассвете. По окончании троекратного чтения необходимо совершить ритуальное очищение воскурением. Считается, что чтение дхарани Ганапати способствует исполнению всех задуманных деяний, а также благополучию членов семьи.

5. Заключение

В тантрической традиции буддизма существовали разные уровни практики почитания Ганапати. Эта практика заключалась в регулярном исполнении определенного ритуала для достижения конкретных целей: обретения богатства, новых знаний, духовного прогресса. Несмотря на то, что основной функцией Ганапати считается дарование богатства, практика его дхарани — это не столько почитание божества, дарующего богатство, сколько глубоко нравственная духовная практика. В результате такой практики обретается проницательная

мудрость, позволяющая осознать и упорядочивать происходящие явления и события. Таким образом, практика дхарани Ганапати вырабатывает твердую установку на достижение определенных целей, направленных во благо всех живых существ.

Приложение

Xutuqtu čuulyani ezen kemēküyin toqtöl::

[1r] enedkegiyin kelen-dü: / aryā kanabaḍi hri/daya: töbödiyin kelen/-dü: xutuqtu čuulya/ni ezen kemēküyin toqtöl: xamuq burxan / kigēd bodhisadv-nar/tu mürgümüi:: mongyo/liyin kelen-dü: eyin / kemēn mini sonosuqsan / nigen caqtu ilayun tö/güsüqsen xāni xarši / xajir coqcoyin uula[1v]-du dgeslonggiyin yeke / burasang xuvaraḡ noyoud / nige soubai:: tere caqtu / ilayun tögösüqsen nasu / tögüs Anāḡdadu zarliq / bolboi: čuulyani ezen / züreken öüni barixula: / nēküle tere kümüni xamuq / üyile бүтүкү болуу: sed/kil-du күсөсөн бүгүде / čü бүтүкү болуу: xamuq nuuca tarniyin ubadis čü / ötör бүтүкү болуу: / ene xoyituyin ed / [2r] tabar idēn undā ed/lekü jiryalang terigüü/ten бүгүде čü xotolo / tögüs sümer oula/-luyā saca bolxu болуу: / xoyitudu ese olduq/son ese ögüqsen бүгү/de čü sanaliyin tödüi / бүтүкү болуу: öbörön ali күсөсөн idēn / undā tödüi küsel / xangyaqči jindamuni / metü öyigü irekü bo/luyu: xamuq küseliyin / xura buuxu болуу: [2v] teyiküle ene toqtoli ö/güülen üyiledemüi:: *ḍadyāta* / [namo] *ḍuddhi yanabaḍi kaḍa* / *kaḍa: khiti khiti kuḍa* / *kuḍa maḍra maḍra: dara* / *dara dhanha dhanha: ghri/hina ghrihina: daba* / *daba: jamba jamba: sama/ya manu smarana ḍudde ḍu/ḍdra baḡanaye svahā*: / *abuḍe bhidukṣa baḡa da/na basama ya/raḇa tamaha* / *baya* [mahabaya]: *maheḍeḍa kaṣi ni/ra para kompayasi ḍadyāta* / *om kuru kuru: muru muru* / *ḡuru ḡuru: nama nama* / *svahā*:: ananda ā izourtani / köböün buyu izourtani okin / [3r] buyu: ečiḡe dgeslong kigēd / eke dgeslong: ubaṣi / kigēd ubasanca buyu: ali / nige zarimoud čuulyani er/ketüyin zürekeni toqtol öü/ni ödüriyin niḡēd ungši/xula tere kümüiyigi bi caq / doustala ibemüi:: ene nasun / kigēd xoyitu amuyulang jir/yalang tögüs bolxu болуу / xoyitudu tenggeriyin erketü / xuramasta esrün kigēd kü/müni dörbön tibiyn kürdü / orčiluqči xān metü bolxu / болуу: ese böḡösü buyan ki/ṣigiyin jiryalang sayitur / edelekü болоу: ese böḡösü / ügeyiren yadourxu kigēd [3v] xamuq zobolong-gi töröl / tutum ülü üzekü болоу: xamuq kümün čü sedkildēn tala / talamḡitai ilmegei yaqca kö/böün metü üzekü болоу: / xamuq kümün čü öbüriyin / erkedü oron: xamuq kümüi/gi čü bolḡilon zaraxu болоу: xamuq küsel nige aqsini tö/düi-du бүтүкү болоу: üi/le ali üyiledüqsen ali sanal / zabaduqsan бүгүде čü xurum/xon zouru бүтүкү болоу: ene nasun kigēd xoyitu xo/you-ladu čü idēn undā / ed tabur terigüüten: edle/kü jiryalang бүгүде xura me/tü asxaran xamuq töröl tu/tam-du ügei yadougiiyin ne[4r]reču ülü болоу: xamuq töröl/-dü küsel xangyaqči jindamuni/yin xura dēdü tenggeriyin ta/kiliyin xura kigēd: belge bi/ligiyin xura terigüüten asxa/raxu болоу: xamuq buyan kiṣigiyin / xura asxaraxu болоу: xamuq / nisvanis arilaxu болоу: : : /

Дхарани святого Ганапати

[1r] На санскрите: *Arya ganapati hridaya*.

На тибетском языке: [‘*Phags pa tshogs kyi bdag po’i sniying po*].

На монгольском языке: *Хутгт Чуулхани эзн кемекү тогтал*.

Преклоняюсь всем буддам и бодхисаттвам!

Так я слышал. Однажды Бхагаван¹ пребывал в Раджагрихе², на Пике Грифов³ вместе с большой общиной монахов-гелонгов. В то время Бхагаван молвил достопочтенному Ананде:

— [Ананда,] все деяния человека, который будет соблюдать и выполнять эту сущность сердца Ганапати, будут исполнены! Все задуманное им также будет исполнено, все обеты тайных дхарани также будут быстро исполнены! Все счастье обладания имуществом, пищей и другим в этой и [2r] в будущей жизни будет равным горе Сумеру.

Все, что не было обретено и не дано в настоящей жизни, в будущем, стоит лишь подумать, как будут исполнены. Все желанные яства и другое будут обретены в виде подношений исполняющего желания Чинтамани. Выпадет дождь исполнения всех желаний. [2v] Поэтому — практикуй чтение этой дхарани:

dadyāta [namo] dud dhi yanapadi kada kada: khiti khiti: kuda kuda madra madra: dara dara: dhaha dhaha: giri hana: giri hana: daba daba: zamba zamba: samaya manu samarana dodde doddra pazana ye svahā: na bude bhi durxa pañca rana pasama yaraṇa tamaha paya [mahabaya]: ma hitata kahai arapara kum paya si dadyata om kuru kuru: muru muru zuru zuru: nama nama svahā:.

О, Ананда, если высокородный сын или высокородная дочь, монах или монахиня, послушник или послушница, или кто другой, станут читать эту сущность сердца Ганапати один раз в день, то я стану Прибежищем для него до окончания времен.

В этой и в следующей жизни счастье и благополучие его будут полными. В будущем станет он подобным владыке небожителей Индре, Брахме и царю четырех континентов Чакравартину. Полностью вкусит счастье и благоденствие, ни в одном из рождений не познает он нищеты и страданий.

Ко всем людям будет настроен дружелюбно, как к своему единственному ребенку. Всех людей сумеет подчинить себе и заставить служить, словно рабов. Все желания его будут исполняться мгновенно, все совершенные деяния, все задуманное исполнится в скором времени.

В этой жизни и в будущем рождении яства и имущество, счастье и благополучие прольются благодатным дождем. Во всех рождениях будет избавлен от нищеты и бедности, в каждом рождении прольется дождь исполняющего желания чиндамани, дождь подношений верхних небожителей, дождь праджня-парамиты. Прольется дождь всех благих деяний и счастья, сгинут все несчастья!

Источники

Xutuqtu Dr. — «Xutuqtu čūlyani ežen kemektüyin toqtol». Ойр. рукопись, 6 л., 7×20, 19 стк., четкий почерк. 201 Msc. Dresd. Eb. 405^b-q. LB, Dresden.

Xutuqtu Mong. — Xutuqtu čūlyani ezeni toqtöl orošiboi. Ойр. рукопись, 2 л., 8×21, 15–19 стк., четкий почерк, красная и черная тушь, кит. бумага. № 464 Institute of Language and Literature MAS.

¹ Бхагаван (санскр. bhagavan; тиб. bcom ldan 'das; ойр. ilayun tögüsün üleqsen) — эпитет Будды.

² Раджагриха (санскр. rājagṛha; тиб. rgyal po'i khab; ойр. xāni xarši) — город в древней Индии.

³ Пик грифов (санскр. grddhakūṭa; тиб. bya rgod phung ri; ойр. xajir coqcoyin uula) — гора, на которой Будда проповедовал Дхарму своим ученикам.

Sources

- Dharani Sutra of Lord Ganapati (Oir. *Xutuqtu čūlyani ežen kemekūyin toqtol*). At: Saxon State and University Library Dresden (SLUB Dresden). 201 Msc. Dresd. Eb. 405b-q. 6 p., 7×20 cm, 19 lines, clear handwriting. (In Oir.)
- Dharani Sutra of Lord Ganapati (Oir. *Xutuqtu čūlyani ezeni toqtōl orošiboi*). At: Mongolian Academy of Sciences; Institute of Language and Literature. Call. no. 464. 2 p., 8×21cm, 15–19 lines, clear handwriting, red and black ink, Chinese paper. (In Oir.)

Литература

- Андреева 2020 — Андреева Е. М. Ганеша и его культ. Происхождение, иконография, мифология. М.: Ганга, 2020. 464 с.
- Бичеев 2013 — Ойратская версия «Истории Белой Тары» («Повести о Багамай-хатун»). Факсимиле рукописей. Исследование, транслитерация перевод с ойратского, комментарии Б. А. Бичеева. Элиста: КИГИ РАН, 2013. 248 с.
- Бичеев 2019 — Бичеев Б. А. Ойратская коллекция рукописей Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 18–31. DOI: 10.25178/nit.2019.4.2
- Бурмистров 2014 — Бурмистров С. Л. Культ и мифология Ганеши (по рукописным материалам из Индийского фонда ИВР РАН) // Письменные памятники Востока. 2014. № 1(20). С. 168–179.
- Ганболд 2012 — Ганболд Д. «Бичиг соелын төв»-д буй монгол, төвөд судрын гарчиг, бичвэрийн тодорхойлолт (= Каталог монгольских и тибетских рукописей «Центра письменности и культуры»). Улаанбаатар: Бит Пресс, 2012. 88 с.
- Гедеева, Мирзаева 2019 — Гедеева Д. Б., Мирзаева С. В. Ойратская рукопись «Хридая-дхарани Матерей» (ойр. *ekeyin zürken tarni orošiboi*) из фонда Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 79–86. DOI: 10.25178/nit.2019.4.6
- Глушкова 1999 — Глушкова И. П. Общеиндийский бог Ганеша // Древо индуизма / отв. ред. И. П. Глушкова. М.: Вост. лит., 1999. С. 283–312.
- Гэрэлмаа 2005 — Гэрэлмаа Г. Хэл зохиолын хүрээлэнгийн тод үсгийн номын товч бүртгэл (= Краткий каталог рукописей на «ясном письме» Института языка и литературы). Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2005. 270 х.
- Гринцер 1991 — Гринцер П. А. Ганеша // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 140–141.
- Дубянский 1996 — Дубянский А. М. Ганеша // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / под общ. ред. М. Ф. Альбедиль и А. М. Дубянского. М.: Республика, 1996. С. 138–139.
- Зорин 2009 — Гимны Таре / перевод с тибетского, критический текст, предисловие, приложения А. В. Зорина. М.: Открытый Мир, 2009. 272 с.
- Зорин 2021 — Зорин А. В. «Драгоценный камень, исполняющий желания»: Сборники «Сунгдуй» и «Доманг» в истории тибетской литературы. СПб.: Петербургское востоковедение, 2021. 292 с.
- Иванов 2009 — Иванов Д. В. Редкое изображение Ганеши в буддийских коллекциях Кунсткамеры // Азиатский бестиарий: образы животных в традициях Южной, Юго-западной и Центральной Азии: сб. науч. ст. / отв. ред. М. А. Родионов. СПб.: Кунсткамера; МАЭ РАН, 2009. С. 96–100.
- Лепехова 2020 — Лепехова Е. С. Культ Ганеши и его почитание в японском буддизме // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 1. С. 33–46. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-33-46
- Музраева 2012 — Музраева Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. Элиста: Джангар, 2012. 224 с.
- Позднеев 1887 — Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 512 с.

- Раднабхадра 1999 — *Раднабхадра*. «Лунный свет»: история рабджам Зая-пандиты. Факсимиле рукописи; перевод с ойратского Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина; транслитерация текста, предисловие, примечания и указатели А. Г. Сазыкина. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 176 с.
- Сазыкин 2001 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской академии наук. Т. II. М.: Вост. лит., 2001. 415 с.
- Темкин, Эрман 1982 — *Темкин Э. Н., Эрман В. Г.* Рождение Ганеши слоноволового бога // Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы Древней Индии. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. С. 184–188.
- Тондуб Ринпоче 1997 — *Тулку Тондуб Ринпоче*. Тайные учения Тибета: объяснение тибетской буддийской традиции терма / пер. с англ. А. Беседина. СПб.: Уддияна, 1997. 288 с.
- Чаттопадхья 1961 — *Чаттопадхья Д.* Локаята Даршана. История индийского материализма / пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 735 с.
- Яхонтова 2010 — *Яхонтова Н. С.* Ойратский словарь поэтических выражений. Факсимиле рукописи, транслитерация, введение, перевод с ойратского, словарь с комментариями, приложения Н. С. Яхонтовой. М.: Вост. лит., 2010. 615 с.
- Buddhist Deity 2006 — Buddhist Deity: Ganapati Main Page [электронный ресурс] // Himalayan art Resources (HAR). 2006. URL: <https://www.himalayanart.org/search/set.cfm?setID=207> (дата обращения: 20.07.2023).
- Heissig 1961 — *Heissig W.* Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten beschrieben von Walther Heissig; unter Mitarbeit von Klaus Sagaster. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1961. 494 S. (Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland; Bd. 1.)
- Mongyol yarčiγ 2002 — *Mongyol γanjuur danjuur-un γarčiγ*. Degedü. (= Каталог монгольского «Ганджура» и «Данджура». Т. 1). Kōkhoto: Ulus-un bar-a keblel-ün horyi-a (Хух-Хот: Народное издательство), 2002. 928 h.
- Ganapati Red 2000 — Ganapati (Indian God & Buddhist Deity) – Red (4 hands) [электронный ресурс] // Himalayan art Resources (HAR). 2000. URL: <https://www.himalayanart.org/items/207> (дата обращения: 20.07.2023).
- Ganapati — Ganapati (Indian God & Buddhist Deity) [электронный ресурс] // Himalayan art Resources (HAR). URL: <https://www.himalayanart.org/items/60630> (дата обращения: 20.07.2023).

References

- Andreeva E. M. Ganesha and His Cult: Origin, Iconography, Mythology. Moscow: Ganga, 2020. 464 p. (In Russ.)
- Bicheev B. A. An Oirat literary collection from the National Museum of Tuva. *The New Research of Tuva*. 2019. No. 4. Pp. 18–31. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/878/1274> (accessed: 20 July 2023). (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2019.4.2
- Burmistrov S. L. The cult and mythology of Gaṇeśa (Based on manuscripts of the Indian Collection of IOM RAS). *Pis'mennye Pamiatniki Vostoka* (Written Monuments of the Orient). 2014. No. 1(20). Pp. 168–179. (In Russ.)
- Catalogue of the Mongolian Kangyur and Tengyur. Vol. 1. Hohhot: People's Publ. House, 2002. 928 p. (In Mong.)
- Chattopadhyaya D. Lokayata: A Study in Ancient Indian Materialism. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1961. 735 p. (In Russ.)
- Dubyansky A. M. Ganesha. In: Albedil M. F., Dubyansky A. M. (eds.) *Hinduism. Jainism. Sikhism: A Dictionary*. Moscow: Respublica, 1996. Pp. 138–139. (In Russ.)
- Ganbold D. Center for Script and Culture: A Catalogue of Mongolian and Tibetan Manuscripts. Ulaanbaatar: Bit Press, 2012. 88 p. (In Mong.)
- Gedeeva D. B., Mirzaeva S. V. 'Hṛdaya-dhāraṇī of Mothers' (Oir. *ekeyin zürken tarni orošiboi*): An Oirat manuscript from the National Museum of Tuva. *The New Research of Tuva*. 2019.

- No. 4. Pp. 79–86. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/884/1278> (accessed: 20 July 2023). (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2019.4.6
- Gerelmaa G. Institute of Language and Literature: A Concise Catalogue of Manuscripts in the Clear Script. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2005. 270 p. (In Mong.)
- Glushkova I. P. Ganesha: A pan-Indian deity. In: Glushkova I. P. (ed.) *The Tree of Hinduism*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1999. Pp. 283–312. (In Russ.)
- Grintser P. A. Ganesha. In: Meletinsky E. M. (ed.) *A Dictionary of Mythology*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1991. Pp. 140–141. (In Russ.)
- Heissig W. *Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten beschrieben von Walther Heissig; unter Mitarbeit von Klaus Sagaster (Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland 1)*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1961. 494 p. (In Germ.)
- Hymns to [Mother] Tara. A. Zorin (transl., text prep., etc.). Moscow: Otkrytyi Mir, 2009. 272 p. (In Russ.)
- Ivanov D. V. One rare depiction of Ganesha in Buddhist collections of the Kunstkamera. In: Rodionov M. A. (ed.) *The Asiatic Bestiary: Animal Images in Traditions of South, Southwest, and Central Asia. Collected scholarly papers*. St. Petersburg: Kunstkamera, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2009. Pp. 96–100. (In Russ.)
- Lepekhova E. S. Ganeśa's cult and his veneration in Japanese Buddhism. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. No. 1. Pp. 33–46. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-33-46
- Muzraeva D. N. Tibetan- and Oirat-Language Buddhist Written Sources in Collections of Kalmykia. Elista: Dzhangar, 2012. 224 p. (In Russ.)
- Pozdnev A. M. *Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia, and Relations of the Latter to the People*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 512 p. (In Russ.)
- Ratnabhadra. *The Moonlight: A Biography of Rabjam Zaya (dza ya) Pandita*. Facsimile of manuscript. G. Rumyantsev. A. Sazykin (transl.); A. Sazykin (translit., foreword, etc.). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 176 p. (In Oir. and Russ.)
- Sazykin A. G. Institute of Oriental Studies (RAS): Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001. 415 p. (In Russ.)
- Temkin E. N., Erman V. G. Ganesha: The birth of the elephant-headed God. In: Temkin E. N., Erman V. G. *Myths of Ancient India*. Second edition, rev. & suppl. Moscow: Nauka — GRVL, 1982. Pp. 184–188. (In Russ.)
- The Story of White Tara: An Oirat Version (The Tale of Bagamay Khatun). Facsimile of manuscripts. B. Bicheev (study, transl., etc.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2013. 248 p. (In Oir. and Russ.)
- Tulku Thondup Rinpoche. *Hidden Teachings of Tibet: An Explanation of the Terma Tradition of Tibetan Buddhism*. A. Besedin (transl.). St. Petersburg: Uddiyana, 1997. 288 p. (In Russ.)
- Zaya (dza ya) Pandita. *The Oirat Dictionary of Poetic Set Expressions*. Facsimile of manuscript. N. Yakhontova (translit., foreword, etc.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. 615 p. (In Oir. and Russ.)
- Zorin A. V. The Wish-Fulfilling Jewel: *Zungdū* (gzungs 'dus) and *Domang* (mdo mang) Collections in the History of Tibetan Literature. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2021. 292 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 15, Is. 3, pp. 446-457, 2023
 DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-446-457

МОНГОЛОВЕДИЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 94 (571.5)

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-446-457

«Секретные» болезни у монгольских народов в начале XX в.: традиционные представления и методы лечения

Суржана Борисовна Миягашева¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0002-3646-0370. E-mail: surjana[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Миягашева С. Б., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению традиционных представлений о венерических заболеваниях в культуре монгольских народов, о природе их возникновения и способах лечения, основанных на народной и тибетской медицине. *Целью* исследования является анализ медицинских знаний и опыта бурят и монголов, использовавшихся для лечения венерических заболеваний в начале XX в. *Материалы и методы* исследования. Методами, использованными в работе, являются сравнительно-сопоставительный и историко-сравнительный. Основными материалами для исследования шаманистических воззрений, связанных с представлениями о венерических заболеваниях, явились архивные фонды С. П. Балдаева, И. А. Манжигеева, а также труды М. Н. Хангалова, Ц. Жамцарано. Корпусом трудов по тибетской медицине послужили традиционные тибетские и бурят-монгольские медицинские рецептурники-жоры. *Результаты.* В статье показано, что, несмотря на мифологическую интерпретацию природы венерических болезней, монгольские народы имели вполне рациональное понимание синдромов и характера протекания венерических заболеваний.

Ключевые слова: венерические заболевания, народные знания, *аляа басагад*, *хуйтэни бурхацуул*, тибетская медицина, болезни контактных ядов

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «„Мягкая сила“ советской медицины: трансфер знаний, технологий и идеологий в международных связях Наркомздрава РСФСР/СССР (1921–1947)» (№ 19-18-00031).

Для цитирования: Миягашева С. Б. «Секретные» болезни у монгольских народов в начале XX в.: традиционные представления и методы лечения // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 3. С. 446–457. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-446-457

‘Secret’ Diseases across Mongolic Communities in the Early 20th Century: Traditional Representations and Treatment Methods

Surzhana B. Miyagasheva¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0002-3646-0370. E-mail: surjana[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Miyagasheva S. B., 2023

Abstract. *Introduction.* The article examines some traditional ideas of venereal diseases traced in Mongolic cultures, reasons once believed to lie behind them, and treatment methods prescribed by folk and Tibetan medicine. *Goals.* The study attempts an analysis of medicinal knowledge and experiences used by Buryats and Mongolians to cure venereal diseases in the early twentieth century. *Materials and methods.* The work employs the comparative method and that of historical-comparative analysis. It focuses on archival collections of S. Baldaev, I. Manzhigeev, works of M. Khangalov and Ts. Jamtsarano for insights into shamanistic views and ideas pertaining to venereal diseases. The corpus of examined works on Tibetan medicine has been compiled from traditional Tibetan and Buryat-Mongolian guides to medicinal drugs and herbs — *zhors*. *Results.* The paper shows that despite mythological interpretations of venereal diseases as such did prevail, the Mongolic peoples were distinguished by a completely rational understanding of syndromes and course patterns characteristic of certain venereal diseases.

Keywords: venereal diseases, folk knowledge, *alya basagad*, *huiteni burhashuul*, Tibetan medicine, catalyst poisoning

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 19-18-00031 ‘Soft Power of Soviet Medicine: Transfer of Knowledge, Technologies, and Ideologies in International Relations of the RSFSR/USSR People’s Commissariat for Health (1921–1947)’.

For citation: Miyagasheva S. B. ‘Secret’ Diseases across Mongolic Communities in the Early 20th Century: Traditional Representations and Treatment Methods. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(3): 446–457. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-446-457

1. Введение

Многие эпидемические и социальные заболевания, в частности, такие как сифилис, гонорея и мягкий шанкр, были занесены в среду кочевников народами соседнего Китая, а также с началом освоения Сибири [Содномпилова 2019: 29]. У монгольских народов сифилис назывался *тэмбүү* / *тхим-бу* (бур. *тэмбүү яра*) [Манжигеев 1978: 99], а также *яра өвчин*, *муу үбэшэн яра*, *халхин үбөшэн* [Баторов 1926: 36]. Гонорея обозначалась словом *хүйтэн өвчин* (бур. *хүйтэн үбөшэн*) или *заг өвчин* [Баторов 1926: 35; Монголын уламжлалт 2011: 326]. Обобщенно венерические заболевания назывались *өнгөний өвчин*, у бурят имелись названия *хянам* и *гэм*, что означало заболевания половых органов в целом [Хангалов 2021: 423; Жамцарано 2001: 81]. У западных бурят также значился термин *шасаргантаха* ‘букв. покрываться красной сыпью’, что означало «болеть сифилисом» [Манжигеев 1978: 99].

Наличие ряда названий свидетельствует о широком распространении венерических заболеваний в монгольском обществе и соотносится с эмпирическими знаниями об их внешних признаках, сопровождающихся появлением язв и нарывов, характерных для «секретных» заболеваний.

Целью исследования является анализ медицинских знаний и опыта бурят и монголов, использовавшихся для лечения венерических заболеваний в начале XX в.

2. Представления о венерических заболеваниях в ритуально- мифологическом пространстве бурят

Традиционное мировоззрение монгольских народов сводило происхождение венерических заболеваний к вредоносной деятельности божеств и различных духов. Подобные представления являлись весьма вариативными и отличались разнообразием у локальных групп монгольских народов. Однако почти у всех монголов и бурят считалось, что подобные заболевания насылали восточные небожители *зүүн тэнгэри*, которые распространяли на людей разные несчастья, раздоры и всевозможные болезни [Манжигеев 1978: 55]. Из пантеона восточных небожителей божеством, карающим болезнями половых органов и поражающим бесплодием женщин и мужчин, считалась гневная богиня Хара Охин Тэнгри [Хангалов 2021: 385]. В целях умиловствления этих восточных небожителей монгольские народы проводили индивидуальные или коллективные моления.

Кроме восточных небожителей, в сонм божеств, чинивших вред, распространявших болезни и раздоры между людьми, входили восточные хаты, духи и *заяны*. Так, в мифопоэтическом представлении бурят существовало девять восточных духов болезней, которые считались братьями. Они именовались хозяевами таких заболеваний, как рожистое воспаление, сибирская язва, панариций, фурункул, парша, чесотка, лишай, золотуха, а также венерические заболевания. Этим грозным хозяевам-братьям болезней буряты брызгали тарасун или вино и проводили обильные жертвоприношения [Хангалов 2021: 422–42].

Также хозяевами-*эжинами*, насылающими болезни половых органов, считались Гэгуй-нойон и его супруга Гагуй-хатун, которым требовалось приносить в жертву вино девяти котлов (чаш, перегонов) и чай. В то же время существовали верования в духа шаманки по имени Аля хатун, которая считалась виновницей половых, горловых, носовых и сифилитических болезней. По легенде, Аля хатун была женщиной очень красивой, ветреной и сладострастной, которая скончалась в цвете лет. Считается, что ее дух обитает в местности Дуту, и ей принято приносить в жертву белого барана-производителя или жеребца [Жамцарано 2001: 81–82].

В последующем в мифологии западных бурят появился целый сонм вредоносных духов, называемых *алая басагад* (*алая* буквально означает ‘шаловливая’, ‘игривая’, ‘ветреная’) [Манжигеев 1978: 91].

К следующей категории духов-виновников венерических заболеваний относился *заян* по имени Эргил Буга Тунхеев. Он являлся большим шаманом, который прославился в бурятских преданиях олицетворением эротизма, например, про него говорится, что «прожив 300 лет, он оплодотворил 300 женщин» [Дампилова 2005: 199]. После смерти шаман Тунхеев был наречен божеством

чадородия, и его онгон, изготовленный из шкурки желтого хорька, вешали над супружеским ложем [Дампилова 2005: 199]. Легенды также повествуют, что Эргил Буга, будучи искусным сердцеедом и большим ловеласом, однажды заразился венерической болезнью. Поэтому буряты поклонялись его онгону в случае заболевания «секретными» болезнями и произносили следующий заговор против венерических болезней:

Эргил Буга Тунхэй бешеный,
Покровитель (старец) хорька,
Холодную болезнь удали без последствий,
Болезнь сосуда удали навсегда (удаляйся долой)!

[ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. ОАФ. Д. 585 «а». Л. 6].

В ритуально-обрядовом комплексе западных бурят подобные обряды, адресованные духам-покровителям венерических заболеваний, носили название общее название *хүйтэнэши* [Манжигеев 1978: 91]. В данном случае интерес представляет смысловая символика понятия *хүйтэн* ‘холодный’. Известно, что буряты именовали венерические болезни *хүйтэн убөшэн* ‘букв. холодная болезнь’ [Галданова 1992: 98]. Термин *хүйтэн* означает также ‘чужой’, что может отражать тот факт, что подобные социальные заболевания были привнесены к бурятам извне [Содномпилова 2019: 21]. Вероятно, что образ холода был связан с категорией враждебных «холодных» духов — *хүйтэни бурхашиуул*, которые относились к представителям Нижнего мира.

В фольклорно-этнографических материалах С. П. Балдаева приводятся сведения о целом культе так называемых *хүйтэни бурхад* / *бурхашиуул*, среди которых упоминается покровитель подземного мира Эрлэн номон хан вместе с супругой Эхэлуур хатан, а также его помощники и писари [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Д. 1127. Л. 1]. Кроме них, в пантеон *хүйтэни бурхад* входили божества по имени Толи Сагаан ноен с супругой Тудэгэши хатан, которые, согласно легендам, живут на р. Киренге в местности Хирэнхи хээр, а также Хуу сагаан ноен и его супруга Хондолой сагаан хатан, живущие в устье р. Киренги [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Д. 1056. Л. 36]. Именно река Киренга в мифологии бурят указывается местопребыванием *хүйтэни бурхашиуул* [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Д. 1129. Л. 1].

Вероятно, *хүйтэни бурхад*, являвшиеся представителями вредоносных восточных божеств, олицетворялись в качестве покровителей венерических заболеваний *хүйтэни убөшэн*. Подтверждением служит тот факт, что в старину для лечения такого «секретного недуга», как триппер, употреблялась именно кхирхайская вода (аршан), которая была похожа на белое молоко. Этот аршан, по сведениям П. П. Баторова, находился на границе Алари и Холмогуйского селения [Баторов 1926: 35]. Вероятно, кхирхайская вода указывает на р. Киренгу. Символика белого цвета кхирхайской воды, «похожей на молоко», с помощью которой проводили магическую процедуру лечения, заключена в эпитетах самих духов — Толи Сагаан ноен, Хуу сагаан ноен, Хондолой сагаан хатан (*сагаан* ‘белый’). Возможно, семантика необычного белого цвета воды маркировалась в качестве иного сакрального пространства, поэтому р. Киренга была наречена обиталищем «холодных» враждебных божеств, насылающих «холодные» болезни.

Наряду с этим, символика «холодной болезни» находит объяснение в том, что венерические болезни не вызывают температуры тела, т. е. не сопровождаются высокой температурой и жаром. Известно, что монгольские народы боялись горячки и лихорадки, так как большинство заболеваний эпидемического характера сопровождались высокой температурой тела. Поэтому, вероятно, в виду отсутствия высокой температуры при венерических заболеваниях, у них сложилось мнение, что подобные болезни не опасны.

3. Практика врачевания венерических заболеваний в народной и тибетской медицинских системах

Помимо комплекса ритуально-обрядовых и магических методов, в практике народной медицины имелись специфические рецепты по излечению венерических заболеваний. Например, у аларских бурят для лечения гонореи имелся старинный способ лечения посредством теплой мочи самой старшей женщины в улусе, у которой в виду старости давно прекратились месячные очищения. Больному предлагалось выпить полную чашку на восходе солнца, произнеся вслух магическую формулу *Эм дом бол!* ('букв. Будь лекарством и исцеляющим средством') [Баторов 1926: 35].

Таким образом, традиционные народные представления о природе венерических заболеваний у бурят-шаманистов сводились к вполне рациональным знаниям об их протекании без общего жара. Немаловажно отметить, что подобные представления имелись в теоретической основе тибетской медицины, получившей широкое распространение у монгольских народов с принятием буддизма в XVII в. Так, многие болезни в тибетской медицине рассматривались, исходя из наличия или отсутствия лихорадки (*цад*), т. е. воспалительного процесса. Поэтому, согласно идентификации болезней, сифилис и гонорея относились к болезням, протекающим по «холодному» типу, т. е. без лихорадки и жара «цад-па» [Базарон 1984: 58].

В тибетской медицине сифилис назывался термином «бсэ-дуг/сэ дуг» ('букв. яд прикасания') или «рэг-дуг» ('букв. контактный яд') [Самтэн 2011: 95], либо ргйа-наг-рма [Чойпел 2016: 148]. Упоминание о гонорее в тибетских лечебниках отдельно не выделяется.

В системе классификации венерические заболевания относятся к категории недугов, вызванных поражением ядом дерева «сэ». «Сэ» описывается как кустообразный вьющийся тростник, «...если, при поломке ветвей этого дерева, соки его упадут на тело человека, то последует заражение крови и образуются язвы, совершенно подобные венерическим», сообщает канонический медицинский трактат «Чжуд-ши» [Учебник 1908: 199].

Автор знаменитого лечебника «Лхан-тхабс» Санчжей Чжамцо указывал, что «в Индии и Непале в действительности растет [дерево] се-шинг, от прикосновения к которому образуется отек; однако в наше время чаще всего [эта болезнь] передается половым путем» [Санчжей 2003: 97].

Врач Н. В. Кириллов записал у бурятских эмчи-лам интересную легенду, согласно которой один китаец должен был уехать далеко из дома и оставить свою молодую жену. Перед отъездом он истолок в порошок дерево сэ и присыпал им «тайные места» своей жены, наложив проклятье, по которому всякий

мужчина, который осмелится ее коснуться, «отравится» [Кириллов 1889: 27]. В этой легенде отразились мифические и исторические мотивы происхождения венерических заболеваний. Что касается исторических мотивов, то известно, что монголы и тибетцы называли сифилис «китайской» болезнью, так как основным первоисточником заражения венерическими заболеваниями являлись китайские торговцы и солдаты [Немой 1978: 27].

Учитывая высокий процент распространения социальных заболеваний среди кочевников, в практике тибетской медицины были разработаны уникальные методы и рецепты, направленные на их лечение. Традиционно врачевание проводилось путем комплексного применения четырех видов лечения — посредством лекарств, заклинаний, диеты и процедур. Тибетские врачи знали и применяли более тысячи лекарственных средств животного, растительного и минерального происхождения.

Одним из основных действующих ингредиентов врачебных назначений для лечения сифилиса являлась ртуть и ее соединения. В лечебной практике тибетской медицины в основном использовалась киноварь, описанная в «Чжуд-ши» как лекарственное средство, «соединяющее сосуды и губчатую кость» [Тибетская медицина 2008: 92], а также оксид ртути, каломель и сулема. Несмотря на патологический эффект и токсичность ртутных соединений, эмчи-ламами были разработаны различные методы их использования. Так, например, для лечения сифилиса монголы использовали метод курения ртути с табаком. При подобном лечении, для предохранения выпадения зубов от ртутной интоксикации, следовало держать во рту кусочек серебра [Чидаран 2015: 9].

Существовал способ и окуривания прописью, которая включала листья белены черной, смолы ватика, корень ферулы, корневище аира болотного, очищенную серу и металлическую ртуть, которые растирались до мельчайшего порошка. Затем порошок следовало смешать с водой и изготовить небольшие лепешки размером с двухкопеечную монету, затем их высушить. Далее больного накрывали халатом, из печки вынимали раскалившиеся до белого огня куски верблюжьего или лошадиного помета, накладывали на них лекарственную лепешку. Лепешка сгорала и окуривала больного [Хайдав, Меньшикова 1978: 50].

Большой рецептурный справочник «Агинский жор» приводит иной вид окуривания, где измельченные свинец и киноварь следовало смешать с «четырьмя ароматными», увлажнить слюной и свернуть в виде палочек для курения. Дым этой смеси следовало в течение трех дней по три раза в день натошак вдыхать через трубочку, причем мужчине следует вдыхать через левую ноздрю, а женщине — через правую. Во время выполнения процедуры во рту необходимо держать холодную воду» [Сумати 2008: 138].

Кроме этого, опыт врачевания венерических заболеваний предполагал принимать внутрь металлическую ртуть и красную охру с чаем [Чидаран 2015: 9], а также ее могли смешивать с различными лекарственными травами. Так, по сведениям начальника 2-й медико-санитарной экспедиции в МНР (1928 г.) Г. В. Ивицкого, ламы лечат сифилис, давая серебряную воду мунгусу (*монгон ус*), которую смешивают с травами, и во время болезни больной, кроме проса, ничего не должен есть [Ивицкий 1928: 93].

Обезвреженная ртуть представляла собой базовый компонент «драгоценных пилюль». Для лечения венерических заболеваний прием пилюль считался особенно эффективным, ускоренным методом лечения, так как они содержат в себе многокомпонентный состав лекарственных элементов, таких как ртуть «укрошенная», прутняк, шлемник, черный перец, белена и др., которые смешивали с водой и сворачивали в пилюли «размером с набухшие горошины» [Сумати 2008: 136].

Медицинские трактаты предписывали, что пилюли, изготовленные для лечения заболевания *рег-дуг*, следовало покрыть оболочкой из киноvari и тщательно беречь от воздействия *дам-цхиг* и прямых солнечных лучей, а также от перешагивания кошками, собаками и беременными женщинами. Немаловажным условием являлось то, что их следовало принимать, запивая теплой водой так, чтобы не коснуться пальцами языка и зубов [Санчжей 2003: 98–99].

Следует отметить, что тибетские драгоценные пилюли представляли собой уникальные препараты, принцип действия которых основан на использовании целебных свойств металлов, минералов и лекарственных трав (некоторые пилюли содержат более 100 ингредиентов). И во время их производства ламы проводят особые тантрические ритуалы, поэтому пилюли следовало тщательно беречь от любых осквернений. В связи с этим пациенту требовалось соблюдать правила их приема: беречь от солнечного света, от осквернения и др.

Дополнительно в терапевтической практике тибетской медицины существовал метод натирания мазей, получаемых из зольных остатков. Например, в медицинском трактате «Онцар гадон дэр дзод» приводится следующий способ: «ртуть, серу, реальгар, селитру и киноварь тщательно размолоть. [Поместить] в черный чай голубую хлопчатобумажную ткань, достать ее, положить в нее указанное лекарство, высушить, использовать вместо фитиля небольшого светильника, заливая его черным (т. е. кунжутным, горчичным и пр.) маслом. В течение трех дней брать [сгоревшие остатки] из светильника и накладывать на язвы» [Онцар гадон 1989: 125].

Рецептура препаратов традиционной тибето-монгольской медицины располагала богатейшим арсеналом лекарственных средств растительного происхождения. Весьма эффективной при гонорее или сифилисе считалась микстура, содержащая зопник, караган белокорый, зубчатку красную, свеклу и софору [Хайдав, Меньшикова 1978: 39].

Встречаются прописи, состоящие из монокомпонентов: например, цветы караганы белокорой в виде водного настоя давали как общетонизирующее средство при сифилисе, а также при тяжелых инфекционных заболеваниях [Хайдав, Меньшикова 1978: 64].

В тибето-монгольской медицине для лечения сифилиса широко применялся корень растения сарсапариллы. В бурятских рецептурниках это сырье называлось *хос-ринг* (от русского слова «корень») [Чойпел 2016: 241].

Перечисленные лекарственные растения имели широкое терапевтическое действие, так как обладали антимикробными и противовоспалительными свойствами, поэтому тибетские врачи применяли их для излечения болезней «дуг», т. е. отравлений, в целях снижения интоксикации организма.

Кроме того, опыт врачевания венерических заболеваний тибетскими врачами подразумевал широкое применение средств животного происхождения. Одним из компонентов являлась кровь различных животных, которая в тибетской медицине считалась тонизирующим, ранозаживляющим средством [Базарон 1984: 150]. При свежем отравлении ядами рекомендовалось сразу же дать теплую кровь из шейного сосуда козы, свиньи, яка или трехлетнего красного быка, чтобы яд не распространился дальше по всему телу [Сумати 2008: 134]. В случае заболеваний контактным ядом *рег-дуг* назначалось принимать козью кровь. В некоторых рецептурниках приводится метод запивать пилюли кровью, выпущенной из козы, а также перед нанесением лечебной мази рекомендуется пораженные участки кожи вначале смазать козьей кровью [Чойпел 2016: 149; Сумати 2008: 137].

Повсеместно в медицинских текстах встречается описание приема ванночек из козьей крови с последующим обертыванием теплой козьей шкурой [Санчжей 2003: 100]. Следует отметить, что использование в качестве лекарственного сырья органов, тканей и крови животных свидетельствует о древности традиции врачевания, вобравшей в себя элементы народной медицинской практики.

Еще одним действенным компонентом из животного сырья в лечебной практике от многих недугов, в том числе и венерических болезней, являлась желчь «дом-ти». В тибетской медицине использовалась преимущественно медвежья желчь *дом мххрис*, которая считалась обладающей функцией прекращать «омертвление» (нагноение) и связывать сосуды, отторгать гнилое и гранулировать мясо [Жамбалдорчжэ 2001: 39].

Например, существовал рецепт, где следовало медвежью желчь соединить с медным купоросом и размешать на козьем жире [Сумати 2008: 137]. В целом желчь входила в сложносоставные компоненты многих лекарственных средств. Дополнительно эмчи-ламы широко использовали в своей лечебной практике медвежье мясо, а также кабарожью струю (мускус) «гла-рци», которую сушили, толкли и потом прибавляли к ней различные травы и цветы. Мускус, согласно рекомендациям тибетской медицины, является антисептическим, регенеративным средством и рекомендуется при болезнях, вызванных ядами, червями и демонами [Жамбалдорчжэ 2001: 39].

Интерес представляет традиция добавления к лекарственным ингредиентам различных субстанций, таких как слюна, грудное молоко, моча. Например, во многих рецептурниках-жорах приводится способ изготовления мази из медного купороса, шафрана, желчи, мускуса кабарги и др., которые следовало разбавить водой или грудным молоком, либо предлагалось смешать с мочой восьмилетнего ребенка [Санчжей 2003: 99; Сумати 2008: 137]. Применялись также различные настои на слюне больного, которые следовало намазывать на раны при помощи вороньего пера. Вероятно, в данном случае использование вороньего крыла служило не только инструментом для наиболее безболезненного нанесения мази, но и имело некий магический мотив, который прослеживается в случае, когда препараты следовало давать, освятив заклинаниями. Указывается, что как больному, так и самому врачу полезно как можно чаще читать заклинание «Ом-му-се-му-сод-сва-ха», «Ом-три-три-сбу-гу-ла-свад-ха-синг-нор-рбад-сва-ха» [Санчжей 2003: 100–101].

Наряду с разнообразными методами лечения, больному сифилисом следовало соблюдать строгую диету. Для лечения сифилиса тибетская медицина рекомендовала назначать пищу, приготовленную из козлятины и козьей крови [Самтэн 2011: 96]. «Они будут разрушать яды и препятствовать их рассеиванию по [организму], а если есть другую пищу, это будет вызывать нагноение и зуд», — гласит монгольский лечебник «Четуй ниннор» [Чойпел 2016: 149].

Известно, что козье мясо воспринималось исключительно как кладезь витаминов и полезных свойств, которые помогают в лечении организма от многих болезней. Этот продукт очень просто усваивается и наполнен всеми необходимыми человеку микроэлементами и аминокислотами. В случае запущенного недуга и в стадии обострения следовало отказаться от любой другой пищи, кроме мучного супа (мучной болтушки), также оговаривается, что во время лечения сифилиса определенным настоем следует кормить больного овощами и поить чаем [Сумати 2008: 137–138].

К дополнительным процедурам, которые прописывались тибетскими врачами, относились кровопускания из *ру-тхунг* и сосуда лодыжки [Самтэн 2011: 96]. Рекомендовались и минеральные и лечебные ванны. В целом бальнеотерапия являлась одной из составляющих тибетской медицины. В терапии эмчи-лам подчеркивалось, что посредством посещения минеральных горячих источников аршанов исцеляются все проникающие и горячие яды, а также такие болезни, как сифилис, подагра, струпы и т. д. [Беленький, Чунтомов 1935: 53].

4. Выводы

В традиционной культуре монгольских народов сложились определенные представления о венерических заболеваниях и методах их лечения, получившие отражение как в мифологии, так и в ритуально-обрядовой сфере. Широкое распространение «секретных» заболеваний привело к формированию целого обрядового комплекса и культа божеств-гениев венерических заболеваний. Однако, если в народной медицине лечение венерических заболеваний сводилось к примитивным методам, более широкий спектр лечения монгольские народы получили после проникновения тибетской медицины. В целом, несмотря на мифологическую интерпретацию природы венерических болезней, монгольские народы обладали рациональным опытом для определения синдромов и характера протекания венерических заболеваний и практиковали различные способы посредством применения специфических средств различного происхождения, содержащих в себе минеральные, растительные и животные компоненты.

Источники

ЦВРК ИМБТ СО РАН — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Sources

Center of Oriental Manuscripts and Xylographs; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS).

Литература

Базарон 1984 — Базарон Э. Г. Очерки тибетской медицины. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. 176 с.

- Баторов 1926 — *Баторов П. П.* Материалы по народной медицине аларских бурят // Бурятоведческий сборник. Вып. 1. Иркутск: Изд. Бурят-Монгольской секции ВСОРГО, 1926. С. 33–41.
- Беленький, Чунтомов 1935 — *Беленький С. Ю., Чунтомов П. Г.* Курортные богатства МНР // Современная Монголия. 1935. № 4(11). С. 51–74.
- Галданова 1992 — *Галданова Г. Р.* Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX в.). Новосибирск: Наука, 1992. 172 с.
- Дампилова 2005 — *Дампилова Л. С.* Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. 248 с.
- Жамбалдорчжэ 2001 — *Жамбалдорчжэ.* Дзэйцхар-мигчжан. Монголо-тибетский источник по истории культуры и традиционной медицине XIX в. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. 224 с.
- Жамцарано 2001 — *Жамцарано Ц.* Путевые дневники 1903–1907 гг. / отв. ред. Ц. П. Ванчикова; сост. В. Ц. Лыскокова, Ц. П. Ванчикова, И. В. Кульганек. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. 380 с.
- Ивицкий 1928 — *Ивицкий Г. В.* Итоги работ 2-й медико-санитарной экспедиции // Хозяйство Монголии. 1928. № 5(12). С. 91–101.
- Кириллов 1889 — *Кириллов Н. В.* О тибетской медицине бурятских лам. Иркутск: Тип. А. А. Сизых, 1889. 50 с.
- Манжигеев 1978 — *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины: опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1978. 127 с.
- Немой 1978 — *Немой А. С.* Советские медики в Монгольской Народной Республике. М.: Медицина, 1978. 120 с.
- Онцар гадон 1989 — «Онцар гадон дэр дзод» — тибетский медицинский трактат / пер. с тиб. [Чойжамц]; предисл.: Э. Г. Базарона, В. Н. Пупышева; отв. ред.: Р. Е. Пубаев, В. Э. Назаров-Рыгдылон. Новосибирск: Наука, 1989. 161 с.
- Самтэн 2011 — *Самтэн.* Учебник тибетской медицины. Новый рассвет или краткая суть медицины / пер. с тиб.: А. А. Кособуров. Изд-е 2-е, исправл. и доп. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. 220 с.
- Санчжей 2003 — *Санчжей Чжамцо.* Тибетский медицинский трактат «Лхан-тхабс». Разделы *ба, ма и ца.* Главы 118–133 / пер. с тиб.: А. А. Кособуров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. 125 с.
- Содномпилова 2019 — *Содномпилова М. М.* Между медициной и магией: практики народной медицины в культуре монгольских народов (XVII–XIX вв.). М.: Наука, Вост. лит., 2019. 206 с.
- Сумати 2008 — *Сумати Праджня.* «Кунпан-дудзи» (Полезный для всех экстракт амриты): Большой рецептурный справочник Агинского дацана / пер. с тиб., предисл., примеч., указ. Д. Б. Дашиева. М.: Вост. лит., 2008. 214 с.
- Тибетская медицина 2008 — Тибетская медицина у бурят / Т. А. Асеева и др.; отв. ред. О. Д. Цыренжапов. Новосибирск: СО РАН, 2008. 324 с.
- Учебник 1908 — Учебник тибетской медицины / с монг. и тибет. перевел А. Позднеев. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1908. [2], VIII, 425 с.
- Хайдав, Меньшикова 1978 — *Хайдав Ц., Меньшикова Т. А.* Лекарственные растения в монгольской медицине (историко-медицинские исследования). Улан-Батор: АН МНР, 1978. 191 с.
- Хангалов 2021 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений: в 3 тт. Т. I. Улан-Удэ: Нова-Принт, 2021. 568 с.
- Чидаран 2015 — *Чидаран С. Н.* К вопросу о путях распространения, методах лечения сифилиса в дореволюционной Туве (обзор литературы) // Актуальные вопросы дерматовенерологии (избранные труды сотрудников ГБУЗРТ «Рескожвендиспансер» и кафедры кожных и венерических болезней с курсом ПО ГОУ ВПО Красноярский

государственный медицинский университет им. проф. В. В. Войно-Ясенецкого).
Кызыл: ТувГУ, 2015. С. 7–15.

Чойпел 2016 — *Лобсанг Чойпел*. Монгольский лечебник «Четуи ниннор» / пер. с тиб.:
А. А. Кособуров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2016. 252 с.

Монголын уламжлалт 2011 — Монголын уламжлалт анагаах ухааны нэр тэмдэг,
уг хэллэгийн толь бичиг. Монгол-орос-англи (= Краткий словарь терминов и
выражений традиционной монгольской медицины. Монгольско-русско-английский).
Улаанбаатар: Мөнхийн үзэг, 2011. 587 с.

References

- Aseeva T. A. et al. Tibetan Medicinal Practices among Buryats. O. Tsyrenzhapov (ed.). Novosibirsk: SB RAS, 2008. 324 p. (In Russ.)
- Batorov P. P. Materials on folk medicine of Alar Buryats. In: Collected Papers in Buryat Studies. Vol. 1. Irkutsk: Russian Geographical Society (East Siberia Dept., Buryat-Mongol Section), 1926. Pp. 33–41. (In Russ.)
- Bazon E. G. Essays in Tibetan Medicine. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1984. 176 p. (In Russ.)
- Belenky S. Yu., Chuntomov P. G. Health resort resources of the Mongolian People's Republic. *Sovremennaya Mongoliya*. 1935. No. 4 (11). Pp. 51–74. (In Russ.)
- Chidaran S. N. Revisiting the channels of infection in syphilis and its treatment methods in pre-revolutionary Tuva: A review of publications. In: Topical Issues of Dermatovenerology. Kyzyl: TuvGU, 2015. Pp. 7–15. (In Russ.)
- Chojjamts (chos rgya mtsho). Ontsar Gadon Der Dzod (ngo mtshar dga' ston gter mdzod): A Treatise in Tibetan Medicine. E. Bazon, V. Pupyshv (foreword); R. Pubaev, V. Nazarov-Rygdylon (eds.). Novosibirsk: Nauka, 1989. 161 p. (In Russ.)
- Dampilova L. S. Shamanic Chants of Buryats: Symbols and Poetics. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2005. 248 p. (In Russ.)
- Galdanova G. R. Zakamna Buryats, Mid-Nineteenth to Mid-Twentieth Centuries: Essays in History and Ethnography. Novosibirsk: Nauka, 1992. 172 p. (In Russ.)
- Ivitsky G. V. [Summarizing] outcomes of the Second Medical Expedition. *Khozyaystvo Mongolii*. 1928. No. 5(12). Pp. 91–101. (In Russ.)
- Jambaldorj. Zetsermigjan: A Mongol-Tibetan Source on the History of Culture and Traditional Medicine. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2001. 224 p. (In Russ.)
- Jamtsarano Ts. Travel Diaries, 1903–1907. Ts. Vanchikova (ed.); V. Lyksokova, Ts. Vanchikova, I. Kulganek (comps.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2001. 380 p. (In Russ.)
- Khaidav Ts., Menshikova T. A. Healing Herbs in Mongolian Medicine: A Study in History and Medicine. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1978. 191 p. (In Russ.)
- Khangalov M. N. Collected Writings. In 3 vols. Vol. 1. Ulan-Ude: Nova-Print, 2021. 568 p. (In Russ.)
- Kirillov N. V. Revisiting Tibetan Medicinal Practices of Buryat Lamaist Priests. Irkutsk: A. Sizykh, 1889. 50 p. (In Russ.)
- Lobsang Choephel (blo bzang chos 'phel). Chetu Nyinnor (gces bsdu snying nor): A Mongolian Treatment Book. A. Kosoburov (transl.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2016. 252 p. (In Russ.)
- Manzhigeev I. A. Buryat Shamanic and Pre-Shamanic Terms: Some Atheistic Interpretations. Moscow: Nauka, 1978. 127 p. (In Russ.)
- Nemoy A. S. Soviet Physicians in the Mongolian People's Republic. Moscow: Meditsina, 1978. 120 p. (In Russ.)
- Samten (bsam gtan). New Dawn of the Essential Science of Medicine: A Textbook of Tibetan Medicine. A. Kosoburov (transl.). Second edition, rev. & suppl. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2011. 220 p. (In Russ.)

- Sangye Gyatso (sangs rgyas rgya mtsho). A Practical Guide to Tibetan Medicine (lkhan tkhabs). Sections: *ba*, *ma* & *tsa*. Chapters 118–133. A. Kosoburov (transl.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2003. 125 p. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M. Between Medicine and Magic: Folk Medicine Practices in Mongolic Cultures, Seventeenth to Nineteenth Centuries. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2019. 206 p. (In Russ.)
- Sumati Prajna. The Universally Healthy Extract of Amrita (kun phan bdud rtsi'i snying po): A Big Guide to [Tibetan] Medicinal Drugs and Their Formulas [Issued] by Aginsky Datsan. D. Dashiev (transl., foreword, etc.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2008. 214 p. (In Russ.)
- The Handbook of Tibetan Medicine. A. Pozdneev (transl.). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1908. Vol. 1. [2], VIII, 425 p. (In Russ.)
- Traditional Mongolian Medicine: A Concise Mongolian-Russian-English Dictionary of Terms and Phrases. Ulaanbaatar: Münkhiyn Üzeg, 2011. 587 p. (In Mong., Russ. and Eng.)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК / UDC 811.512.37'42

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-458-469

Концепт «байн / богатство» в калмыцком языке (на лексикографическом и фольклорном материале)

*Тамара Саранговна Есенова*¹

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой

 0000-0001-7655-7751. E-mail: esenova_ts[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Есенова Т. С., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена параметрическому концепту «богатство», который занимает важное место в системе ценностей человека. *Цель* статьи — исследование концепта «байн / богатство» в калмыцкой лингвокультуре. *Задачи:* а) выделение и анализ языковых средств репрезентации концепта «байн / богатство»; б) описание образного и ценностного компонентов концепта; в) определение особенностей поведения, мотивированных концептом «байн / богатство». *Материал:* данные из лексикографических источников калмыцкого языка, языка ойратов Синьцзяна, а также Этимологического словаря монгольских языков. *Методы исследования:* лексико-семантический анализ языковых единиц для определения понятийного содержания концепта «байн / богатство», лингвокультурологический анализ языкового материала для описания образного и ценностного компонентов концепта «байн / богатство». *Результаты.* Анализ показал, что в калмыцком языке существуют разнообразные средства вербализации рассматриваемого концепта. Концепт «байн / богатство» имеет полевую структуру: ядро образуют обозначения *байн*, *эвэг*, *зөөр*, *мал*; их дериваты и устойчивые словосочетания, содержащие репрезентанты данного концепта, образуют ближнюю периферию; тексты культуры, ассоциативно связанные с богатством, формируют его дальнюю периферию. *Выводы.* Понятийное содержание концепта «байн / богатство» сводится к обладанию ресурсами (золотом, серебром, скотом, деньгами). Его образная составляющая указывает на человека, обладающего большим состоянием, умного, удачливого, трудолюбивого, одновременно и щедрого, и скупого, у которого нет долгов, много друзей. С богатством связаны следующие ценностные представления калмыков: высшее богатство — ум, среднее — дети, низшее — скот. Суровые условия скотоводства выработали у народа философское отношение к богатству. Относительно богатства выстраивается следующая модель поведения: приоритет отдавать не материальным, а духовным ценностям, которые вечны, терпеливо заниматься разведением скота, не воровать.

Ключевые слова: калмыцкий язык, лингвокультура, концепт, богатство, понятийный компонент, образный компонент, ценностный компонент

Благодарность. Исследование подготовлено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Аксиологический аспект картины мира калмыков» (№ 23-28-00790).

Для цитирования: Есенова Т. С. Концепт «байн / богатство» в калмыцком языке (на лексикографическом и фольклорном материале) // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 3. С. 458–469. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-458-469

The Concept of Wealth (*Bain*) in Kalmyk Discourse: Analyzing Lexicographical and Folklore Materials

Tamara S. Esenova¹

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Dr. Sc. (Philology). Professor. Head of Department

 0000-0001-7655-7751. E-mail: esenova_ts[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Esenova T. S., 2023

Abstract. *Introduction.* The article examines the parametric concept of wealth which occupies an important place in a human value system. *Goals.* The paper attempts an insight into the concept of wealth (*bain*) in Kalmyk linguoculture. To facilitate this, the work shall identify and analyze linguistic means employed to represent the concept of wealth; describe some figurative and value components of the concept; outline certain features of behavior motivated by the investigated concept. *Materials and methods.* The study focuses on data from Kalmyk (Russia) and Oirat (Xinjiang, PRC) lexicographic sources, with due attention be paid to the Etymological Dictionary of Mongolic Languages. It employs tools of lexical/semantic analysis to specify somewhat essential content of the concept under consideration, tools of linguocultural analysis to describe figurative and value components of the concept. *Results.* The analysis shows the Kalmyk language contains a variety of means to verbalize the concept in question. The concept of wealth (*bain*) has a field structure, namely: the core is formed by the lexemes *bain*, *elvg*, *zöör*, *mal*; their derivatives and set phrases cluster together to shape the near periphery; while cultural texts associated with wealth constitute the far periphery. *Conclusions.* The essential content of the examined concept is reduced to the possession of resources (gold, silver, livestock, money). Its figurative components indicate an individual with a large fortune who is smart, lucky, diligent enough, but is equally generous and stingy, has no debts and is surrounded by friends. In Kalmyk discourse, wealth is associated with the value concepts arranged as follows: wisdom (wit) is the utmost wealth, the average one is children, while the minor one be livestock. The harsh conditions of livestock breeding had developed a philosophical attitude towards wealth within the community. So, when it comes to wealth, it is believed priority should be given to spiritual (immortal) gems rather than material ones, humans be patient in work and stay away from any theft.

Keywords: Kalmyk language, linguoculture, concept, wealth, conceptual, figurative, value concept components

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-28-00790 ‘Axiological Aspects of the Kalmyk Worldview’.

For citation: Esenova T. S. The Concept of Wealth (*Bain*) in Kalmyk Discourse: Analyzing Lexicographical and Folklore Materials. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(3): 458–469. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-458-469

1. Введение

В системе ценностей человека заметное место занимает богатство, так как «концепция богатства относится к конститутивным элементам модели мира в любом обществе» [Гуревич 1984: 225]. Будучи мировоззренческой и нравственной категорией, богатство изучается в разных науках, с разных сторон. Особый интерес представляет исследование богатства в лингвистике, позволяющее обратить внимание на этноспецифический аспект осмысления, поскольку отмечена неоднозначность трактовки богатства в разных культурах [Клементьева 2008; Макеева 2009].

Несмотря на большой интерес к исследованию лингвокультуры калмыков [Аюшова 2012; Есенова 2012; Мушаева 2010; Сарангаева 2009; и др.], концепт «*байн* / богатство» до сих пор не рассматривался на материале калмыцкого языка. Актуальность работы определяется местом концепта «*байн* / богатство» в лингвокультуре и коммуникативном поведении калмыков.

2. Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили данные из лексикографических источников калмыцкого языка, словаря языка ойратов Синьцзяна и Этимологического словаря монгольских языков. В работе применялись метод сплошной выборки для определения номинаций, входящих в концепт «*байн* / богатство» в калмыцком языке, лексико-семантический анализ языковых единиц для определения понятийного содержания указанного концепта, лингвокультурологический анализ языкового материала для описания образного и ценностного компонентов концепта «*байн* / богатство».

3. Анализ понятийного содержания концепта «*байн* / богатство»

Для определения лексико-семантического поля концепта «*байн* / богатство» из лексикографических источников калмыцкого языка [ТСКЯ 2002; ССКЯ 2002; КРС 1977; ТСКЯ 2020; ТСКЯ 2021; ТСКЯ 2022; ПП 2007] методом сплошной выборки были отобраны все средства обозначения данного концепта, которые далее анализировались с целью описания его понятийного содержания. К средствам объективации данного концепта мы относим *байн* ‘богатство, состоятельность’, *байлг* ‘богатство, сокровище’, *элвг* ‘обилие, изобилие’, *алтн* ‘золото’, *мөңгн* ‘серебро, деньги’, *зөөр* ‘богатство’, *элвг-делвг* ‘богатство’, *мал* ‘скот’, *өөкн* ‘жир’ и др. Лексико-семантическое поле концепта «*байн* / богатство» представлено ядром, ближней и дальней периферией. Номинации *байн* ‘богатство’, ‘состоятельность’, *элвг* ‘обилие, изобилие’, *зөөр* ‘богатство’, ‘сокровище’, *мал* ‘скот’ этимологизируются на материале монгольских языков [ЭСМЯ 2015; ЭСМЯ 2016], относятся к базисной лексике (кроме лексемы *зөөр*), употребляются во всех стилях и формах речи, о чем свидетельствует отсутствие помет в словарях.

Номинантом концепта «*байн* / богатство» в калмыцком языке является имя *байн* ‘богатство, состоятельность’. Согласно ЭСМЯ, данная лексема входит в словообразовательное гнездо *BAYA- (*ba-ya?): *bayāji*-, *bayan*-, *bayar*-, *bayarqa*-, *bayas*-. Она относится к ядерной лексике, восходит к «др.-тюрк. *baj* ‘богатый’, кирг. *бай* ‘богач’, ‘богатый’; чув. *пуй* ‘богатеть» [ЭСМЯ 2015: 80]. Производными от *baj* в монгольских языках являются «BAYAJI- (*baya-ji; как

и *baɣaŋa-* считается производным от *baɣan*): халх. *баяж-*, бур. *баяжа-*, калм. *байж-* ‘богатеть’; *BAYAN* (**baɣa-n*): халх., бур. *баян*, калм. *байн*, дунс., мнгр. *бајан*, бао. *бајаң*, даг. *бајин* ‘богатый; богач; богатство’» [ЭСМЯ 2015: 80]. В современном калмыцком языке у глагола *байжх*, помимо значения ‘богатеть’, отмечаются значения ‘обогащаться, наживаться’ [КРС 1977: 77; ТСКЯ 2020: 46; ТСКЯ 2021: 89]. Дериватом *бай* в современном калмыцком языке является слово *байлг* ‘богатство; сокровище; богатый’, которое используется как в прямом, так и переносном значениях: *назрин өр дотрк байлг* ‘богатство недр земли’, *ухани байлг* ‘духовное богатство’, *байлг келн* ‘богатый язык’ [КРС 1977: 77; ТСКЯ 2020: 46; ТСКЯ 2021: 89].

Таким образом, в калмыцком языке идея богатства передается через лексемы, производные от корня *бай* ‘богатый’. Характерно появление абстрактных значений, связанных с богатством: от значений ‘богатый’, ‘богач’, ‘богатство’ (*байн*) к значениям ‘сокровище’ (*байлг*) и ‘обогащаться’, ‘наживаться’ (*байжх*). Множественность обозначений концепта, система дериватов от древнего корня *бай*, которые передают абстрактные значения, связанные с идеей богатства, указывают на важное место рассматриваемого концепта в калмыцком языковом сознании.

К лексико-семантическому полю концепта «*байн* / богатство» мы относим лексему *элвг* ‘обилие, изобилие’, которая, согласно ЭСМЯ, также относится к древнему пласту монгольской лексики. *Элвг* восходит к *ELBEG* [**elbe-g* ← **el-be-g*], имеет следующие рефлексy в современных монгольских языках: «халх., бур. *элбэг*, калм. *элвг* ‘обилие’, ‘обильный’, ‘изобилие’» [ЭСМЯ 2015: 211]. Лексема *элвг* обозначает идею богатства через признак ‘наличие чего-либо’: ‘обильный, изобилующий, богатый’; например, *элвг урһц* ‘богатый урожай’, *элвг уста* ‘многоводный’, *манад цуһар элвг* ‘у нас всего вдоволь’ [КРС 1977: 695], *элвг идгтә* ‘изобилующий травой’ [ТСКЯ 2022: 520]. В языке ойратов Синьцзяна, который наиболее близок языку калмыков, у данной лексики также выделяются значения ‘обилие, изобилие; обильный, изобильный, богатый’, которые реализуются в таких контекстах, как *теденәәхен таван зүсен малаар элвг* ‘они богаты пятью видами скота’, *адуу мал элвэгтәә, ачн үре олонтаа* ‘богаты табунами, многочисленными внуками’ [СЯОС 2001: 472].

Дериватом *элвг* является имя существительное *элвэжһн* ‘изобилие, обилие’. На базе лексики *элвг* образовано парное слово *элвг-делвг*, имеющее значение ‘обильный, изобильный, богатый || обилие, изобилие, богатство || обильно, изобильно, богато’: *элвг-делвг бәәх* ‘жить богато’ [КРС 1977: 695; ТСКЯ 2020: 429], *элвг-делвг бәәһн* ‘богатая жизнь’ [ТСКЯ 2022: 520].

Концепт «*байн* / богатство» выражается и существительным *зөөр* ‘богатство, сокровище’ [КРС 1977: 253; ТСКЯ 2020: 145]. Данное слово используется и для обозначения разновидности богатства, например: *йиртмэжһн зөөр* ‘природные богатства’; *культурин зөөр* ‘культурное богатство’; *материальн болн ухан-сед-клин зөөр* ‘материальное и духовное богатство’. Одним из значений лексики *зөөр* является ‘достояние, собственность’: *олн-әмтнә зөөр* ‘достояние народа’ [КРС 1977: 253], *олна зөөр* ‘достояние народа’ [ТСКЯ 2020: 145], *шаңһа зөөр* ‘государственное достояние’, *сойлын зөөр* ‘культурное достояние’ [ТСКЯ 2021: 341]. В языке ойратов Синьцзяна *зөөр* имеет значения ‘богатство, достояние, состояние, собственность’: *цуг олон әмтени зөөр* ‘народное достояние’. Обра-

тим внимание на то, что лексема *зөөр* может сочетаться с лексемой *далаа* для обозначения большого количества богатства: *гер-бүлдээн далаа зөөр үлдээх* ‘оставить своей семье огромное состояние’ [СЯОС 2001: 162].

Производное имя *зөөртэ* имеет значение ‘состоятельный, имущий’ [КРС 1977: 253; ТСКЯ 2020: 145], ‘богатый’ [ТСКЯ 2021: 341]. От него образуется отглагольное словосочетание *зөөртэ болх* ‘обзаводиться имуществом, становиться состоятельным, богатым’. На базе лексемы *зөөр* образуется антонимическая пара по признаку «много-мало богатства»: *ик зөөртэ* ‘богатый’, *баһ зөөртэ* ‘малоимущий’, *далаа зөөр* ‘огромное богатство/состояние’. Значит, богатство осмысливается через признак «много-мало», что указывает на то, что рассматриваемый концепт относится к параметрическим ментальным образованиям.

Имя существительное *зөөр* образовано от глагола *зөөх*, у которого выделяется значение ‘таскать’ [КРС 1977: 253]: *зу куриго наснд мицһн жилэ зөөр зөөх* ‘запастись (натаскать) богатство(м) на тысячу лет, хотя и не доживешь до ста лет’ [КРС 1977: 253]. В языке ойратов Синьцзяна в глаголе *зөөх* также выделяется значение ‘нажить, накопить, собрать’: *Эден дээни үйеде далаа зөөр зөөсн улас* ‘Это люди, которые во время войны нажили большое состояние’ [СЯОС 2001: 162]. В калмыцком языке регистрируется производный глагол *зөөртх* со значением ‘обогащаться’, ‘обзаводиться имуществом’ [КРС 1977: 253].

К лексико-семантическому полю концепта «*байн* / богатство» принадлежит имя *алтн* ‘золото’. Данная единица относится к древнему лексическому пласту монгольских языков. Согласно ЭСМЯ, она имеет следующие соответствия: «халх. *алт(ан)*, бур. *алтан*, калм. *алтн*, даг. *алта*, мнгр. *xardam* ‘золото’, восходит к др.-тюрк. *Altun*» [ЭСМЯ 2015: 47]. Как драгоценный металл, *алтн* калмыцким сознанием оценивается с точки зрения чистоты (*цевр алтн* ‘червонное (чистое) золото’); измеряется в слитках (*шухмр алтн* ‘золото в слитках’) [КРС 1977: 37; ТСКЯ 2021: 39]. Современное осмысление *алтн* как эквивалента богатства прослеживается в обозначении новых разновидностей ценных ресурсов на базе лексемы *алтн*: платина (*цаһан алтн* ‘букв. белое золото’), нефть (*хар алтн* ‘букв. черное золото’), а также в переносном значении *алтн* (*урн*) *һар* ‘золотые руки’ [КРС 1977: 37].

К лексико-семантическому полю концепта «*байн* / богатство» относится имя *мөнгн* ‘серебро, деньги’, в парном сочетании *мөңгн-теңгн* ‘деньги и прочее’. Лексема *мөнгн*, согласно ЭСМЯ, входит в древний лексический пласт монгольских языков. В современных монгольских языках MÖNGGÜN [*mōng-gün] имеет следующие рефлексy: «халх. *мөнгө*, бур. *мүнгэн*, калм. *мөңгн*, бао. *міңго*, даг. *мунгу* (*мунгэ*), дунс. *міэнгу*, мнгр. *міеңгу* ‘серебро’, ‘деньги’» [ЭСМЯ 2016: 177]. Лексема *мөнгн* образует словосочетания, в которых *мөнгн* осмысливается с точки зрения номинала и материала: *цаасн мөңгн* ‘бумажные деньги’; *цаһан мөңгн* ‘серебряные деньги, серебро’; *үүрмг мөңгн* ‘мелкие деньги’; *зед мөңгн* ‘медные деньги, медяки’ [КРС 1977: 358; ТСКЯ 2021: 510].

Ядро концепта «*байн* / богатство» включает также лексему *мал* ‘скот’. ЭСМЯ приводит следующие соответствия: «MAL: халх., бур., калм., даг. *мал* ‘скот’; мнгр. *мар* ‘скот’, ‘стадо’; ср. тюрк.: кирг. *мал* ‘скот’, чув. *мул* ‘имущество’, ‘добро’, ‘деньги’; як. *мал* ‘имущество’» [ЭСМЯ 2016: 158]. В словарной статье MAL содержится следующий комментарий составителей: «Общепринято

считать это слово по происхождению арабским *mal* ‘имущество, скот, товар’, ‘деньги’, что, видимо, нельзя признать окончательно установленным» [ЭСМЯ 2016: 158]. Отметим интересный факт: в чувашском языке данное слово имеет значения ‘имущество, добро, деньги’; якутском — ‘имущество’. В калмыцком языке эти значения у слова *мал* не регистрируются, хотя поговорка дает основание утверждать об осмыслении *мал* в качестве богатства. Мерилом богатства является большое количество скота: *дала мал бэрх* ‘держат много скота, быть богатым’. В калмыцком языковом сознании *бод мал* ‘крупный рогатый скот’ и *дала малта* ‘много скота’ ассоциируются с состоятельностью, а *яман* ‘коза’ — бедностью: *бээх цагт темэ өскдг, угарх цагт яма өскдг* ‘при изобилии разводят верблюдов, при бедности разводят коз’ [ПП 2007: 587].

Концепт «*байн* / богатство» связан и с лексемой *өөжн* ‘жир’, поскольку она входит в состав устойчивых оборотов речи, посвященных богатству. Например, в образном выражении *Өөжн дотрк бөөр мет, өндгн дотрк уург мет бээх* ‘Как сыр в масле кататься, жить в изобилии и достатке’ [КРС 1977: 420] прослеживается связь между понятиями «богатство», «изобилие» и «жир». Об этом свидетельствует и пословица *Кишгнь ирэд, кишмнь холиһэд* ‘Пришло его счастье и толстая кишка наливается жиром’. Иными словами, жир в сознании калмыков ассоциируется с богатством, изобилием, счастьем. Среди ойратов Синьцзяна записана следующая пословица: *Байани өөке-тосон, өрем-үсенде билхежси, угаатаани хара цэг, хатасан хурса угаа суудаг генэг* ‘богатые купаются в жиру-масле, в сливках-молоке, а бедные люди живут без черного чая и без сушеной сырной лепешки’ [СЯОС 2001: 273]. Наблюдаются бинарные оппозиции: богатый — бедный, сытый — голодный, где богатство и сытость трактуются через *өөке* ‘жир’, *тосон* ‘масло’, *өрем* ‘сливки’, *үсен* ‘молоко’.

К лексико-семантическому полю концепта «*байн* / богатство» мы относим и лексемы, производные от древней основы *ба*. В ЭСМЯ дается следующее пояснение: «*BAŲI* (←* *baŷi* ←* *ba-γ-i*): халх., бур. *бай-*, калм. *ба-* ‘быть, находиться’, ‘стоять’, дунс. *бай-* ‘стоять, останавливаться’» [ЭСМЯ 2015: 80]. От основы *ба* в современном калмыцком языке образуются глагол *бэрх* ‘иметь, содержать’: *мал бэрх* ‘содержать скот’ [КРС 1977: 92], *така-шову бэрх*, *хаха-ноха бэрх* ‘иметь птиц, свиней’ [ТСКЯ 2021: 107] и отыменное имя *бээхтэ* ‘состоятельный, имущий, обеспеченный’: *бээхтэ кун* ‘состоятельный человек’ [КРС 1977: 90], *бээхтэ гер-бүл* ‘состоятельная семья’ [ТСКЯ 2021: 105].

Кроме того, к концепту относятся все дериваты лексем вышеобозначенных лексем: *байлг* ‘богатство, сокровище’, *мөңгэ* ‘денежный, состоятельный, богатый’, *элэг-делэг* ‘богатство’, *байжх* ‘богатеть’, *элвжлһн* ‘изобилие, обилие’, *зөөртэ* ‘состоятельный, имущий’, а также устойчивые словосочетания, в состав которых входят лексемы *байн*, *элэг*, *алтн*, *мөңг*, *мал*, *зөөр* (*цевр алтн* ‘червонное золото’; *шухмр алтн* ‘золото в слитках’, *цаһан алтн* ‘платина, букв. белое золото’, *хар алтн* ‘нефть, букв. черное золото’, *мөңгнэ ору* ‘денежный доход’ и др.).

К дальней периферии концепта «*байн* / богатство» относятся поговорки, фразеологизмы и др., ассоциативно связанные с идеей богатства.

Итак, в калмыцком языке понятийный минимум концепта «*байн* / богатство» сводится к обладанию ресурсами, прежде всего скотом, а также, на наш взгляд, золотом, серебром, деньгами).

4. Анализ образных характеристик концепта «байн / богатство»

Осмысление концепта «байн / богатство» в устойчивых выражениях калмыцкого языка связано с человеком: *байн кун* ‘богатый человек’ – *угатя кун* ‘неимущий человек’. В представлении народа *байн кун* ‘богатый человек’ свое состояние наживает разведением скота (*Махнд шунснь угардг, малд шунснь байжэдг* ‘Кто увлекается мясом — беднеет, кто увлекается разведением скота — богатеет’ [ПП 2007: 140]), благодаря трудолюбию (*Малта куунд орнь шовг, мал уга куунд орнь бул* ‘У человека, имеющего скот, постель — шило (лишен покоя), у человека, не имеющего скот, постель — пух (беззаботен)’ [ПП 2007: 570]). Размер его богатства определяется количеством скота (*дала* ‘много’), его составом (*бод мал* ‘крупный рогатый скот’). Негативно характеризуя богатого человека (*Байн кун юмнд цаддг, баатр кун цухрлг уга* ‘Богач не насытится, богатырь не отступится’ [ПП 2007: 132]), калмыки признают преимущества богатой жизни: *Мөңгтэ кун мөсн (тамин амн) деер жирһнэ* ‘Человек с деньгами и на льду (у самого края ада) блаженствует’ [КРС 1977: 358; ПП 2007: 202]). По мнению народа, богатый человек, с одной стороны, жаден (*Өнр байн болв чиг авхас зэдцх уга, өөкн тарһн болв чиг идхэс зэдцх уга* ‘Хоть и богат, не откажется от мзды, хоть сала и жира много — не откажется от еды’ [ПП 2007: 135]), а с другой — щедр (*Хармнж байн болдг уга, өгч яду болдг уга* ‘От скупости не станешь богатым, от щедрости не станешь бедным’ [ПП 2007: 133]); *Авсар байжэдг уга, өгсэр һарутдг уга* ‘От того, что берешь, не разбогатеешь, а от того, что даешь, не придешь в упадок’ [ПП 2007: 138], *Угад өгхлэ байн болдг* ‘Если делиться с бедным — будешь богатым’ [ПП 2007: 133]). Богатый умен (*Байн кун ухата*) [ПП 2007: 135], хотя знания ему в тягость (*Байнд эрдм цухл*) [ПП 2007: 136]. Он удачлив (*Байнд кишг тогтдг* ‘Счастье сопутствует богачу’ [ПП 2007: 136]), *Бээхтэн мөрн гүүдг* ‘Состоятельному удача сопутствует’ [ПП 2007: 136]), не имеет долгов (*Өвчн уга — кишгтэ, өрн уга — байн* ‘Не болеешь — счастлив, не имеешь долгов — богач’ [ПП 2007: 519]), имеет много друзей (*Байн цагт — цаһар үр, элгн, угархла — цуһар дээсн* ‘Когда человек богат, все ему друзья и родственники, если же обеднеет, все — враги’ [ПП 2007: 135]; *Хавтхдан зун арлцгта болхар, зун куунд таньлта бол* ‘Чем в кармане иметь сто рублей, лучше иметь сто знакомых’ [ПП 2007: 203]).

Анализ устойчивых выражений, образованных на базе лексемы *мөңгн*, позволяет считать, что, по представлениям калмыков, деньгами обладают, они могут закончиться, могут легко доставаться, их может быть много / мало. Отметим наделение денег свойствами живого существа, например, способностью ходить; соответственно, масса денег, «вошедшая в дом», составляет доход (*мөңгнэ ору* ‘денежный доход’). Однако в отличие от человека у денег нет глаз (*Модн хойр үзүртэ, мөңгнд нүдн уга* ‘Палка имеет два конца, а люди падки на деньги; букв. палка имеет два конца, а у денег нет глаз’ [ПП 2007: 202]).

Таким образом, в представлении калмыков, *байн кун* — это обладающий большим количеством скота, умный, удачливый, трудолюбивый, одновременно и щедрый, и скупой человек, у которого нет долгов, много друзей.

5. Анализ аксиологического компонента концепта «байн / богатство»

В представлении калмыков, существует следующая градация богатства: *Эркн байн* — *сурһаль*, *дунд байн* — *көвүд*, *адг байн* — *мал* ‘Высшее богатство —

учение, среднее богатство — сыновья, меньшее богатство — скот' [ПП 2007: 136]. Калмыки считают, что 'Материальное богатство — на один век, а духовное богатство — на десять тысяч веков' (*Эдин байн нег үй, эрдмин байн түмн үй*) [ПП 2007: 133], 'Силой можно одолеть одного, умом можно победить тысячи' (*Нарарн нег кү дишлхлэ, толһаһарн миңһиг дишлдэ*) [ПП 2007: 225], поэтому ум признается главным богатством человека (*Күмни сээннь уханд бээдэ, күлгин сээннь чидлд бээдэ* 'Лучшее в человеке — ум, лучшее в лошади — сила' [ПП 2007: 227]). О приоритете ума в ценностной шкале калмыков свидетельствует то, что мудрости, уму как высшей ценности калмыки посвятили большое количество изречений [ПП 2007: 220–232], а мудрая невестка / дочь и мальчик / сын являются излюбленными фольклорными персонажами [Биткеев 1979: 107].

В паремии прослеживается мысль о том, что богатство бедного составляют дети, а богатого — скот: *Байн күүнд уһһн дааһн эрхн, угатя күүнд үрн эрхн* 'Богатому дороги годовалые жеребята, а бедным — дети' [ПП 2007: 132]. Следует отметить, что в целом калмыки очень любят детей, особенно мальчиков, с которыми связывают продолжение рода. В понимании материального богатства прослеживается этнокультурная специфика: количеством скота определяется состоятельность калмыка. При этом отмечается «невечность» богатства степняка, что можно объяснить условиями отгонного скотоводства: *Байн — нег борана, баатр — нег сумна* 'Богатство — до первого бурана, богатырь — до первой пули' [ПП 2007: 133]. «Невечность» богатства скотовода осмысливается не только в паремии, но и в художественной литературе, например, в романе современного калмыцкого писателя А. Э. Тачиева «Бар жил» [Тачин 1991: 116].

«Невечность» богатства степняка в калмыцком языке передается через понятие зуд 'бескормица'. Калмыки различают три вида зуд: «*хар зуд* 'черный зуд', когда скот гибнет в безводной местности из-за отсутствия снега зимой; *цаһан зуд* 'белый зуд', когда выпадает много снега и скот погибает из-за невозможности добыть корм; *турун зуд* 'копытный зуд', когда из-за скопления животных пастбища выбиты, отравлены» [КРС 1977: 255]. Чтобы избежать падежа скота, калмыки рекомендуют заботиться о кормах, загонах: *Байн ик малта болв чигн, хот бүүрин эс ясхла, зудт нег бүүртэ чидг* 'Как бы ни было много скота у богача, если заранее не позаботиться об укрытиях и кормах, то скот погибнет тут же от бескормицы' [ПП 2007: 134]. Советуют, несмотря на трудности скотоводства, терпеливо заниматься разведением животных, ведь в этом жизнь и богатство калмыка (*Мал асрхла, амн тоста* 'Ухаживаешь за скотом — рот бывает в масле' [ПП 2007: 570]); наставляют не красть (*Худл келжс ухата болдо, хулха кежс байн болдо* 'От лжи не становятся умным, от воровства не становятся богатым' [КРС 1977: 608–609]). Этот совет кажется нам важным, так как среди калмыков, по свидетельству А. М. Амур-Санана, скотокрадство считалось не преступлением, а проявлением удалства [Амур-Санан 1987: 180–181], в современных средствах массовой информации Республики Калмыкия часто сообщается о краже скота [Сурженко 2021; Меркушева 2020].

В связи с тем, что золото рассматривается как эквивалент богатства, у калмыков сложилось определенное число устойчивых единиц, в которых говорится как о характеристиках золота (*Алһн шорад даргддо* 'Золото не скроется в пыли' = 'Золото и в грязи сверкает' [ПП 2007: 198]; *Алһн кедү кевтв чигн өңгн хуврдо*

‘Сколько бы ни лежало золото, оно не теряет свой блеск’ [ПП 2007: 197]), его обесценивании (*Алtn элвг һазртан үн уга* ‘Где много золота, там оно не ценится’ [ПП 2007: 198]), так и об оценке человека с помощью золота (*Алtnа өөр улан мөңгн шарлж үзгддг, сэн күүнә өөр му күн сэн болж медгддг* ‘Около золота и медь желтеет, около хорошего человека и плохой кажется лучше’ [КРС 1977: 37]). Высказываются наблюдения о правилах поведения человека: *Мел цуһар гилвксн тоотнь алtn болад бәәдмн биш* ‘Не все то золото, что блестит’ [КРС 1977: 37]; *Алtnь авсн хөөн авдрнь керго* ‘Когда вынуто золото, сундук не нужен’ [КРС 1977: 37]. О значимости *алtn* можно судить по использованию лексемы в калмыцком речевом этикете. При прощании калмыки говорят: *Алtn жәола эргүлж иртн* ‘Благополучно возвращайтесь из дальнего пути; возвращайтесь, успешно завершив дело; букв. золотой повод повернув, приезжайте’ [КРС 1977: 37].

Итак, в этносознании калмыков высшим богатством признается ум, средним — дети, низшим — скот. Отдается приоритет духовному, а не материальному богатству, воплощением которого является крупный рогатый скот. Суровые условия скотоводства выработали у народа философское отношение к богатству.

Для анализа осмысления богатства нашими современниками были изучены публицистические тексты, связанные с темой богатства. В публикациях прослеживается этническое представление о богатстве калмыка. Так, сообщается, что «настоящим богатством для калмыков с незапамятных времен и по сей день является скот. Ведь большая часть калмыцкого населения живет в селах, занимается животноводством. Потому мерилom состоятельности у нашего народа является не счет в банке, а количество скота, стоящего во дворе. В Калмыкии неважно, на какой машине ты едешь и сколько квартир имеешь. Вот если у тебя есть тысяча голов овец или крупного рогатого скота, то можешь себя считать богатым человеком! Причем валюта эта мало подвержена инфляции и имеет выгодный курс при конвертации. Ведь размножается скотина значительно быстрее, чем прирастает процентами банковский вклад. И дорожает живность пропорционально росту цен. В любой момент скот можно превратить в живые деньги. Даже стоимость обучения детей в престижных вузах калмыки измеряют баранами да лошадьми. Даже молодые горожане не прочь обзавестись собственным стадом. ... Но все же самым главным богатством жители Калмыкии считают детей. Так что „богачами“ здесь называют многодетных родителей!» [Петров 2016].

Итак, в калмыцкой лингвокультуре аксиология богатства связана с такими ценностями, как дружба, ум, труд, счастье, щедрость, дети, и направлена на формирование правил поведения в обществе. Относительно богатства выстраивается следующая модель поведения: приоритет отдавать не материальным, а духовным ценностям, которые вечны, терпеливо заниматься разведением скота, делиться богатством, не воровать.

6. Заключение

Лексико-семантическое поле концепта «*байн* / богатство» состоит из обозначений *байн*, *элвг*, *зоор*, *алtn*, *мөңгн*, *мал*; их дериваты и устойчивые словосочетания, содержащие репрезентанты данного концепта, паремии, фразеологические единицы и др., ассоциативно связанные с богатством, формируют структуру исследуемого концепта. Понятийное содержание концепта «*байн* / богатство»

сводится к обладанию ресурсами, прежде всего скотом, а также, на наш взгляд, золотом, серебром, деньгами). Его образная составляющая указывает на человека, обладающего большим количеством крупного рогатого скота, умного, удачливого, трудолюбивого, одновременно и щедрого, и скупого, у которого нет долгов, много друзей. С богатством связаны следующие ценностные представления калмыков: высшее богатство — ум, среднее — дети, низшее — скот. В лингвокультуре калмыцкого народа прослеживается приоритет духовных, а не материальных ценностей. Суровые условия кочевого скотоводства выработали у калмыков философское отношение к богатству.

Сокращения

бао. — баоаньский;
 бур. — бурятский;
 даг. — дагурский;
 др.-тюрк. — древнетюркский;
 дунс. — дунсянский;
 калм. — калмыцкий;
 кирг. — киргизский;
 мнгр. — монгорский;
 тюрк. — тюркский;
 халх. — халхаский;
 чув. — чувашский;
 як. — якутский.

Источники

- КРС 1977 — Калмыcko-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- ПП 2007 — *Тодаева Б. Х.* Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: Джангар, 2007. 839 с.
- ССКЯ 2002 — *Монраев М. У.* Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: Джангар, 2002. 208 с.
- СЯОС 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
- ТСКЯ 2002 — *Манджикова Б. Б.* Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Джангар, 2002. 176 с.
- ТСКЯ 2020 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. 444 с.
- ТСКЯ 2021 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 тт. Т. 1. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. 574 с.
- ТСКЯ 2022 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 тт. Т. 2. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. 590 с.
- ЭСМЯ 2015 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. Т. 1. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- ЭСМЯ 2016 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. Т. 2. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.

Sources

- Amur-Sanan A. M. The Son of Mudryoshka. Elista: Kalmykia Book Publ., 1987. 203 p. (In Russ.)
- Mandzhikova B. B. Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language. Elista: Dzhangar, 2002. 176 p. (In Kalm. and Russ.)

- Monraev M. U. Dictionary of Kalmyk Synonyms. Elista: Dzhangar, 2002. 208 p. (In Kalm. and Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2020. 444 p. (In Kalm. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language. In 2 vols. Vol. 1. Elista: RIA Kalmykia, 2021. 574 p. (In Kalm. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language. In 2 vols. Vol. 2. Elista: RIA Kalmykia, 2022. 590 p. (In Kalm. and Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. Vol. 1. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 224 p. (In Mong., Kalm., etc.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. Vol. 2. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2016. 232 p. (In Mong., Kalm., etc.)
- Todaeva B. Kh. Dictionary of Xinjiang Oirat. Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 493 p. (In Oir. and Russ.)
- Todaeva B. Kh. Kalmyks of Russia and Oirats of China: Proverbs, Sayings, and Riddles. Elista: Dzhangar, 2007. 839 p. (In Oir., Kalm. and Russ.)

Литература

- Амур-Санан 1987 — *Амур-Санан А. М.* Мудрешкин сын. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 203 с.
- Аюшова 2012 — *Аюшова Ц. Н.* Этническая картина мира калмыков: лингвокультурологический аспект. Элиста: Калм. ун-т, 2012. 120 с.
- Биткеев 1979 — *Биткеев Н. Ц.* Цецн күүкн // Теегин герл. 1979. № 1. С. 107–113.
- Гуревич 1984 — *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 349 с.
- Есенова 2012 — *Есенова Т. С.* Очерки по лингвокультуре калмыков. Элиста: Калм. ун-т, 2012. 160 с.
- Клементьева 2008 — *Клементьева Е. В.* Концепт «богатство»: когнитивно-прагматический аспект: на материале русского и английского языков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2008. 19 с.
- Макеева 2009 — *Макеева Н. С.* Концепт «богатство» в русском языковом сознании: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 237 с.
- Меркушева 2020 — *Меркушева К.* Сотрудник колонии в Калмыкии заставлял осужденных красть скот у местных жителей [электронный ресурс] // VTOMSKE.RU. Новости. 3 декабря 2020 г. URL: <https://news.vtomske.ru/news/180458-sotrudnik-kolonii-v-kalmykii-zastavlyal-osujdennyh-krast-skot-u-mestnyh-jitelei> (дата обращения: 03.08.2023).
- Мушаева 2010 — *Мушаева О. К.* Регулятивные концепты в разносистемных лингвокультурах. Элиста: Калм. ун-т, 2010. 158 с.
- Петров 2016 — *Петров Н.* Калмыцкое богатство [электронный ресурс] // Национальный акцент. Этнополе. 29 июля 2016 г. URL: <https://nazaccent.ru/content/2179-kalmyckoe-bogatstvo.html> (дата обращения: 30.07.2023).
- Сурженко 2021 — *Сурженко С.* В Калмыкии двух сотрудников колонии-поселения обвинили в крупных кражах скота [электронный ресурс] // КП-Ростов-на-Дону. 4 февраля 2021 г. URL: <https://rostov-kp.ru.turbopages.org/rostov.kp.ru/s/online/news/4176107/> (дата обращения: 03.08.2023).
- Сарангаева 2009 — *Сарангаева Ж. Н.* Кочевье как этнокультурный концепт. Элиста: Калм. ун-т, 2009. 128 с.

Тачин 1991 — *Тачин Анджиса*. Бар жил. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 187 с.

References

- Ayushova Ts. N. The Kalmyk Worldview: A Linguoculturological Aspect. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2012. 120 p. (In Russ.)
- Bitkeev N. Ts. The Wise Maiden. *Teegin gerl*. 1979. No. 1. Pp. 107–113. (In Kalm.)
- Esenova T. S. Essays in Kalmyk Linguoculture. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2012. 160 p. (In Russ.)
- Gurevich A. Ya. Categories of Medieval Culture. Moscow: Iskusstvo, 1984. 349 p. (In Russ.)
- Klementyeva E. V. The Concept of Wealth: A Cognitive/Pragmatic Aspect (Evidence from Russian and English). Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Krasnodar, 2008. 19 p. (In Russ.)
- Makeeva N. S. The Concept of Wealth in Russian Linguistic Consciousness. Cand. Sc. (philology) thesis. St. Petersburg, 2009. 237 p. (In Russ.)
- Merkusheva K. Corrective colony officer made convicts raid cattle across neighborhood in Kalmykia. On: VTOMSKE.RU. Newsfeed. Posted on 3 December 2020. Available at: <https://news.vtomske.ru/news/180458-sotrudnik-kolonii-v-kalmykii-zastavlyal-osujdennyh-krast-skot-u-mestnyh-jitelei> (accessed: 3 August 2023). (In Russ.)
- Mushaeva O. K. Regulative Concepts in Structurally Different Linguocultures. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2010. 158 p. (In Russ.)
- Petrov N. Kalmyk wealth. In: Natsionalnyi Aktsent (Ethnic Accent). Ethnicities. Posted on 29 July 2016. Available at: <https://nazaccent.ru/content/2179-kalmyckoe-bogatstvo.html> (accessed: 30 July 2023). (In Russ.)
- Sarangaeva Zh. N. Nomadic Area as Ethnocultural Concept. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2009. 128 p. (In Russ.)
- Surzhenko S. In Kalmykia two corrective colony officers accused of cattle raiding. On: KP–Rostov-on-Don (newspaper). Posted on 4 February 2021. Available at: <https://rostov-kp-ru.turbopages.org/rostov.kp.ru/s/online/news/4176107/> (accessed: 3 August 2023). (In Russ.)
- Tachiev (Tachin) A. The Year of the Tiger. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 187 p. (In Kalm.)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК / UDC 398.22

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-470-487

Сюжетосложение эпической песни-поэмы «Жаңһр гидг нериг олсн бөлг» («Песнь о том, как было найдено имя Джангар») ойратского джангарчи Нарса

Байрта Барбаевна Манджиева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Манджиева Б. Б., 2023

Аннотация. *Введение.* Сохранение устного наследия калмыков и ойратов является одной из первостепенных задач современной фольклористики. Нами была записана песнь «Жаңһр гидг нериг олсн бөлг» («Песнь о том, как было найдено имя Джангар») в исполнении ойратского джангарчи Нарса, уроженца аймака Алашань Внутренней Монголии Китайской Народной Республики. *Целью* настоящей статьи является рассмотрение сюжетосложения песни «Жаңһр гидг нериг олсн бөлг» («Песнь о том, как было найдено имя Джангар») и введение в научный оборот эпического текста. *Материалом* исследования являются записанный и расшифрованный автором статьи текст «Песни о том, как было найдено имя Джангар», а также тексты синьцзян-ойратской и калмыцкой версий «Джангара». *Результаты.* Рассмотрение сюжетосложения «Песни о том, как было найдено имя Джангар» из эпического репертуара ойратского джангарчи Нарса показало, что сюжет взаимосвязан с «Песнью о женитьбе Узенг Алдар-хана» известного хобуксарского джангарчи Джавин Джуну и является продолжением описания последующих событий после нападения хана-антагониста Шара Мангаса на владения Узенг Алдар-хана. Сюжет о наречении именем играет важную роль в эпической биографии героя. Биографическая циклизация обусловлена интересом слушателя к жизни главного героя в целом и предполагает последовательную разработку важнейших этапов его эпической биографии — рождения, детства, первого подвига, богатырских деяний, а в дальнейшем наделяет его героическими потомками, защитниками бумбайской державы. Чудеснорожденный герой, нареченный именем Джангар, в будущем утверждает свое героическое имя богатырскими подвигами.

Ключевые слова: эпос «Джангар», синьцзян-ойратская традиция, эпический репертуар, джангарчи, сюжет, чудеснорожденный герой, наречение именем

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Манджиева Б. Б. Сюжетосложение песни «Жанһр гидг нериг олсн бөлг» («Песнь о том, как было найдено имя Джангар») ойратского джангарчи Нарса // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 3. С. 470–487. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-470-487

The Song of How the Name Jangar was Discovered: Plot Building in an Epic Narrative Recorded from Oirat Jangarchi Narsa

Bayrta B. Mandzhieva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology). Leading Research Associate
 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Mandzhieva B. B., 2023

Abstract. *Introduction.* Preservation of Kalmyk and Oirat oral heritage is a primary task of contemporary folklore studies. Scholars affiliated to Kalmyk Scientific Center (RAS) have tackled a project for further research into the Jangar epic ('The Xinjiang Oirat Version of the Jangar Epic: Talletelling Tradition, Plot Structure, and Motifs'), and in 2023 the former have recorded *The Song of How the Name Jangar was Discovered* from Oirat jangarchi Narsa, a native of Alashan League (Inner Mongolia Autonomous Region, People's Republic of China). *Goals.* The article attempts an insight into the plot structure of the mentioned epic Song, and introduces the latter into scientific circulation. *Materials.* The study focuses on the text of the Song recorded by the author and transcribed herein, with due account of related texts contained in the Xinjiang Oirat and Kalmyk versions of *Jangar*. *Results.* Our analysis of the Song's plot structure shows the plot is interconnected with that of *The Song of How Khan Uzeng Aldar Got Married* once recited by the famous Hoboksar jangarchi Javin Juna, and describes some events that follow the invasion of the antagonist Khan Shara Mangas into the mentioned ruler's lands. The plot of name giving plays an important role in the hero's epic biography. Biographical cyclization arises from the listener's interest in the protagonist's life at large, and implies the most important stages of epic biography — birth, childhood, first feat, heroic deeds (up to heroic descendants who would grow to nobly defend Bumba) — be consistently developed. The miraculously born hero named Jangar matures to assert his heroic name with heroic deeds.

Keywords: Epic of Jangar, Xinjiang Oirat tradition, epic repertoire, jangarchi, plot, miraculously born hero, name giving

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.

For citation: Mandzhieva B. B. The Song of How the Name Jangar was Discovered: Plot Building in an Epic Narrative Recorded from Oirat Jangarchi Narsa. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(3): 470–487. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-470-487

1. Введение

Изучению ойратской эпической традиции посвящены труды отечественных и зарубежных исследователей: Б. Я. Владимирцова [Владимирцов 1923], А. Ш. Кичикова [Кичиков 1981; Кичиков 1992], С. Ю. Неклюдова [Неклюдов

1984; Неклюдов 2019а; Неклюдов 2019б], Н. Ц. Биткеева [Биткеев 1990], Э. Б. Овалова [Овалов 2004; Овалов 2008], Е. Э. Хабуновой [Хабунова 2006; Хабунова 2015], В. З. Церенова [Церенов 2008], Ц. Б. Селеевой [Селеева 2013; Селеева 2019], Т. Джамцо [Джамцо 1985; Джамцо 1991; Джамцо 1997; Джамцо 2008], Ж. Ринчиндоржа [Ринчиндорж 1986], Ж. Эрдэнэбаяра [Эрдэнэбаяр 2010], Б. Менкя [Менкя 2011], Д. Таяа [Таяа 2002; Таяа 2010], Б. Амрдала [Амрдала 2008], Ж. Батнасан [Батнасан 1986; Батнасан 2008], Лю Шиу [Лю 2004], М. Няма [Ням 1984], Б. Нямжава [Нямжав 1991] и др.

Несмотря на исследование многих проблем эпоса синьцзян-ойратской версии «Джангара», вопросы сохранения эпического наследия ойратов, изучения сюжетосложения песен-поэм все еще являются недостаточно исследованными.

Сохранение устного наследия калмыков и ойратов является одной из первостепенных задач современной фольклористики. В данном направлении фольклористами Калмыцкого научного центра РАН (КалмНЦ РАН) многие годы ведется целенаправленная работа по выявлению знатоков устного народного творчества, видео- и аудиофиксации уникальных образцов фольклора с целью сохранения, изучения и популяризации духовного наследия предков. Для качественной записи образцов фольклора в КалмНЦ РАН создана фонолаборатория, оснащенная современными техническими средствами.

В рамках научно-исследовательской работы «Синьцзян-ойратская версия эпоса „Джангар“: сказительская традиция, сюжетосложение и мотивы» в 2023 г. в фонолаборатории Калмыцкого научного центра РАН нами были записаны несколько песен синьцзян-ойратской версии «Джангара» в исполнении ойратского джангарчи Нарса, уроженца аймака Алашань Внутренней Монголии Китайской Народной Республики. Среди записанных образцов эпического репертуара джангарчи Нарса имеется песнь «Жанһр гидг нериг олсн бөлг» («Песнь о том, как было найдено имя *Джангар*»), принадлежащая хобуксарской эпической традиции [ПМА 2023а]. Песня со схожим сюжетом под названием «Песнь о том, как Шигширги нарек Джангаром сына Узенг Алдар-хана, оставшегося сиротой» принадлежит известному ойратскому джангарчи Джавин Джуне [Жангарын 11–12, 1996]. Джангарчи Нарс исполнил эту песнь в традиции хобуксарских сказителей, в стиле рапсода Джавин Джуну [ПМА 2023а].

2. Цель и материалы исследования

Цель статьи заключается в анализе сюжетосложения песни «Жанһр гидг нериг олсн бөлг» («Песнь о том, как было найдено имя *Джангар*») и введении в научный оборот эпического текста. Материалом исследования являются: записанный и расшифрованный автором статьи текст песни «Жанһр гидг нериг олсн бөлг» («Песнь о том, как было найдено имя *Джангар*»), тексты эпических песен синьцзян-ойратской эпической традиции «Джангара», опубликованные Народным издательством Синьцзяна в Китае в 1986–2000 гг. на ойратской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо») [Жангар 1986; Жангар 1987; Жангар 2000], переложенные на калмыцкий язык известным востоковедом Б. Х. Тодаевой [Джангар 2005; Джангар 2006; Джангар 2008], а также в сравнительном аспекте привлечены тексты песен калмыцкого героического эпоса «Джангар» [Джангар 2020].

3. Сюжетная структура песни «Жаңһр гидг нериг олсн бөлг» («Песнь о том, как было найдено имя *Джангар*»)

Сюжет песни «Жаңһр гидг нериг олсн бөлг» («Песнь о том, как было найдено имя *Джангар*») связан с событиями, произошедшими в песне «Үзнг Алдр хан өргэлгсн бөлг» («Песнь о женитьбе Узенг Алдар-хана») из эпического репертуара ойратского джангарчи Джавин Джуны [Джангар 2005: 43–56]. Согласно повествованию «Песни о женитьбе Узенг Алдар-хана», отец Джангара Узенг Алдар-хан в поисках суженой отправляется в дальнюю страну. Преодолев дорожные испытания, Узенг Алдар-хан прибывает в страну Гюртем Цецен-хана, встречается с его дочерью Цецен-дагини, которая сообщает ему о запрете ее замужества на три года, потому как она является хранительницей счастья всего кочевья и если выйдет замуж, то вместе с ней уйдет благополучие всего нутука. Хан-отец, объявивший всенародный клич «тому, кто разрешит сто восемь трудных споров в течение трех лет и выдаст дочь», отказывает Узенг Алдару выдать за него дочь и советует ему в течение трех лет подготовиться и выиграть, после чего он их благословит [Джангар 2005: 43–48]. Получив отказ, Узенг-хан сражается с войском Гюртем Цецен-хана. Победенный хан-отец с сожалением отдает свою дочь Узенг Алдару и предрекает, что случится беда [Джангар 2005: 50]. Через пять лет счастливой жизни у них рождается сын. Однако на шестой год счастливого супружества сбываются пророчества Гюртем Цецен-хана: Шара Мангас-хан, напав на ханство, убивает Узенг Алдар-хана и его супругу, угоняет в плен его народ. Чудеснорожденный сын Узенг Алдар-хана, спрятанный в расщелине скалы, остается сиротой [Джангар 2005: 56].

Песня «Жаңһр гидг нериг олсн бөлг» («Песнь о том, как было найдено имя *Джангар*») ойратского джангарчи Нарса является последующей по сюжету после «Песни о женитьбе Узенг Алдар-хана», в которой описывается вероломное нападение Шара Мангас-хана на ханство Узенг Алдар-хана и дальнейшие события, произошедшие после уничтожения родителей главного героя эпоса.

4. Сюжетно-композиционная структура песни

Сюжетно-композиционная структура песни «Жаңһр гидг нериг олсн бөлг» («Песнь о том, как было найдено имя *Джангар*») состоит из следующих элементов:

- 1) описание счастливой мирной жизни Узенг Алдар-хана;
- 2) нападение Свирепого Шара Мангас-хана;
- 3) Узенг Алдар-хан прячет сына в расщелине скалы;
- 4) Шара Мангас уничтожает Узенг Алдар-хана и его супругу, а народ угоняет в плен;
- 5) Бёке Мёнген Шигширги находит осиротевшего младенца и забирает его домой;
- 6) Бёке Мёнген Шигширги находит жеребенка и приводит его к своему табуну;
- 7) супруга Шигширги вскармливает младенца грудью;
- 8) Бёке Мёнген Шигширги нарекает найденного сына Узенг Алдар-хана именем Джангар.

Песнь начинается с описания счастливой мирной жизни хана Узенг Алдара. Однако внезапное нападение Свирепого Шара Мангас-хана с многомиллионным (*арви түмн мицһн*) войском на ханство Узенга разрушает мирную жизнь. Узенг-хан едва успевает спрятать сына в расщелине скалы, закрыв вход огромным камнем-валуном. Как только он возвращается в свой дворец, Шара Мангас жестоко убивает Узенг-хана вместе с его супругой, а народ угоняет в плен [ПМА 2023a].

В калмыцкой версии эпоса «Джангар» в песне «Догшн Шар Гүргү манһс хааг дуут Улан Шовшур дөрэцүлгсн бөлг» («Песнь о том, как прославленный Улан Шовшур хана мангасов Свирепого Шара Гюргю покорил») Малодербетовского цикла тема нападения хана-антагониста на бумбайскую державу имеет сходное описание: «давний враг Бумбайской державы, владыка всех мангасов и шулмусов — Шара Гюргю-хан двинул на бумбайскую страну «муравьев многочисленнее войско», сломил упорное сопротивление Хонгора и, лишив жизни, отправил его в нижний мир, а народ Бумбы угнал в полон. Державная гора Цаган была разрушена, Бумба-океан иссушен, имя прославленного Джангара предано забвению, страна опустела» [Джангар 2020: 293–305]. Так представлена картина гибели Бумбы. Согласно сюжету, Джангар покинул Бумбу ради рождения сына Шовшура. «Здесь прослеживается трансформация мотива, когда новое поколение героев оказывается сильнее предыдущего. Шовшур, обретенный ценой гибели Бумбы, рождается как спаситель страны» [Манджиева 2022: 180]. Чудеснорожденный герой Шовшур побеждает Шара Гюргю-хана и возвращает угнанный народ.

5. Мотив чудеснорожденного героя и его коня

В изучаемой песне «Жаһр гидг нериг олсн бөлг» («Песнь о том, как было найдено имя Джангар») сын Узенг Алдар-хана родился с признаками чудеснорожденного героя: *Күүкн хар шулмиг дарн / Көл доран ишкгсн, / Эр хар шулмиг дарн / Элкн деерни замлн суугсн, / Хоёр дальинни хоорнд / Тосн торлг күрүг улан меңгтэ, / <...> Сүр сүлдтэ көвүн һарв гинэ* ‘Женщину черную шулму подавляя, / Ногою раздавить готовый, / Мужчину черного шулму подавляя, / На печени ноги скрестив восседающий, / Меж двух лопаток его / Красное родимое пятно выделялось, / <...> Могуществом и величием наделенный мальчик родился, говорят’ [Джангар 2005: 55].

Спрятанный в расщелине скалы чудеснорожденный младенец остается сиротой. После трагических событий живший по соседству Бёке Мёнген Шигширги, не получивший от Узенга никаких вестей, почувствовав, что случилось что-то неладное, решает проведать хана. Когда Шигширги прибыл во владения Узенг-хана, увидел, что случилась беда: священное озеро иссушено, родовая гора разрушена, ни единой души вокруг. Оцепеневший от увиденного Шигширги вдруг услышал детский плач (*Һодргил жаагад, жуугад, дун соңсгада...*) [ПМА 2023a]. Подбежав к горе Цаган и услышав, что плач изнутри, Шигширги неимоверными усилиями сдвинул огромный камень и нашел младенца — единственного сына Узенг Алдар-хана. Шигширги, забрав младенца, направился домой. Пристально всматриваясь вдаль, он увидел, что священное озеро Узенг хана не иссушено, а среди его высоких трав скачет двухгодовалый жеребенок

рыжей масти — единственный оставшийся из пяти видов бесчисленного множества скота ханства [ПМА 2023a].

Пять видов скота являлись одним из необходимых источников жизнеобеспечения в условиях кочевой жизни. «Монголы подразделяют скот на две группы: *халун хошу мал* (животные с горячим дыханием) — это лошади и овцы, и *хиштан хошу мал* (животные с холодным дыханием) — верблюды, крупный рогатый скот и козы. Все эти животные, составляющие основное богатство кочевников-скотоводов, имеют обобщающий термин — *табан хошуу мал* (пять видов скота)» [Манджиева 2020: 93–94].

В архаическом эпосе тюрко-монгольских народов конь предназначен герою и связан с ним от рождения. «Герой и его конь — однолетки, рождены (а иногда и зачаты) в один день и час» [Жирмунский 1974: 250]. В ойратском эпосе «Бум-Эрдэни» конь чудеснорожденного героя рождается в один день со своим будущим седоком: «Родился он вместе с тобой, в тот день, когда и ты появился на свет <...> Вот славный конь, предназначенный для тебя» [Владимирцов 1923: 192]. Одновременное рождение богатырского младенца и его коня имеет «отдаленную связь с мифологическими представлениями о звере, чудесном помощнике человека, основанными на тотемистических верованиях» [Жирмунский 1974: 250].

В эпосе «Джангар» сказочный мотив волшебного помощника трансформирован, но сохраняется как элемент героической идеализации богатырского коня, главного помощника героя. Предназначенного герою чудесного жеребенка Бёке Мёнген Шигширги приводит в свой табун, вожак — резвый жеребец рыжей масти принимает жеребенка-сироту [ПМА 2023a].

Супруга Бёке Мёнген Шигширги Зандан Куш Герел с материнской любовью принимает светлолицего младенца-сироту, кормит грудью найденного младенца и сына Хонгора. Младенец, напившись ее грудного молока, тут же вскочил и побежал играть с Хонгором [ПМА 2023a]. Вскормленные грудным молоком Зандан Куш Герел сын Узенг Алдар-хана и ее родной сын Хонгор становятся побратимами. Мотив побратимства связан с обычаем принятия в род.

В. М. Жирмунский отмечает широкое распространение обычая побратимства: «в германском эпосе Зигфрид и Гунтер, Хаген и Вальтер Аквитанский и др.; в эпосе французском — Роланд и Оливье; в русских былинах — Илья и Святогор, Илья и Добрыня, Илья и Алеша, Добрыня и Алеша, Поток и Добрыня и многие другие; в сербском эпосе — почти все боевые товарищи юнаки; в узбекском — Алпамыш и калмык Караджан; в киргизском — Манас и китаец Алмамбет и т. д. При этом в „Манасе“ братание героев сопровождается обрядом „молочного усыновления“ чужеземного богатыря, то есть принятия в род (мать Манаса, Чийирды, кормит своею грудью побратима своего сына)» [Жирмунский 1962: 28].

6. Наречение именем чудеснорожденного героя

Найденный младенец был безымянным, поэтому Бёке Мёнген Шигширги говорит своей супруге, чтобы она нарекла его именем. Однако Зандан Куш Герел отказывается, мотивируя тем, что женщина не вправе нарекать, если есть

мужчина рода: *Эрднин бииг олад төрсн / Эр күн бээхэд бээтл, / Эм күн би, / Нер өгдг юмн биш* ‘Нашедший родившегося с драгоценным предначертанием, / Если есть Вы, мужчина, / Я, женщина, / Не могу дать ему имя’ [ПИМА 2023a].

Согласно древнему ойратскому обычаю, имя ребенку дает отец (глава, старейшина рода): *Күмн заянд насн бий намб дүрк эцк-экэс заядг, буйн заяг эцкэс өгдг, намб төрк насн буйн экэс заяжэ авдг. Тегэд күмн экэс төрснэ ард нер өгхлэ, эцк күн нер өгдг. Көвүн күүксиг болхлэ, барун чикнднь неригинь хурвн уда дуһрад, нерарнь дууддг, күүкн күүксиг болхлэ, зүн чикнднь хурвн уда нерарнь дуудад, нер өгдг. Тиигхлэ, ода тиим йоста кезэнэ* ‘Жизнь человеку даруется отцом и матерью, добродетель и милость даруется отцом, жизнь даруется матерью. Поэтому, когда родится человек, именем нарекает отец. Мальчиков, в правое ухо трижды произнеся его имя, нарекают, а девочек, в левое ухо трижды произнеся ее имя, нарекают. Таков древний обычай’ [ПИМА 2023b]. Поэтому, следуя древнему обычаю, супруга Бёке Мёнген Шигширги не могла дать имя младенцу, это право принадлежит главе семейства — отцу, который является защитником всего рода [ПИМА 2023a]. Так как младенец был найден по его громкому плачу *жэ*, Бёке Мёнген Шигширги нарекает мальчика именем *Жаңһр* (Джангар). Использование первого слога в имени встречается в буддийской астрологии, где каждому из дней лунного календаря соответствуют определенные слоги. При наречении ребенка монахи смотрят день его рождения и указывают первый слог имени.

По случаю наречения младенца именем Зандан Куш Герел произносит благопожелание-йорял: *Эзн теңгрэс эркиилтэ төрсн, / Хаана теңгрэс хээртэ төрсн, / Хамг нутгта эзн болдг, / Хан нойн Жаңһр гидг болв!* ‘Властью, дарованной Хозяином Неба, родившийся, / Любовью, дарованной Ханом Неба, родившийся, / Властелин всех ханств — / Хан нойон Джангар!’ [ПИМА 2023a]. Произнесенное благопожелание является «магическим благословением и предсказанием его будущего героического пути» [Жирмунский 1974: 233], а также наделяет героя магической неуязвимостью.

7. Текст «Песни о том, как было найдено имя Джангар»

Жаңһр гидг нериг олсн бөлг

- Өл Маңхн Цаһан уулын
 Барун сууд нутглсн
 Үзң Алдр хан
 Ар Бумбин орндан
 5 Амрн сууһад жирһж бээтл,
 Хумста Догшн Шар Маңһс хан
 Күрч ирэд,
 Суусн һазрарн ордг,
 Сансн һазрарн һарч ирдг,
 10 Арвн түмн миңһн
 Аср хар маңһс баатр[м]удан дахулад,
 Өрүн үдин алднд
 Үзң Алдр хана
 Жирһлнтэ Бумбин ориг шавдн тууһад,

- 15 Үзн Алдр хан
Арh уга болсн цагт,
Хойр наста хонhр шар көвүhэн
Эрднин цаһан өлгэд өлгэдэд,
Мөрл цаһан эрдниг амнднь көкүлэд,
- 20 Өл Маңхн Цаһан уулын
Хадна аһуд авч ирэд,
Тэлвж оркад,
Эвринэн өмсдг
Тавн зүүлин жимскэр
- 25 Дер тальвад,
Арвн уулын чолуһар
Амигинь хааһад,
Аав ээж хойрнь
Иигэн һарснд,
- 30 Догшн Шар Маңһс хан
Бэрж авад,
Нүдинь холькад, чикинь керчэд,
Арвн цаһан ясигинь уучад,
Ар Бумбан орна
- 35 Аршан хар нууригинь ширгәһэд,
Өл Маңхн Цаһан уулыгинь
Унгарнь булһж хаяд,
Догшн Маңһс хан
Үзн Алдр хаана нутгиг
- 40 Өнчн көвү, өлгчн ноха үлдэл уга
Шавдн тууһад, авад йовсн билэ.
Нег хонад, маңһдуртнь
Хоша өөл бээсн
Бөк Мөнгн Шигшрh аавнь
- 45 Тер өдр һадн гертәсн һарл уга
Монцган өмн бийдән хавчулж оркад:
«Догшн Шар Маңһс хааниг
Үзн Алдр хаана нутгт иргсн кевтә болва.
Иньг седклтә, икр бурта бээсн надд
- 50 Нег амн чимә өгхви [яһна]?», — гihэд,
Тер өдрән дуусн сууһад,
Чимә уга болсн цагт
Бөк Мөнгн Шигшрh аавнь
Өрүн үдин алднд бөжгнн түшэд,
- 55 Үзн Алдр хаанад күрч ирснд,
Өнчн көвүн, өлгчн ноха үлдэл уга
Авад йовснь үзгдв.
Аршан хар нууригинь ширгәж оркад,
Өл Маңхн Цаһан уулыгинь
- 60 Унгарнь булһж хайсн,

- Йир эмтн уга болснь үзгдв.
 Үзң Алдр хаана хондлаж суудг
 Эрднин цаһан чолун ширэ деер
 Атрн йовһн сууһад:
 65 «Иим ик жирһлңгтэ
 Бумбин ик орниг
 Иим шулм авад йовдг жиг
 Йовдг юмн болсн санж», — гиһэд,
 Алтн болсн чеежнь будьнград,
 70 Аср хар нүднь бүрэжирэд,
 Бөк Мөңгн Шигшрһ аавнь
 Бодлһшрн суужатл,
 Нодргшл жаагад, жуугад, дун соңсгдад,
 Нег күүнэ дун һарснд,
 75 һарад одхла,
 Дәкн болһаж хэләснд,
 Өл Маңхн эрглтин
 Мөңгн Цаһан уулна элкнд
 Дун һарсн соңсгдв.
 80 Бөк Мөңгн Шигшрһ аавни
 Бүжгнн гүүһэд,
 Эрглтин Мөңгн Цаһан уулнд
 Күрэд ирсн цагт,
 Арвн уулын чолуһар
 85 Амигинь хаасн,
 Эрглтин Мөңгн Цаһан уулын
 Аһу дотр
 Нег көвүнэ дун соңсгдв.
 Арвс арвн цаһан хумсарн
 90 Иигэд-тиигтл чолугинь авад хаяд
 Ирсн цагт,
 Эрднин цаһан өлгүһәр өлгүдј орксн,
 Мөөрл цаһан эрдниг
 Амнднь көкүлј орксн,
 95 Хойр наста хонһр шар көвүн
 Үзң Алдр хаана
 Ууһн һагц көвүн болж һарв.
 Тавн зүүлин жимсгәрн
 Дер тальвад,
 100 Үзң Алдр хан арһ мекән олј ядад,
 Эн көвүнән үлдәһэд одсн санж.
 «Икр буурта, энг седклтэ бәәсн надд
 Нег амн чимән келл уга,
 Күмн гидгчнь иим
 105 Эн иткл уга болдг санж», — гиһэд,
 Бөк Мөңгн Шигшрһ аавнь

- Бодж бээхэд:
 «Үзн Алдр хаанд күчн күрлго,
 Иигэн-тиигэн һардг
 110 Арһ уга болад,
 Надд нег амн чимэ өглго
 Бээсн санж гиһэд,
 Хойр наста хоһр шар көвүнән
 Надд тэлвэд,
 115 Надд өгэд одсн санж», — гиһэд,
 Эрднин цаһан өлгэтэ
 Хойр наста хоһр шар көвүһинь
 Өврлж оркад,
 Тавн зүүлин жимскгинь
 120 Сүүдж авад,
 Бөк Мөңгн Шигшрһ аавнь
 Буйчгнн түшэд,
 Гүүһэд ирж йовтл:
 «Аршан хар булгнь
 125 Яһсмин болхв?» — гиһэд,
 Арвн һурвн сояни хэркред,
 Аср хар нүдэрн
 Харвн хэлэсн цагт,
 Аршан хар булгигнь
 130 Эргин күрэлэд урһсн
 Өвдгт күрсн
 Көк өвсн сенслн нээхлдсн,
 Тавн зүүлин цецгнь
 Дүңкрлн шавгсн,
 135 Тавн өңг эрвэкэнь эрвлзж йовад,
 Эргин күрэлж ирэд суусн,
 Аршан хар булгнь үзгдв.
 Бөк Мөңгн Шигшрһ аавнь:
 «Юу бийһән хивэд гиж бодла би,
 140 Аршан хар булгнь
 Бээсн санж», — гиһэд,
 Байрлн бүжгнн гүүһэд ирсн цагт,
 Өвдгт күрсн көк өвсни захас
 Орад ирсн цагт,
 145 Зеерд дааһн
 Хуурстад, босад гүүһэд һарв.
 Өндр уулын шорн деер одад,
 Саңна-саңна һарад,
 Сар нариг наадад,
 150 Савг дөрвн туруһарн
 Тер шорнгиг чавчн самчн зогссн үзгдв.
 Бөк Мөңгн Шигшрһ аавнь

- Алти болсн чеежнь будцград,
 Аср хар нүднй өрв күрэд:
 155 «Үзң Алдр хаана жирһлңгтә
 Ар Бумбин орна
 Тавн зүүлин аһурс малас үлдсн
 Малын хог гидг эн санж,
 Күүнәс үлдсн күүнә уг тохм гидгчнь
 160 Эн санж», — гиж бодад,
 Ниглә бужгнн түшәд гүүхлә,
 Зеерд дааһнын барун чикнәснь
 Бақрулн инцхулңг көтлж авад,
 Тунжр өдрин өрүн
 165 Тунх гүүнә унһн
 Нәэмн миңһн
 Арнзан зеерд адуна захт
 Авч ирәд тәвснд,
 Нәэмн миңһн
 170 Арнзан зеерд адуна ахлгч,
 Нәэмн миңһн алд бийтә
 Долңһрин уңһн
 Толыт хурдн зеерд ажрһн
 Эн дааһиг энқрлж,
 175 Эн адун эргин күрәлңд зогсад,
 Эн зеерд дааһиг
 Ижлдән орулж авба.
 Бөк Мөңгн Шигшрһ аавнь
 Гертәсн өрүн үдин алднд һаргсн күмн
 180 Асхн нарн хооран эргсн цагт,
 Бөжгнн гүүһәд ирсн цагт,
 Гертән орад ирхлә,
 Зандн Куш Герл ээж эмгн
 Му бәәдл һарсн,
 185 Чирәнй цәәһәд одсн,
 Мөөрл цаһан хамрнь
 Шомтаһад одсн,
 Моһлцг хар нүднә экн
 Жилкн буурад одсн,
 190 Аһу ик күчтә
 Аср Улан Хонһр көвүнән
 Барун суудан суудсн,
 Уру хәләһәд суусн бәәнә.
 Зандн Куш Герл ээж эмгн
 195 Бөк Мөңгн Шигшрһд:
 — Өдр сә уга гүүж хандг уга
 Яһсн юмнч? — гиһәд, —
 Өөрчнь үкн гиж бәәнә би, — гиһәд,

- Мөрнэ толһа туста
 200 Мөөрл цаһан омрундь
 Гев-гев генткн диилврэд чигн
 Аср Улан Хоңһр минь болад,
 Өмиг минь авч бээнэ.
 Бөк Мөңгн Шигшрһ аавнь
 205 Ду һарл уга зогсчаһад:
 — Хумста Догшн Шар Манһс хан
 Үзн Алдр хааниг авад йовсн санж.
 Түүнэ бүүриг эргж йовтл,
 Хойр наста хоңһр шар көвүгнь
 210 Эрднин цаһан өлгэд өлгэдэд,
 Мөөрл цаһан эрдниг
 Амнднь көкүлсн,
 Хадна аһуд дүрж оркгсн санж.
 Тавн зүүлин жимскәрн
 215 Дер тальвад оркснигн олж авсн.
 Олж авхдан,
 Жаагад-жуугад дуулсн дууһарнь
 Олж авба би, — гийһэд,
 Бөк Мөңгн Шигшрһ аавнь келн бээв.
 220 Өврәсн эрднин цаһан өлгэд өлгәдсн
 Хойр наста хоңһр шар көвүг
 Һарһад тәвсн цагт,
 Зандн Куш Герл ээж
 Энкрлн үзэд,
 225 Эрднин цаһан өлгәһинь
 Бүч-товчигинь тээлэд,
 Зандн Куш ээжнь келн бээв:
 — Чик шалвбнь чичрсн,
 Чичр улан халхнь мелмлзсн,
 230 Энжл шалугнь чичргсн,
 Эйлдг улан хачрнь мелмлзгсн,
 Эн мини Хоңһр көвүнтә
 Яһсн әдлхн көвүмбә, көөркү, — гийһэд,
 Зандн Куш ээжнь келгснд,
 235 Хойр наста хоңһр шар көвүн
 Өсрн тоглад, күзүвчлн теврэд,
 Зүн көкигинь көкн бээв.
 Аср Улан Хоңһр
 Эн хойр көвүнь
 240 Хойр көкигинь көкәд,
 Сунь баргдснас хоошан
 Эн хойр көвүн наадад гүүһэд,
 Һарад йовсн цагт
 Зандн Куш ээжнь келн бээв:

- 245 — Алтн шар уургиг мини эс көктсн болвч
Эн зовлңгас гетлгсн
Хойр наста хонһр шар көвүн
Амлн эдлкч
Бадмин сээхн йөрөлән тальвн бээв.
- 250 Бөк Мөңгн Шигшрһ аавнь келн бээв:
— Эн хойр наста хонһр шар көвүнгиг
Һагцхн көвүнтәһән наадулж бээхәрән,
Эн кеерәс олж авсн көвүнд
Нер олз өгх юмн, үүнд нер өг, — гиж
- 255 Бөк Мөңгн Шигшрһ аавнь келн бээв.
Зандн Куш ээжнь келн бээв:
— Эрднин бииг олад төрсн
Эр күн бээһэд бээтл,
Эм күн би,
- 260 Нер өгдг юмн биш, — гиж
Зандн Куш келгснд,
Бөк Мөңгн Шигшрһ аавнь
Дун уга сууж бээһэд:
— Жа-а, — гиж, —
- 265 Үзн Алдр хаана бүүр деерәс
Олзлн авсн көвүн билә,
Мөөрл цаһан эрдниг
Амнасн унһаж оркад,
Аюл зовлң эдлэд,
- 270 Амлад бээж,
Жаагад-жуугад уульж бээтл,
«Жа» гисн дууһарнь олж авлав би,
Эн көвүнә нерн Жаңһр болтха! — гив.
Бөк Мөңгн Шигшрһ аавна келснд
- 275 Зандн Куш ээж келн бээв:
— Эзн теңгрәс эркшилтә төрсн,
Хаана теңгрәс хээртә төрсн,
Хамг нутгта эзн болдг,
Хан нойн Жаңһр гидг болв! — гинһэд,
- 280 Бадм сээхн йөрөлән тәльвн бээв.
Бөк Мөңгн Шигшрһ аавнь
Жаңһр көвүг кеерәс олзлж авад,
«Жаңһр гидг нериг олгсн бөлг» оршва.

8. Заключение

Рассмотрение сюжетосложения песни «Жаңһр гидг нериг олсн бөлг» («Песнь о том, как было найдено имя *Джангар*») из эпического репертуара ойратского джангарчи Нарса показало, что сюжет связан с песней «Үзнг Алдр хан өргэлгсн бөлг» («Песнь о женьтйбе Узенг Алдар-хана») известного хобуксарского джангарчи Джавин Джуны и является продолжением описа-

ния последующих событий после нападения хана-антагониста Шара Мангаса на владения Узенг Алдар-хана. Сюжет о наречении именем играет важную роль в эпической биографии героя. Биографическая циклизация обусловлена интересом слушателя к жизни главного героя в целом и предполагает последовательную разработку важнейших этапов его эпической биографии — рождения, детства, первого подвига, богатырских деяний, а в дальнейшем наделяет его героическими потомками, защитниками бумбайской державы. Чудеснорожденный герой, нареченный именем Джангар, в будущем утверждает свое героическое имя богатырскими подвигами.

Полевой материал автора

ПМА 2023a — Песнь «Жанһр гидг нериг олсн бөлг» («Песнь о том, как было найдено имя *Джангар*») ойратского джангарчи Нарса, 1974 г. р. (хошуд, уроженец аймака Алашань Внутренней Монголии КНР). Запись и расшифровка осуществлена автором статьи в 2023 г. и впервые вводится в научный оборот.

ПМА 2023б — Өөрдин улмжллд нер өглнэ йосна тускар (Об обычае наречения именем в традиции ойратов). Информант: джангарчи Нарса, 1974 г. р. (хошуд, уроженец аймака Алашань Внутренней Монголии КНР). Запись и расшифровка осуществлена автором статьи в 2023 г.

Author's Field Data

The Oirat Name-Giving Tradition (Custom). At: Personal files of B. Mandzhieva. Rec. from Oirat jangarchi Narsa, b. 1974, ethnic Khoshut, native of Alashan League (Inner Mongolia Autonomous Region, PRC). Audio recording and transcript (2023). (In Oir., Kalm.)

The Song of How the Name Jangar was Discovered. At: Personal files of B. Mandzhieva. Rec. from Oirat jangarchi Narsa, b. 1974, ethnic Khoshut, native of Alashan League (Inner Mongolia Autonomous Region, PRC). Audio recording and transcript (2023). (In Oir., Kalm.)

Источники

Джангар 2005 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. / перелож. с ойр. на совр. калм. Б. Х. Тодаевой. Т. 1. Элиста: Джангар, 2005. 856 с.

Джангар 2006 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. / перелож. с ойр. на совр. калм. Б. Х. Тодаевой. Т. 2. Элиста: Джангар, 2006. 831 с.

Джангар 2008 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. / перелож. с ойр. на совр. калм. Б. Х. Тодаевой. Т. 3. Элиста: Джангар, 2008. 460 с.

Джангар 2020 — Калмыцкий героический эпос «Джангар»: Малодербетовский цикл / вступит. ст. Б. Б. Манджиевой; сверка текстов песен с оригиналом на «ясном письме» Б. Б. Горяевой, Б. Б. Манджиевой, Ц. Б. Селеевой; перевод Т. А. Михалевой; примеч., коммент., словарь, указатели Б. Б. Манджиевой, Т. А. Михалевой; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев, С. Ю. Неклюдов, В. В. Куканова. М.: Первая Образцовая типография, Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2020. 544 с. (Свод калмыцкого фольклора).

Жангарын 1996 — Жангарын экэ материал (= Исходный материал «Джангара»). Үрэмч: Шинжийан-гийн “Шинхува” кэвлэл, 1996. дев. 11–12. 953 х. (На ойрат. письмен.)

Жангар 1986 — Жангар (= «Джангар»). В 3 тт. Т. 1. Үрэмч: Шинжийан-гийн ардын кэвлэлин хора, 1986. 860 х. (На ойрат. письмен.)

Жангар 1987 — Жангар (= «Джангар»). В 3 тт. Т. 2. Үрэмч: Шинжийан-гийн ардын кэвлэлин хора, 1987. 865 х. (На ойрат. письмен.)

Жангар 2000 — Жангар (= «Джангар»). В 3 тт. Т. 3. Үрэмч: Шинжийан-гийн ардын кэвлэлин хора, 2000. 460 х. (На ойрат. письмен.)

Калмыцкие богатырские сказки 2018 — Калмыцкие богатырские сказки / вступит. ст. Б. Б. Манджиевой; подгот. текстов, переложение калмыцких текстов, пер., примеч.,

коммен., указатели, словарь Б. Б. Манджиевой, Т. А. Михалевой, Ц. Б. Селеевой; примеч., коммент., указатели, словарь Б. Б. Манджиевой, Ц. Б. Селеевой; отв. ред. А. А. Бuryкин, В. Л. Кляус, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев; Калмыцкий научный центр РАН. М.: АО «Первая Образцовая типография», Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2018. 561 с.

Sources

- Jangar. Vol. 1. Folklore of China's Ethnic Groups from Xinjiang. Urumqi: Xinjiang People's Publ. House, 1986. 860 p. (In Oir.)
- Jangar. Vol. 2. Folklore of China's Ethnic Groups from Xinjiang. Urumqi: Xinjiang People's Publ. House, 1987. 865 p. (In Oir.)
- Jangar. Vol. 3. Folklore of China's Ethnic Groups from Xinjiang. Urumqi: Xinjiang People's Publ. House, 2000. 460 p. (In Oir.)
- Jangar: A Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. B. Todaeva (transcript). Vol. 1. Elista: Dzhangar, 2005. 856 p. (In Kalm.)
- Jangar: A Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. B. Todaeva (transcript). Vol. 2. Elista: Dzhangar, 2006. 831 p. (In Kalm.)
- Jangar: A Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. B. Todaeva (transcript). Vol. 3. Elista: Dzhangar, 2008. 460 p. (In Kalm.)
- Jangar: Original Narratives. Urumqi: Zhonghua Book Company (Xinjiang), 1996. Vols. 11–12. 953 p. (In Oir.)
- Kalmyk Heroic Epic of Jangar: The Baga Dorbet Cycle. B. Mandzhieva (foreword); B. Goryaeva, B. Mandzhieva, Ts. Seleeva (text prep.); T. Mikhaleva (transl.), etc. G. Pyurbеev, S. Neklyudov, V. Kukanova (eds.). Moscow: Chekhovsky Pechatnyi Dvor, 2020. 544 p. (In Kalm. and Russ.)
- Kalmyk Heroic Tales. B. Mandzhieva (foreword); B. Mandzhieva, T. Mikhaleva, Ts. Seleeva (text prep., transcript, etc.), etc. A. Burykin, V. Klyaus, V. Kukanova, G. Pyurbеev (eds.). Moscow: Chekhovsky Pechatnyi Dvor, 2018. 561 p. (In Kalm. and Russ.)

Литература

- Амрдала 2008 — *Амрдала Б. Жаңһрчдын товч намтр* (= Краткая биография джангарчи) // «Джангар». Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. Т. 3. Элиста: Джангар» 2008. С. 334–340. (На калм. яз.)
- Батнасан 1986 — *Батнасан Ж. Ховогсайрт Жангар уламжлагад ирсэн тухай байцаалтын мэдүүлэлт* (= К вопросу изучения сказительской традиции «Джангара» в Хобуксаре) // *Жангарын тухай өгүүлүл. II боть. Үрэмч*, 1986. X. 623–646. (На ойрат. письмен.)
- Батнасан 2008 — *Батнасан Ж. «Жаңһр»-ин тууль ба Ховгсэрин жаңһрчдын туха бээцэлт* (= О записи и изучении эпоса «Джангар» и джангарчи Ховгсяра) // *Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. Т. 3. Элиста: Джангар*, 2008. С. 368–390. (На калм. яз.)
- Биткеев 1990 — *Биткеев Н. Ц. Калмыцкий героический эпос «Джангар»: проблемы типологии национальных версий. Элиста: Калм. кн. изд-во*, 1990. 155 с.
- Владимирцов 1923 — *Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. Пг.: М.: Гос. изд-во*, 1923. 253 с.
- Джамцо 1985 — *Джамцо Т. Шинжааны Ойрад монголын баатарлаг тууль — Жангарын тархалт ба түүний хадгаламжийн тойм байдал* (= К вопросу о распространении и сохранении синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар») // *Үүрийн цолмон*. 1985. № 1. X. 24–48. (На ойрат. письмен.)
- Джамцо 1991 — *Джамцо Т. Алдарт жангарч П. Рампил болон Э. Овлойн Жангарын оршил бүлгийн харьцуулал* (= Сравнение текста прологов «Джангара» выдающихся джангарчи П. Рампила и Э. Овлы) // *Ойрадын судлал. Үрэмч*, 1991. № 2. X. 31–91. (На ойрат. письмен.)

- Джамцо 1997 — *Джамцо Т.* Туули «Жангар»-ын учир (= Значение эпоса «Джангар»). Урумчи: Шинжийан-гийн ардын кэвлэлин хора, 1997. 516 х. (На ойрат. письмен.)
- Джамцо 2008 — *Джамцо Т.* Шинжэнгийн монголчуудын дотр «Жангар»-ийн туулин тархж хадгдсн тойм бээдл (= Распространение и сохранение эпоса «Джангар» среди монголов Синьцзяна) // «Джангар». Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: 3 тт. Т. 3. Элиста: Джангар, 2008. С. 368–390. (На калм. яз.)
- Жирмунский 1962 — *Жирмунский В. М.* Народно-героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. 435 с.
- Жирмунский 1974 — *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 726 с.
- Кичиков 1981 — *Кичиков А. Ш.* «Джангар» современных джунгарских ойратов (К вопросу о соотношении традиций) // Этнография и фольклор монгольских народов / отв. ред. А. Г. Митиров. Элиста: КНИИФЭ, 1981. С. 41–56.
- Кичиков 1992 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Наука, Вост. лит., 1992. 320 с.
- Лю 2004 — *Лю Шю.* Особенности песен «Джангара» в четырех аймаках Синьцзяна // «Джангар» и проблемы эпического творчества: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Элиста, 22–24 августа 1990 г.). Элиста: Джангар, 2004. С. 113–116.
- Манджиева 2020 — *Манджиева Б. Б.* Кочевое скотоводство в калмыцком фольклоре // Новый филологический вестник. 2020. № 2(53). С. 92–108.
- Манджиева 2022 — *Манджиева Б. Б.* Текстология и поэтика Малодербетовского цикла эпоса «Джангар» в контексте эпической традиции калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 416 с.
- Мёнкя 2011 — *Мёнкя Б.* «Жангар»-ын тархац хийгээд «Жангар»-ын үүсэл бүрдэл (= К вопросу о распространении и происхождении эпоса «Джангар») // «Джангар» и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения. Мат-лы междунар. науч. конф. (г. Элиста, 20–23 сент. 2011 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 104–110.
- Ням 1984 — *Ням М.* Үндэсний соелын өвөө үр ачнартаа залгамжлагч — Жангарч Мөндүүр настны тухай сурвалжлага (= Наследие джангарчи Мендур — достояние национальной культуры) // Шинжааны Өдрин сонин. 1984. № 12. Х. 4–14. (На ойрат. письмен.)
- Нямжав 1991 — *Нямжав Б.* Жангарч Бэмбэийн тухай дурсамж (= Воспоминания о джангарчи Бэмбэ) // Ойрадын судлал. 1991. № 3. Х. 75–76. (На ойрат. письмен.)
- Неклюдов 1984 — *Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов. М.: Наука, 1984. 309 с.
- Неклюдов 2019а — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии: Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 519 с.
- Неклюдов 2019б — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии: Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 590 с.
- Овалов 2004 — *Овалов Э. Б.* Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов (опыт сравнительно-типологического исследования). Элиста: Джангар, 2004. 184 с.
- Овалов 2008 — *Овалов Э. Б.* Сюжетно-стилевые традиции в эпосе «Джангар» и его версиях. Элиста: Джангар, 2008. 304 с.
- Ринчиндорж 1986 — *Ринчиндорж Ж.* «Жангар»-ын үүссэн цаг үеийн тухай (= О времени создания эпоса «Джангар») // «Жангар»-ын тухай өгүүллүүд. II боть. Үрэмч, 1986. Х. 82–88. (На ойрат. письмен.)
- Селеева 2013 — *Селеева Ц. Б.* Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар». Элиста: КалмНЦ РАН, 2013. 276 с.
- Селеева 2019 — *Селеева Ц. Б.* Особенности сюжетологии в синьцзян-ойратской эпической традиции // Oriental Studies. 2019. Т. 12. № 3. С. 478–491. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-478-491

- Таяа 2002 — *Таяа Д.* Арампилин «Жангар» — Шинжаан Ойрадын баатарлаг тууль (= Синьцзян-ойратская версия «Джангара» в исполнении Арампиля). Chiba: Японы Чива их сургууль, 2002. 298 с. (На старописьмен. монг. яз.)
- Таяа 2010 — *Таяа Д.* Шинжааны жангарчийн уламжлал судлал (= Исследование ска- зительской традиции синьцзянских джангарчи). Улаанбаатар: Тод номын гэрэл төв (Библиотека Ойратика), 2010. 322 х. (На монг. яз.)
- Хабунова 2006 — *Хабунова Е. Э.* Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д: СК НЦ ВШ, 2006. 256 с.
- Хабунова 2015 — *Хабунова Е. Э.* Этнопоэтические константы героического эпоса мон- голских народов: к вопросу о выявлении и систематизации // Вестник Северо-Вос- точного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2015. Т. 12. № 1. С. 140–144.
- Церенов 2008 — *Церенов В. З.* Эпос «Джангар» у ойратов Синьцзяна // Джангар. Ге- роический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. Т. 3. Элиста: Джангар, 2008. С. 437–457.
- Эрдэнэбаяр 2010 — *Эрдэнэбаяр Ж.* Жангарын тархац, түүний газарзүйн хэв шинжүүд (= Распространение «Джангара» и его географические особенности). Улаанбаатар: Тод номын гэрэл төв (Библиотека Ойратика), 2010. 136 х. (на монг. яз.)

References

- Amrdala B. Some biographical notes on the jangarchis. In: Jangar. A Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Dzhangar, 2008. Pp. 334–340. (In Kalm.)
- Batnasan Zh. Investigating the Jangar oral tradition in Hoboksar. In: Messages about the Jangar Epic. Vol. 2. Urumqi, 1986. Pp. 623–646. (In Oir.)
- Batnasan Zh. Jangar narratives from Hoboksar: Folklore collectors, investigators, and tale- tellers. In: Jangar. A Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Dzhangar, 2008. Pp. 368–390. (In Kalm.)
- Bitkeev N. Ts. Kalmyk Heroic Epic of Jangar: Issues of Typology across Ethnic Versions. Elista: Kalmykia Book Publ., 1990. 155 p. (In Russ.)
- Erdenebayar J. Distribution of the Jangar Epic and Its Distinct Geographical Features. Ulaan- baatar: Tod Nomyin Gerel (Bibliotheca Oiratica), 2010. 136 p. (In Mong.)
- Jamtso T. Dissemination and preserving the Jangar epic among Xinjiang Mongols. In: Jangar. A Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Dzhangar, 2008. Pp. 368–390. (In Kalm.)
- Jamtso T. Epic of Jangar and Its Significance. Urumqi: Xinjiang People's Publ. House, 1997. 516 p. (In Oir.)
- Jamtso T. Epic of Jangar: Comparing prologues recorded from the prominent jangarchis P. Rampil and E. Ovla. *Oiradyn sudlal*, 1991. No. 2. Pp. 31–91. (In Oir.)
- Jamtso T. Epic of Jangar: Revisiting the issue of preserving and disseminating its Xinjiang Oirat version. *Üüriin tsolmon*, 1985. No. 1. Pp. 24–48. (In Oir.)
- Khabunova E. E. Heroic Epic of Jangar: Poetic Constants of a Hero's Life Cycle (A Compar- ative Study of Ethnic Versions). Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center for University-Level Institutions, 2006. 256 p. (In Russ.)
- Khabunova E. E. The ethno poetic constants [of] the heroic epic of the Mongolian peoples: The issue of identifying and cataloguing. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2015. Vol. 12. No. 1. Pp. 140–144. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Heroic Epic of Jangar: A Study in Comparative Typology. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 1992. 320 p. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Jangar narratives among present-day Oirats of Dzungaria: Some parallels and correlations between the traditions revisited. In: Mitirov A. G. (ed.) *Ethnography and Folklore of Mongols*. Elista: Kalmyk Institute of History, Philology and Economics, 1981. Pp. 41–56. (In Russ.)

- Liu Shiu. Jangar narratives recorded in four counties of Xinjiang: A review of some distinct features. In: Jangar and Issues of Epic Traditions. Conference proceedings (Elista, 22–24 August 1990). Elista: Dzhangar, 2004. Pp. 113–116. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. Nomadic livestock breeding in Kalmyk folklore. *The New Philological Bulletin*. 2020. No. 2 (53). Pp. 92–108. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. The Baga Dorbet Cycle of the Jangar Epic: Textual and Poetic Features in the Context of the Kalmyk Epic Tradition. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2022. 416 p. (In Russ.)
- Mönkä B. Epic of Jangar: Revisiting the issue of its distribution and origin. In: Jangar and Epic Traditions of Eurasian Peoples. Issues of Investigation and Preservation. Conference proceedings (Elista, 20–23 September 2011). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2011. Pp. 104–110. (In Mong.)
- Neklyudov S. Yu. Folklore Landscape of Mongolia: Myth and Ritual. Moscow: Indrik, 2019. 519 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Folklore Landscape of Mongolia: Written and Oral Epic Narratives. Moscow: Indrik, 2019. 590 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Heroic Epic of Mongols. Moscow: Nauka, 1984. 309 p. (In Russ.)
- Nyam M. Heritage of jangarchi Möndtütür as treasury of ethnic culture. *Shinzhaany Ödrin sonin*. 1984. No. 12. Pp. 4–14. (In Oir.)
- Nyamjav B. Memories of jangarchi Bembe. *Oiradyn sudlal*. 1991. No. 3. Pp. 75–76. (In Oir.)
- Ovalov E. B. The Epic of Jangar and Its Versions: Plot and Stylistic Traditions. Elista: Dzhangar, 2008. 304 p. (In Russ.)
- Ovalov E. B. Typology of Motifs and Plots across Epic Traditions of Mongols: A Study in Comparative Typology. Elista: Dzhangar, 2004. 184 p. (In Russ.)
- Rinchindorj J. Jangar and the time of its creation revisited. In: Messages about the Jangar Epic. Vol. 2. Urumqi, 1986. Pp. 82–88. (In Oir.)
- Seleeva Ts. B. Kalmyk and Xinjiang Oirat Versions of the Jangar Epic: An Thematic Index. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2013. 276 p. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. The Xinjiang Oirat epic tradition: Peculiarities of plot studies. *Oriental Studies*. 2019. Vol. 12. No. 3. Pp. 478–491. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-478-491
- Taya D. Exploring the Tale-telling Tradition of Xinjiang Jangarchis. Ulaanbaatar: Tod Nomyn Gerel (Bibliotheca Oiratica), 2010. 322 p. (In Mong.)
- Taya D. Xinjiang Oirat Version of the Jangar [Epic] Recorded from Arampil. Chiba: Chiba University, 2002. 298 p. (In Mong.)
- Tserenov V. Z. Epic of Jangar among Xinjiang Oirats. In: Jangar. A Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Dzhangar, 2008. Pp. 437–457. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Heroic Epic of Oirat Mongols. Petrograd, Moscow: Svetoch, 1923. 253 p. (In Russ.)
- Zhirmunsky V. M. Heroic Folk Epic: Comparative Essays. Moscow, Leningrad: Goslitizdat, 1962. 435 p. (In Russ.)
- Zhirmunsky V. M. Turkic Heroic Epic. Leningrad: Nauka, 1974. 726 p. (In Russ.)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК / UDC 398.1:615.89

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-488-501

**Устные нарративы калмыков о чудесном исцелении
в полевых записях 2023 г.**

*Евдокия Эрэндженовна Хабунова¹, Людмила Санжибоевна
Дампилова^{2, 3}, Бальзира Вячеславовна Эльбикова⁴*

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova[at]mail.ru

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, приглашенный исследователь

³ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор филологических наук, главный научный сотрудник

 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda[at]rambler.ru

⁴ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, специалист научного центра

 0000-0002-1491-9961. E-mail: elbikova91[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., Эльбикова Б. В., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются материалы, записанные в 2023 г. в Калмыкии от информантов, излечившихся от различных недугов, обратившись за помощью к народным лекарям или ставших свидетелями подобных фактов. Зафиксированные нарративы содержат информацию о людях, обладающих народными медицинскими знаниями и практиками, о способах их диагностирования и лечения, о лекарствах растительного, животного и минерального происхождения, а история чудесного исцеления является лейтмотивом этих устных свидетельств. *Цель* исследования — изучить отдельные факты народной медицины, сохранившиеся в памяти людей в виде устных рассказов, воспоминаний, историй, рассматриваемых нами как нарратив. *Методы* исследования. Нарратив в данном случае понимается как текст, зафиксированный в момент его устного воспроизведения информантом, как краткое изложение прошедших событий в той временной последовательности и в тех объемах, в какой она сохранилась в памяти самого рассказчика. При фиксации материала применялся ряд практических методов, позволявших осуществить неформальное интервью, провести наблюдение и получить новый эмпирический материал и ответы на конкретные вопросы по теме исследования.

Результаты. В процессе выявления искомого материала обнаружилось, что в различных регионах Калмыкии есть люди, которые владеют определенными знаниями в области народной медицины и практикуют по сегодняшний день в этой сфере. Записанные устные нарративы свидетельствуют о реальных случаях обращения «пациентов» к народным лекарям по случаю ухудшения здоровья, о разнообразии и эффективности их способов лечения. Установлено, что народные знания о древних способах лечения не потеряли свою значимость в наши дни, они могут успешно соседствовать с современной научной медициной. Предостережения и запреты, представленные в устных нарративах, важны в настоящее время для сохранения, развития и ретрансляции традиций, связанных со здоровьем человека.

Ключевые слова: народная медицина, народно-лечебная практика, калмыки, полевые исследования, устные нарративы, свидетельства очевидцев, исцеление

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФН в рамках проекта «Фольклор монголоязычных народов — источник эмпирических знаний о здоровье человека и традиционно-медицинской практике» (№ 23-28-00336, <https://rscf.ru/project/23-28-00336/>).

Для цитирования: Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., Эльбикова Б. В. Устные нарративы калмыков о чудесном исцелении в полевых записях 2023 г. // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 3. С. 488–501. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-488-501

Miraculous Healing Narratives of Kalmyks: Analyzing Field Recordings of 2023

Evdokia E. Khabunova¹, Ludmila S. Dampilova^{2,3}, Balzira V. Elbikova⁴

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology). Professor

 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova[at]mail.ru

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Visiting Researcher

³ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS
(6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology). Chief Research Associate

 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda[at]rambler.ru

⁴ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology). Research Associate

 0000-0002-1491-9961. E-mail: elbikova91[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Khabunova E. E., Dampilova L. S., Elbikova B. V., 2023

Abstract. Introduction. The article examines some 2023 narratives recorded in Kalmykia from informants who had recovered from various ailments with the aid of folk healers or who had witnessed such facts. The recorded accounts contain information about individuals with folk medical knowledge and skills, about diagnostic techniques and treatment methods, about medicines of plant, animal and mineral origin — the stories of miraculous healing being the leitmotif of those oral testimonies. *Goals.* The study investigates individual facts of traditional medicine preserved in the people's memories in the form of tales, recollections,

stories considered hereinafter as narratives. *Methods.* So, the word ‘narrative’ denote a text recorded at the time of its oral reproduction by the informant, a summary of past events in the time sequence and to the extent how it was preserved in the memory of each particular narrator. The recording procedures involved a number of practical methods instrumental in conducting informal interviews and observations to obtain new empirical material and answers to specific questions pertaining to the research topic. *Results.* Our efforts aimed at identifying the desired material revealed that various regions of Kalmykia are still represented by efficient individuals possessing certain traditional medicine knowledge and skills. The recorded oral narratives testify to real cases of ‘patients’ who had turned to folk healers with health disorders, describe a variety of employed treatment methods that did prove success. The paper suggests folk knowledge about ancient healing methods has not lost its significance to date, and can successfully coexist with contemporary academic medicine. The warnings and prohibitions presented in oral narratives are as important nowadays to preserve, develop, and transmit traditions relating to human health.

Keywords: folk medicine, folk medicine practices, Kalmyks, field studies, oral narratives, eyewitness accounts, healing

Acknowledgements. The study was supported by Russian Science Foundation, project no. 23-28-00336.

For citation: Khabunova E. E., Dampilova L. S., Elbikova B. V. Miraculous Healing Narratives of Kalmyks: Analyzing Field Recordings of 2023. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(3): 488–501. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-488-501

1. Введение

Многолетняя экспедиционная практика показывает, что в памяти людей надёжно сохраняются знания, касающиеся жизни и здоровья людей, и они находят вербальное воплощение в виде устных рассказов, воспоминаний, историй и других нарративов. Эти устные нарративы изобилуют сведениями о народных целителях (*отч* ‘костоправ’, *медлеч* ‘знахарь’, *бэрэч* ‘массажист’ и других специалистов, обладающих народно-медицинскими знаниями и практиками), об их способах диагностирования и лечения, о лекарствах растительного, животного и минерального происхождения. Чаще всего разнообразные данные о народной лечебной практике объединяются в один нарратив о чудесном исцелении. Анализу подвергаются нарративы, записанные на видеокамеру в 2023 г. от людей, когда-либо обращавшихся к народному лекарю по случаю ухудшения здоровья, излечившихся или ставших свидетелями таких фактов.

В процессе выявления искомого материала обнаружилось, что почти в каждом населённом пункте были люди, занимавшиеся народной лечебной практикой, несмотря на запрет на народную медицину, бытовавший в 1930–1980-е гг. Целенаправленная фиксация устных нарративов о людях, владеющих знаниями в области народной медицины и практикующих по сей день в этой сфере, о реальных случаях обращения «пациентов» к ним и фактах исцеления только начала набирать темпы.

В отечественном монголоведении накоплен определённый опыт в области изучения отдельных фактов народной медицинской практики бурят, калмыков и их соплеменников, проживающих за пределами Российской Федерации. Вопросы, связанные с различными аспектами народной медицины, наиболее успешно освещались в трудах этнографов и историков по традиционной культуре монгольских народов [Бадашкеева 2000; Бакаева и др. 2016; Душан 1928;

Душан 2016; Жуковская 1990; Нанзатов, Содномпилова 2016; Омакаева 2002; Содномпилова, Башкуев, Нанзатов 2021; Стеклов 1989; Ташнинова 2003; Уланов, Бадмаев 2018; Харитоновна 2012; Цыбикова, Дампилова, Чимитдоржиева 2019; Шантаев 2005; Шараева 2011; и др.].

Древние представления о жизни и здоровье человека рассматривались в контексте исследований, посвященных фольклору и обрядовой практике монгольских народов [Борджанова 2007; Горяева 2018; Дампилова 2012; Неклюдов 2019; Хабунова 2006; Хабунова 2022; и др.].

«Чудесное исцеление» — один из распространенных мотивов мирового фольклора, в том числе и устной традиции монгольских народов — имеет мифологическую основу и связан с обрядами и ритуалами, направленными на сохранение жизни человека, укрепления его здоровья и обновления организма. Во взаимодействии с мотивами «вредительство», «испытание», «обман», «мнимая болезнь» и другими элементами фольклорного сюжета он манифестирует исключительные способности фольклорного героя: он может сам чудесным образом излечиться, исцелить или оживить кого-то. Этими же признаками народ наделяет практиков народной медицины, объясняя их целительские способности и редкостные знания божественным даром, а также умениями, унаследованными от предков: *тохмнь тиим* ‘его род такой’, *ясар иржэ* ‘обрел вместе с костями’, *цусар көөжэ* ‘получил по крови’.

2. Материалы и методы

Исследование проводится на основе фольклорно-этнографического материала, собранного одним из авторов данного исследования на территории Республики Калмыкия в 2023 г. В работе применялся ряд методических приемов, позволивший осуществить неформальное интервью с носителями этнической культуры, провести наблюдение, получить новые эмпирические данные о народной медицине и изучить их содержание. В работе также использовались элементы синхронического и диахронического анализа, описательного метода, давшие возможность рассмотреть устный нарратив как краткое изложение прошедших событий в той временной последовательности и в том виде, в какой они сохранились в памяти самого рассказчика.

3. Полевые материалы 2023 г: устные нарративы калмыков об исцелении

В данном исследовании нарратив понимается как текст, зафиксированный в момент его устного воспроизведения информантом, как краткое изложение прошедших событий в той временной последовательности и в тех объемах, в какой она сохранилась в памяти самого рассказчика.

Известно, что отдельные явления, факты, предметы и другие проявления окружающей действительности, оторвавшись от первичной ритуально-мифологической основы, попадают в орбиту повседневности, а попытки их объяснения обычными людьми порождают устные нарративы, жанровая принадлежность и качество текста которых формируются самим нарратором.

Поскольку передача актуальной информации осуществлялась преимущественно путем устной коммуникации, рудименты мифологических пред-

ставлений о болезнях и способах избавления сохранились в памяти людей, и сегодня они проявляются в беседах с информантами, обретая формы логически выстроенного и последовательно изложенного сюжета.

В полевых материалах, записанных на данный момент на территории Калмыкии, можно выделить тематический блок нарративов о «чудесном исцелении». Обратимся к содержанию легенды, рассказанной информантом в контексте ее истории «болезни»:

Гемин тускар нег иим сонън домг соңслав көгшдүдэс. Нег дэжч нег кун күнд гемэр гемтэж. Гемнь деер авад, куч авад ирхлэ, хойр эгч-гем тер күүнэ барун зун хойр ээм деернь сууһад авчкад, байрта бээдгчн, келжэдгчн: «Нэ, эн кун дор оржс одв, өмнхн өөрдэжс одв, чи мад хойр энүг дарад авчквидн», — гижэдгчн. Нег таньлнь тер гемтэ күүнд тусхар ирэд, келжэдгч: «Би чамд күчтэ гидг догшин эм авч ирүв. Гемичн удиг удт күргл уга, асхниг асхнд күргл уга эдгэх чамаг, гем альдаран одснь нам медхмн угач», — гижэдгчн. Терүгинь нег эгчнь соңсчкэж. Соңсчкад, наадк эгчдэн келжэдгч: «Энүндчн күчтэ гидг догшин эм олад авч иржс, эмэн арһлх кергтэ», — гихэд, хоюрн уга болад йовэжс оч, эрлэж. Арднь үлдсн тер гемтэ кун тер дарунь эдгэжс оч 'Про болезнь я слышала одну интересную легенду от стариков: как-то один человек тяжело заболел, болезнь стала его одолевать. Тут две сестры-болезни обрадовались, уселись на его плечи: одна на правом, другая — на левом, и говорят: «Ну, этот человек уже не жилец, дни его сочтены, мы его одолели». Но тут появился хороший знакомый [больного человека], который решил ему помочь. Так вот он говорит: «Я принес тебе очень сильное лекарство, он тебя излечит к полудню [если примешь до обеда] или до вечера [если примешь после обеденного времени], ты даже не заметишь, куда болезнь делась». Эти слова услышала одна из сестер-болезней и говорит другой: «Они раздобыли какое-то сильнейшее и страшное лекарство. Нам с ним не справиться. Надо спастись скорей». Так и сделали, убрались восвояси. А больной человек вдруг исцелился' [ПМА 2023: Инф. 1].

Как отмечает рассказчица, эта легенда как-то послужила ей подсказкой для применения метода самовнушения и самостоятельного устранения болезненного явления и улучшения самочувствия:

Эн домгиг дахулад, нег учрсн йовдлын тускар келжс өгхэр бээнэв, бийиннь тускар. Нег дэжч йовэжс йовад, гертэн ирхлэ, барун шаһам өвдсн болад бээнэ. Нам терүг оньтан авчахмн угав. Хэлэхлэ, хавдр болжс оч. Маңһдуртнь хавдр өсэд йовна. Хавдр эврэн давжс одх гихэд бээнэв. Ода яахмб? Хурвдгч өдртнь улм икдэжс оч. Генткн тер домг санандм орв. Йир ягдгч, гихэд, сөржс үзнэв гихэд, нег хурц иртэ ик балг авад, тер хавдриг дарад, келжээнэв, ээлһжээнэв: «Нэ, ода чи мини эмнд күрхэр бэнч? Тишгхлэ, би чини эмнд күрсв! Чамд хурвн өдр өгчээнэв. Эн хурвн өдрин туршарт уга эс болхлачн, би чамаг эн хурц балгар малтад, уңсарчн утлад уга кесүв!» — гихэд домнчкад, тагчг суунав. Генткн маңһдуртнь босхла, хавдр уга болжс оч. Яһэжс цээлһхэн меджэхши. Тер домгиг бий деерэн хэлэһэд, ил болсн йовдлын тускар келжээнэв 'В контексте этой легенды хочу рассказать об одном случае, который приключился со мной. Как-то я почувствовала боль в области щиколотки, но не стала обращать на это особое внимание. Потом обнаружила, что нога в этой ча-

сти припухла, на другой день боль усилилась, а опухоль увеличилась. Что делать? На третий день она стала еще больше. Вспомнила про легенду о сестрах-болезнях. Решила испытать на себе силу [магическую] той легенды. Взяла большой острый нож, стала плотно прижимать его [лезвием] к опухшей щиколотке и, угрожая [болезни], произнесла: «Ты решила сейчас лишиться меня жизни? Если так, тогда лучше я лишу тебя жизни. Даю тебе всего три дня. Если ты не исчезнешь за это время, тогда я вот этим острым ножом выковыряю тебя до основания и уничтожу!» – заговорила так и сижу молча. Наутро я обнаружила, что опухоль и боль исчезли. Даже не знаю, как это объяснить. Вот так я испытывала на себе силу [исцеляющую магию] легенды. Я рассказала о реальном случае' [ПМА 2023: Инф. 1].

Устные нарративы, записанные нами со слов людей, ставших очевидцами таких историй или обращавшихся к народным лекарям за помощью и излечившихся у них, как они считают, чудесным образом, начинаются, как правило, с предыстории визита к человеку, известному в локальном сообществе своим даром исцеления. Информант сообщает свои анкетные данные по просьбе интервьюера (имя, возраст, принадлежность к роду — субэтнической группе, место жительства и т. д.), но при этом добавляет свои или другие биографические сведения, подробно поясняет ситуацию и обстоятельства, при которых появилась проблема, связанная со здоровьем:

Би нэгмн йисн настадан үвлин цагт, цасн хээлэд, көрч оч, би великар йовжс йовад, тер көрсн һазрар йовхар седэд, унув. Босад йовув, зуг хөөннь ахтаһан йовжс йовад, бүдрэд унув. Босч чадсн угав. <...> Эцкм ирэд, намаг теврэд, гертән авч ирв. Би босч чадл уга кевтүв, идсн хотан бөөлжэд һарһад, хоосн ус ууһад бээвүв ‘Мне было лет восемь-девять, это произошло зимой, снег подтаял, потом замерз, образовался каток. Я решила прокатиться на велосипеде по этому льду и упала. В тот момент я встала и пошла, но позже, уже возвращаясь с братом домой, я вдруг споткнулась, упала и не смогла встать. < > За мной пришел мой отец и принес меня домой на руках. Я лежала, не могла встать, употребление пищи сопровождалось обильной рвотой, пила только воду’ [ПМА 2023: Инф. 2];

Тишгхд сурһульһнриг хаврин цагт сакманд йовулдг билэ. Би йисдгч класст сурчаһад, авһин төчкд одад, гертнь бээһэд, сакманд көдллэв. Нег дакч, асхн намаг нег бичкн хар хорха көлэсм зуув. Тер орминь би маажад, шарх болв. Хөөннь би гертән ирүв. Тер шархин ормд көлин арснд цаһан-цаһан орм үлдв. Тер цаһан-цаһан орм өсэд бээһлэ, минн ээжс намаг эмчд авч одв. Эмч: «Эн цаһан орм түгэд, өсэд, тана куукна һарт, чирэд һарх», — гив ‘Тогда учеников отправляли весной на сакман. В девятом классе я поехала на чабанскую стоянку моего дяди (по отцу), жила в его доме. Как-то вечером меня за ногу укусило какое-то черное насекомое. Я расчесала то место. После я вернулась домой (с сакмана). На месте укуса появились белые пятна. Когда они стали появляться на других участках тела, моя бабушка повезла к врачу. Врач сказал: «Эти белые пигменты будут распространяться по всему телу, появятся на лице» [ПМА 2023: Инф. 2].

Информант, ставший очевидцем подобных случаев, также сообщает сведе-

ния, удостоверяющие личность «больного» и подтверждающие родственные с ним отношения. В таком повествовании часто объясняется вовлеченность нарратора в суть проблемы и его соучастие в разрешении проблемы: он доставляет «больного» к целителю, пытается объяснить причину ухудшения его здоровья, отталкиваясь от своих наблюдений:

Экм Зурхан Худгас Элстур күүкндэн ирэд, нег дэжч хаза суухлань, өөрнө нег гергн ирэд сууж. Му ховцта, бурмха, акад нег гергн. Мини эк терүнэс жигисм ягсмб? Энүнэс көлтэ махмудтнь, белкусн туст, бусргуд устад харч ‘Моя мама приехала из поселка Зурган Худук в Элисту, гостила у дочери. Как-то на улице к ней подседа какая-то женщина, она говорила несвязно, была одета неопрятно, показалась странной. Мама или побрезговала или еще что? Из-за этого на ее теле в области поясицы появились волдыри’ [ПМА 2023: Инф. 1].

К числу причин обращения к знахарю или лекарю информант относит то, что в медицинском учреждении пациент не получил должного эффекта от лечения или ему отказали в оказании медицинской помощи в связи с невозможностью диагностирования болезни, а иногда врачи сами рекомендовали обратиться к народным лекарям. Достоверность информации, сообщаемой в устном нарративе, подтверждается указанием местонахождения медицинского учреждения, народного целителя, также сообщаются имена людей и другие сведения о них:

Садовкин эмчнр Сологузов эдн: езжайте до бабы Шуры, токо туда — гинэд, Шинур йовулчкдг билэ, хар-көл хуһрсн улсиг ‘Врачи села Садовое Сологузов и другие говорили: езжайте до бабы Шуры, только туда. И отправляли людей с переломами рук, ног к костоправу — бабушке Шуре (Шуургчи) в п. Шин’ [ПМА 2023: Инф. 3];

Орс эмчд авч одхла, Яшкульд бээсн. Кююкндтн гем уга. Яһад эс босчахинь меджэхиивидн, — гив ‘Поехали в Яшкуль к русскому врачу. Нам сказали: «Ваша девочка здорова. Не знаем, почему она не может встать»’ [ПМА 2023: Инф. 2];

Сардан больниц эргэд, эмчд одад, рентген кеһэд бээвүвидн. Эмч келнэ: «Хамхрсн булрсн юмн уга. Физио кетн, цур бэртн», — гив. Кевүдн, туслсн уга. Тишгэжэгл нанд хажуд бээсн улс: Манжсин Нэвидт одтн, гив ‘Целый месяц мы ходили по больницам, делали рентген. Врач сказал: «Нет переломов и вывиха, делайте физиотерапию, делайте компрессы». Сыну ничего не помогло. Тем временем люди, находившиеся рядом, посоветовали обратиться к костоправу Манжин Надвид’ [ПМА 2023: Инф. 1];

Эмч халэчкэд келжэһэнэ: «Энүгитн эмэр эдгэж болиго, энүгитн хальмгуд домар эдгэнэ, тиим эдгэдг кун бээнэ», — гижэ. Бас хуучн йос, заңшал меддг эмч болад тишгэж келсн болхгов. Мана нег садн Чөөжэ кү халэдг билэ, — гинэд экм Чөөж тал одв. Халэчкэд: «Кү алсн күн эдгэж чадх», — гив. Тишгхла Баһ Дөрөдт бээсн найн тавта Санжсин Доднур авч одув, дээнд орлцсн күүнд ‘Врач после осмотра [мамы] сказала: «Это вылечить лекарствами невозможно, это калмыки лечат заговором, есть такие люди». Она дала такой совет, потому что знала древние обычаи, видимо. Тогда мама вспомнила про свою

родственницу Чёёжи, которая занимается лечебной практикой, и мы отправились к ней. Она посмотрела и сказала, что ее сможет вылечить тот, кто убил человека. Я повезла ее (маму) в с. Малые Дербеты к восьмидесятипятилетнему старику Санжин Додн, участнику войны (Великой Отечественной войны)’ [ПМА 2023: Инф. 1];

Мини эк өдр бүрин көдлмизн келад, күүнэ келсиг соңсад, зуг харуһинь өгчэхш. Чилгр селэнэ Нишцэн гидг хотнд дөрвдгч ферм бээлэ. Тишгхлэ, наһц ээжм совхозас маши сурад, эмч Үрлэд очана. Үрлэ, хэлэчкэд, би чадшгов, тадн Цаһан Амнд бээсн Гавжс аавд одтн, эрк биш туслх ‘Моя мать продолжала выполнять любую работу, она слышала, что говорят люди, но не отвечала им. Никто не мог понять причину ее молчания. Они жили на четвертой ферме поселка Нишцян села Чилгир. Тогда бабушка попросила машину в совхозе и поехала к лекарю Юрля. Юрля посмотрел и сказал: «Я не смогу [вылечить], вы езжайте к ааве Гавджи, который живет Цаган-Амане, он непременно поможет (гелюнг Тугмюд Гавджи, 1887–1980 гг., в миру Дорджиев Очир Манджиевич. — Е. Х., Л. Д., Б. Э.)»’ [ПМА 2023: Инф. 4].

Повествование, касающееся самого лечения, отличается лаконичностью. В рассказе информанта отмечаются лишь ключевые моменты данной процедуры, тем не менее такие нарративы позволяют увидеть многообразие как известных по сегодняшний день способов народного лечения, так и используемых при этом средств:

Устрашение (изгнание) болезни:

Терүнд [Додн өвгнд] одад, юн болснь келад үзүлхлэг, өвгн медэд: «Ээ, би чадхув! Чаднав!» — гижс. Тигэд маамиг нег өрэд орулад, цэкүр авад, тер устэж одсн ормднь цэкүрдэд, тишгчкэд хурц үзүртэ утх авад, тер ормднь дарад-шааһад, дарад-шааһад, домнад, тэвчкв. «Алнав!», «Булнав!» — гихэд келсинь меднэв. Тишгэд мана эк эдгсми болжсана ‘Оказавшись у него [у старика Додн], рассказали ему о случившемся, показали [волдыри], тогда старик все понял и сказал: «Ээ, я смогу!» «Смогу!». Затем завел маму в комнату, вытащил кремень и стал высекать огонь у тех мест тела, где имелись волдыри, затем взял острый нож и стал тыкать острым концом ножа там же, заговорил и отправил [ее]. Из того, что говорил старик, я запомнила всего лишь два слова «Убью!» , «Запеку /Зарою!». Таким образом наша мама вылечилась’ [ПМА 2023: Инф. 1].

Устранение болезни обманом (вести в заблуждение):

Мана Валя эгч гемтлэ, зүркнь көндрэж кевтэ мордсна хөөн. Тишгэд Аршаня баавд оч, гемтсн улс баавур оддг билэ. Аршаня баав орман сольг гижс. Тишгэд тедн Төөрэчэс Зурһанур нүүжс ирцхэв. Терүнэ хөөн гемтдгэн уурв ‘Сестра Валя заболела, у нее возникли проблемы с сердцем, видимо, после замужества. Тогда они поехали к аршаньскому старцу. Тогда много больных людей обращались к старцу. Он сказал: «Поменяйте место жительства». Тогда они переехали из п. Тёёрячи в п. Зурган. После этого она перестала болеть’ [ПМА 2023: Инф. 3].

Устранение болезни молитвами:

Гавжс аав экурм халачкад, келжс: «Хоолын товчан тээл, невчк сулдхад. Тишгчкэд, ном умшад, хөрн негн хонгт уух, гийхэд, үчүкн цааснд ном бичэд, хөрн негн сай [үчүкн цааснд бичсн ном] өгч. Гертэн одад бээтн, бийнь эдгх», — гийж. Мини наһц ээж Гавжс аавас суржс: «Цер бээнүй?». Цер бэрх күүнд, цер тэвдмн, гийхэд, хахан мах, хулха мах, экнь эргсн хөөнэ мах бичэ идг, гийж. Гертэн ирэд, сай ууһад бээжс. Генткн нег өдр Канур гидг бичкн көвүн, орн дор оржс одсн мяч авхар седжс йовад, келжсэдгч: «Орс нерм Иван, хальмг нерм Канур. Намаг таассарн келтн: Каначн гитн, Ванячн гитн», — гидгч. Тагчг суужсасн эмк «Кана!» гийхэд, босад, теврэд, үмсжсэдгчн. Тишгэд эмк хэрү үгд орад бээв ‘Старец Гавджи посмотрел на мою мать и сказал: «Расстегни пуговицу на вороте, приоткрой шею». Потом прочитал молитву, записал на маленьких кусочках бумаги молитву, сделал двадцать один сай [молитва, написанная на кусочке бумаги] и дал им для приема в течение двадцати одного дня. Сказал: «Возвращайтесь домой, подождите, сама вылечится»’ [ПМА 2023: Инф. 4].

Когда моя бабушка уточнила у старца Гавджи, надо ли моей маме придерживать каких-либо запретов *цер*, он ответил: «Запреты даются только тем, кто их не нарушит. Пусть не ест свинину, ворованное мясо и мясо ценурозной овцы». Вернувшись домой, [мама] принимала эти *сай*. В какой-то из дней к ним домой забежал мальчик (родственник) и кинулся под кровать за мячом. Хватая мяч, он крикнул: «Мое русское имя Иван, а калмыцкое — Канур. Хотите, зовите Ваней, хотите — Каней». Моя мать, сидевшая молча, вдруг вскочила, воскликнула «Кана!», встала, обняла и поцеловала [его]. Так моя мама вновь заговорила’.

Устранение болезни заговоренным предметом, вещью:

Маңһдур өрүнднь Йожсан ээжд улан торһн утцан аваад ирхов, келсарнь. Ээжс ач күүкнә һаринь аваад, үйн бээхинь тоолад, тедү боодһа утцнд кезжәнә. Тооһинь күцәһад боодһа кечкәд, тишгчкәд, тер утцан шигәд (үзүлжәнә), һартнь бэрүләд, һурв дәкч нульмад, домнчкад, һартнь атхулчкв. Энүһән аваад, күн орад-һарад, шикәд бээдг эркнд бичкн нүк малтад, тунд булчктн. Кедү цаг болад, медмжән уга тер үйн уга болжс одх, гив. <...> Келсинь цүцәчкәд бээһад бэәнәвидн. Кедү цаг болснь нам медсн угавидн, одак үйнә яһла гийхэд, халәхлә. Нег чигн үйн үлдәжс уга, арвһар бээсн болх, кезә-яза уга болсинь медсн угавидн ‘На другой день утром пришли к бабушке [старика Йожи] с красной шелковой ниткой, как она просила. Бабушка взяла племянницу за руку, посчитала количество бородавок на ее руке, завязала столько же узелков на красной нитке. Затем скрутила нитку (показывает, как она ее скатала) на руке племянницы, заговорила, поплевала три раза, попросила племянницу зажать скрученную нитку в кулаке. Затем сказала: «У порога, там, где много людей ходит, многократно перешагивают порог, вырой небольшую ямку и зарой эту нитку. Ты даже не заметишь, когда эти бородавки исчезнут, не узнаешь, куда они делись». <...> Все сделали так, как было сказано. Сколько прошло времени, даже и не знаем, решили посмотреть, что с бородавками, и увидели, что не осталось ни одной бородавки, больше десяти их было, наверное. Никто не понял, когда и куда они исчезли’ [ПМА 2023: Инф. 1]. Так как вербальная часть лечения (заговоры) лекарем (знахарем) нашепты-

вается, присутствующие при подобном лечении не могут расслышать их, но при этом информанты отмечают, что по шевелению их губ они понимали, что произносятся какие-то магические слова. В записанных нами текстах словом *домнчкад* подтверждается лишь сам факт заговаривания. Попытки уяснения у собеседника понятия *домнх* ‘заговорить’, ограничивались комментариями по поводу веры калмыков в магию слова (*амна йор* ‘магия произнесенного слова’, *угин ид-сид* ‘магия слова’) и предупреждений, запретов примет, связанных с ней (*Келси үгэс хол йовг!* ‘Пусть уйдет подальше от произнесенных слов!’).

Полевой материал свидетельствует, что в народной памяти сохранились знания о целебных свойствах напитков, растений, продуктов животного происхождения, различных минералов, сведения о технике приготовления лекарственных средств. Практики народной медицины хорошо знали анатомические особенности человека, уклад жизни и другие характеризующие «пациента» качества, они умело использовали флору и фауну своего региона, могли готовить лекарства из различных продуктов растительного, животного и минерального происхождения. Перечень народных лекарственных средств, использовавшихся калмыками от травм, увечий, различных недугов, достаточно широкий, они отражают специфику традиционной культуры, быта, их образа жизни, среды обитания и природно-климатических особенностей местности. В них отмечаются детали, важные для технологии поиска, сбора и хранения ингредиентов, необходимых для изготовления лекарственного вещества, а также фиксируется эффективность лечения приготовленным препаратом. Рассмотрим нарратив о лечебной смеси, изготовленной из помета суслика для лечения от витилиго:

Өмн үзг хэлэжэх зурмна нүкнэ амнд бээх зурмна баасиг цуглуулж авад, цаһан эрkd урсхаһад, долан хонгт харцһу һазрт тэвэд бэрх кергтэ. Намка багш келсиг кевүвидн. Цаһан эрк ноһан өцгтэ болж одв. Терүгэр өдр болһн асхар, унтхин өмн цаһажэх ормст сардан, хойр сардан (мартчкув) түркэд, тер цаһан ормсин өцгнь хуврад, өсдгэн уурв. Тигэд Намка багш заасар би эдгүв ‘Надо собрать сусличий помет у южной стороны норки и растворить его в водке, настоять в течение семи дней в темном месте’, — сказал Намка. <...> Мы все сделали так, как сказал Намка багши. Водка обрела зеленый цвет. Этой настойкой я каждый день вечером перед сном протирала те места на коже, где были белые пятна. Эта процедура продолжалась месяц-два (точно не помню). Со временем распространение белых пятен по телу прекратилось, позже края белых пятен стали менее четкими, потом исчезли. Так я вылечилась, выполнив все назначения Намки багши’ [ПМА 2023: Инф. 2].

В контексте рассказа о тонкостях рецептуры и качестве приготовленного лекарства часто сообщаются информации о запретах и правилах, связанных с обычаями и верованиями калмыков:

Бөөрин киштэ күүнд миисин махар кесн шөлн туслна. Мини таньдг нег гергн бөөрнь отказали, шееснь һарл уга, бийнь хавдад, больницд реанимацд орад, му билэ. Миисин махар шөл кехэр седхлэ, мис алдг күн олдохи. Мис бурхна нохалм, тигэд цугар: чадигов, килнц, гийһэд бээв. Эрэ гиж, кү олж авад, миисин махар шөл кеһэд, тер гергнд өгсч. Тернь ууһад, шееснь һарад, хавдрнь хэрэд, реанимацас палатд орад, эдгв. Ода машиһар нааран-цааран

йовад баан ‘Бульон из кошатины полезен человеку с почечной недостаточностью. У одной моей знакомой почки отказали, моча не отходила, она вся отекала, попала в реанимацию, была очень плоха. Хотели приготовить бульон из кошатины, но не могли найти человека, кто мог бы убить кошку. Кошка считается собакой божества, поэтому все отказывались, говорили: «Не смогу убить, это грех». Еле как нашли человека, приготовили бульон из кошатины, дали той женщине. Она выпила, моча стала отходить, отечность у нее сошла, из реанимации ее перевели в обычную палату, так она вылечилась. Сейчас разъезжает на машине туда-сюда» [ПМА 2023: Инф. 3].

4. Заключение

Анализ собранных в последнее время материалов о народной лечебной практике, устных свидетельств информантов об исцелениях от различных недугов методами народной медицины позволяет заключить, что народные знания предков в области врачевания довольно эффективно использовались на протяжении многих веков и не потеряли свою значимость в наши дни.

В итоге исследования современных полевых материалов установлены причины обращения людей к народным целителям, а рассмотренные устные нарративы показывают, что способы и лекарственные средства народных лекарей до сих пор остаются востребованными, и они тесно связаны с традиционной культурой, образом жизни калмыков и природно-климатическими особенностями их ойкумены.

Народные знания о древних способах лечения могут успешно соседствовать с современной научной медициной и стать хорошим подспорьем для развития лечебного туризма, а предостережения и запреты, представленные в них, важны для сохранения, развития и ретрансляции традиций, связанных со здоровьем человека.

Полевые материалы Е. Э. Хабуновой

ПМА 2023: Инф. 1 — У. Б. Э., 1959 г. р. Баг дёрвюд. Запись Е. Э. Хабуновой, г. Элиста, 2023 г.

ПМА 2023: Инф. 2 — С. С. С., 1966 г. р., г. Санкт-Петербург. Торгут. Запись Е. Э. Хабуновой, Д. А. Лиджиевой, г. Элиста, 2023 г.

ПМА 2023: Инф. 3 — С. Л. Б., 1949 г. р., Элиста, Республика Калмыкия. Баг дёрвюд. Запись Е. Э. Хабуновой, г. Элиста, 2023 г.

ПМА 2023: Инф. 4 — М. В. В., 1980 г. р., г. Элиста, Республика Калмыкия. Ики цоохр торгут. Запись Е. Э. Хабуновой, г. Элиста, 2023 г.

Author's Field data

Informant 1: B. E. U., b. 1959. Ethnic Dorbet (Baga Dorbet). Rec. by E. Khabunova in Elista, 2023. (In Russ.)

Informant 2: S. S. S., b. 1966. Resident of St. Petersburg (Russia). Ethnic Torghut. Rec. by E. Khabunova and D. Lidzhieva in Elista, 2023. (In Russ.)

Informant 3: L. B. S., b. 1949. Resident of Elista (Republic of Kalmykia, Russia). Ethnic Dorbet (Baga Dorbet). Rec. by E. Khabunova in Elista, 2023. (In Russ.)

Informant 4: V. V. M., b. 1980. Resident of Elista (Republic of Kalmykia, Russia). Ethnic Torghut (Iki Tsookhr Torghut). Rec. by E. Khabunova in Elista, 2023. (In Russ.)

Литература

- Бадашкеева 2000 — *Бадашкеева Т. Т.* Арга хийх у монгольских народов // Монголоведные исследования. Вып. 3. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. С. 125–145.
- Бакаева и др. 2016 — *Бакаева Э. П., Орлова К. В., Музраева Д. Н., Шараева Т. И., Балинова Н. В., Хомякова И. А., Мирзаева С. В.* Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 456 с.
- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 587 с.
- Горяева 2018 — *Горяева Б. Б.* Традиции народной медицины в мотивах волшебной сказки калмыков // Новые исследования Тувы. 2018. № 4. С. 161–177. DOI: 10.25178/nit.2018.4.9
- Дампилова 2012 — *Дампилова Л. С.* Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 2012. 263 с.
- Душан 1928 — *Душан У. Д.* Вредные обычаи и суеверия у калмыков и борьба с ними. Астрахань: Калм. изд-во «Красный калмык», 1928. 56 с.
- Душан 2016 — *Душан У. Д.* Избранные труды / сост.: В. В. Батыров, Т. И. Шараева. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.
- Жуковская 1990 — *Жуковская Н. Л.* Судьба кочевой культуры: рассказы о Монголии и монголах. М.: Наука, 1990. 110 с.
- Нанзатов, Содномпилова 2016 — *Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М.* Народно-бытовая медицина монгольских народов: средства животного происхождения в представлениях и практиках // Известия Иркутского государственного университета, 2016. Т. 17. С. 126–145.
- Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 520 с.
- Омакаева 2002 — *Омакаева Э. У.* Медицинские знания у калмыков (по архивным и полевым источникам) // Мат-лы научных чтений, посвящ. памяти проф. А. Ш. Кичикова. Элиста: Джангар, 2002. С. 278–281.
- Содномпилова, Башкуев, Нанзатов 2021 — *Содномпилова М. М., Башкуев В. Ю., Нанзатов Б. З.* Человек в традиционной культуре и медицине тюрко-монгольских народов Внутренней Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2021. 310 с.
- Стеклов 1989 — *Стеклов М. И.* Избранные рецепты калмыцкой народной медицины // Теегин герл. 1989. № 2. С. 107–110.
- Ташнинова 2003 — *Ташнинова А. А.* «Калмыцкая ветвь» тибетской медицины // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2003. № 1. С. 53–55.
- Уланов, Бадмаев 2018 — *Уланов М. С., Бадмаев В. Н.* Традиционная медицина калмыков: историко-культурологический анализ // Новые исследования Тувы. 2018. № 4. С. 138–160. DOI: 10.25178/nit.2018.4.8
- Хабунова 2006 — *Хабунова Е. Э.* Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла. Сравнительное изучение национальных версий. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2006. 256 с.
- Хабунова 2022 — *Хабунова Е. Э.* Народные знания калмыков о традиционных способах лечения: фактология фольклорно-этнографических экспедиций (2012–2017 гг.) // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 405–417. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-405-417
- Харитоновна 2012 — *Харитоновна В. И.* Неконвенциональная медицина в РФ и современные шаманские практики // Эпическое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем. Памяти В. Н. Башилова: сб. ст. / отв. ред. В. И. Харитоновна. Кн. 2. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 256–272.
- Цыбикова, Дампилова, Чимитдоржиева 2019 — *Цыбикова Б.-Х. Б., Дампилова Л. С., Чимитдоржиева Г. Н.* Народные методы лечения у бурят Внутренней Монголии КНР // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология.

Этнология. Антропология. 2019. Т. 27. С. 79–85.

Шантаев 2005 — Шантаев Б. А. Традиционные методы лечения у калмыков в прошлом и настоящем // Т. А. Бертагаев: к 100-летию со дня рождения: Мат-лы I-х Бертагаевских чтений (г. Элиста, 6–7 октября 2005 г.). Элиста: Джангар, 2005. С. 341–344.

Шараева 2011 — Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла у калмыков: XIX – начало XXI в. Элиста: Джангар, 2011. 223 с.

References

- Badashkeeva T. T. *Arga khiykh* among Mongolic peoples. In: Mongolian Studies. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2000. Vol. 3. Pp. 125–145. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Orlova K. V., Muzraeva D. N., Sharaeva T. I., Balinova N. V., Khomyakova I. A., Mirzaeva S. V. Cross-Border Culture: Comparative Essays on Traditions of Western Mongols and Kalmyks. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2016. 456 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Kalmyk Ritual Poetry: Genre System and Poetics. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 587 p. (In Russ.)
- Dampilova L. S. Shamanic Chants of Buryats: Symbols and Poetics. Second edition, rev. & suppl. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2012. 263 p. (In Russ.)
- Dushan U. D. Selected Works. V. Batyrov, T. Sharaeva (comps.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 376 p. (In Russ.)
- Dushan U. D. Struggling against Harmful Customs and Superstitions of Kalmyks. Astrakhan: Krasnyi Kalmyk, 1928. 56 p. (In Russ.)
- Goryaeva B. B. Traditions of folk medicine in the motif of Kalmyk fairy tales. *The New Research of Tuva*. 2018. No. 4. Pp. 161–177. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/812> (accessed: 10 March 2022). (In Russ.)
- Khabunova E. E. Heroic Epic of Jangar: Poetic Constants of a Hero's Life Cycle (A Comparative Study of Ethnic Versions). Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center for University-Level Institutions, 2006. 256 p. (In Russ.)
- Khabunova E. E. Kalmyk folk knowledge about traditional treatment methods: Factual data from folklore and ethnographic expeditions, 2012–2017. *Mongolian Studies*. 2022. Vol. 14. No. 2. Pp. 405–417. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-405-417
- Kharitonova V. I. Non-conventional medicine in Russia and present-day shamanic practices. In: Kharitonova V. I. (ed.) *Epic Heritage and Spiritual Practices in the Past and in the Present: Commemorating Dr. Vladimir N. Basilov. Collected papers*. Vol. 2. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2012. Pp. 256–272. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. Folk medicine of Mongolian peoples: Drugs of animal origin in beliefs and practices. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2016. Vol. 17. Pp. 126–145. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Folklore Landscape of Mongolia: Myth and Ritual. Moscow: Indrik, 2019. 520 p. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. Kalmyk medicinal knowledge: Analyzing archival and field data. In: Commemorating Professor Anatoly Sh. Kichikov. Forum proceedings. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 278–281. (In Russ.)
- Shantaev B. A. Traditional treatment methods of Kalmyks: Past and present. In: Ochirova N. G. (ed.) *First Bertagaev Readings. Proceedings*. Elista: Dzhangar, 2005. Pp. 341–344. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. Life-Cycle Rites of Kalmyks: Nineteenth to Early Twenty First Centuries. Elista: Dzhangar, 2011. 223 p. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M., Bashkuev V. Yu., Nanzatov B. Z. *Turko-Mongols of Inner Asia: Man in Traditional Culture and Medicine*. Joint monograph. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2021. 310 p. (In Russ.)
- Steklov M. I. Selected remedies [and practices] of Kalmyk folk medicine. *Teegin gerl*. 1989. No. 2. Pp. 107–110. (In Russ.)

- Tashninova A. A. 'Kalmyk branch' of Tibetan medicine. *Vestnik Kalmytskogo instituta sotsial'no-ekonomicheskikh i pravovykh issledovaniy*. 2003. No. 1. Pp. 53–55. (In Russ.)
- Tsybikova B-Kh. B., Dampilova L. S., Chimitdorzhieva G. N. National methods of treatment of the Buryats in Inner Mongolia (The People's Republic of China). *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2019. Vol. 27. Pp. 79–85. (In Russ.) DOI: 10.26516/2227-2380.2019.27.79
- Ulanov M. S., Badmaev V. N. Kalmyk traditional medicine: A historical and cultural analysis. *The New Research of Tuva*. 2018. No. 4. Pp. 138–160. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/811> (accessed: 10 March 2022). (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. The Destiny of Nomadic Culture: Some Narratives on Mongolia and Mongolians. Moscow: Nauka, 1990. 110 p. (In Russ.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

2023. Т. 15. № 3

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 08.12.2023. Формат 70х108/16.
Усл. печ. л. 17,06. Тираж 100 экз. Заказ 09-23.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илипкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илипкина, д. 8